

С. Е. МОСТАХОВ

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ- ИССЛЕДОВАТЕЛИ ЯКУТИИ

(XVII—начало XX в.)

Автор, кандидат географических наук, раскрывает роль русских землепроходцев, мореходов, путешественников и учёных в исследовании Северо-Востока страны, в добровольном вхождении Якутии в состав Российского государства. Книга рассчитана на научных работников, учителей-географов, краеведов, студентов и учащихся.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	2
XVII век	
Пантелей Демидович Пянда.....	4
Пётр Иванович Бекетов	6
Иван Иванович Ребров	9
Михаил Васильевич Стадухий	12
Постник Иванов, Дмитрий Зырян	15
Семён Иванович Дежнёв.....	18
Иван Юрьевич Москвитин.....	23
Курбат Иванов	27
Василий Данилович Поярков.....	29
Ерофей Павлович Хабаров.....	34
Владимир Владимирович Атласов.....	37
XVIII век	
Витус Ионассен Беринг, Алексей Ильич Чириков.....	41
Василий и Мария Прончищевы.....	50
Дмитрий и Харитон Лаптевы.....	56
Степан Петрович Крашенинников.....	62
Никита Павлович Шалауров.....	67
Степан Андреев, Иван Леонтьев, Иван Лысов, Алексей Пушкарёв	72
Меркурий Вагин, Иван Ляхов, Степан Хвойнов	76
Иосиф Иосифович Биллингс, Гавриил Андреевич Сарычев	81

Матвей Матвеевич Геденштром.....	87
Пётр Фёдорович Анжу	93
Фердинанд Петрович Врангель, Фёдор Фёдорович Матюшкин	102
Александр Фёдорович Миддендорф	108
Ричард Карлович Маак.....	114
Гергард Людвигович Мандель	120
Александр Лаврентьевич Чекановский.....	123
Николай Данилович Юргенс, Адольф Егорович Эйгнер.....	134
Эдуард Васильевич Толль.....	139
Иван Дементьевич Черский, Мавра Павловна Черская.....	151
Константин Адамович Воллосович	159
Георгий Яковлевич Седов.....	164
Терминологический словарь	169
Литература	171

«Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками...»

В.И. Ленин

Предисловие

На современной карте Якутии нанесено множество географических объектов и сотни различных знаков, показывающих её природные богатства. Рассматривая и сравнивая карты Якутии прошлых столетий с нынешними, мы приходим к осознанию того, какой громадный труд стоит за каждой чёрточкой, за каждым знаком на карте. Сколько мужества и подвижничества многих поколений путешественников и исследователей понадобилось, чтобы мы узнали географию земли Якутской.

Эта книга о тех, кто не щадя своих сил, преодолевая бесчисленные трудности, впервые проникал в самые отдалённые, глухие районы этого сурового и необжитого края.

В созвездии выдающихся первопроходцев и исследователей Якутии ярко сияют имена Семёна Дежнёва, Ивана Москвитина, Витуса Беринга,

Василия Прончищева, Дмитрия Лаптева, Петра Анжу, Ивана Черского, Александра Чекановского, Георгия Седова и многих других замечательных русских землепроходцев, мореходов, путешественников и исследователей XVII — начала XX века. Именно их неустанному труду, их неуёмной энергии и бессмертному подвигу мы обязаны теперь первыми достоверными сведениями и научными знаниями о Якутии.

Что заставляло русских путешественников и учёных отправляться в этот далёкий неведомый край, оставлять надолго родные места, семью, единоборствовать с суровой природой, подвергать себя нечеловеческим испытаниям, болезням, даже рисковать жизнью? Хочется ответить на этот вопрос словами известного советского географа-учёного и путешественника Э.М. Мурзаева: «Какое-то сильное чувство владело этими необыкновенными людьми, когда они наперекор злым стихиям и, казалось бы, неодолимым преградам шли на север и восток — в азиатские пределы. Было много разных причин, в том числе и расчёт, и жажда добычи, перспектива богатства, честолюбие, но главная из них — благородная страсть к знанию нового, открытию неизвестного руководила пионерами-землепроходцами» (70, с. 129-130).

Подвиг самоотверженных исследователей дореволюционной Якутии, как и вся их жизнь, достоин внимания и изучения. К сожалению, имена не всех дошли до нас, мы ещё до обидного мало знаем даже о тех, кто нам известен.

Настоящая книга является попыткой в виде очерков осветить деятельность русских путешественников в Якутии в XVII — начале XX века. Здесь упоминаются далеко не все путешественники, имена которых достойны памяти потомков, ибо о многих из них, даже живших и работавших в более позднее время, мы имеем очень скудные сведения. Требуются длительные поиски и углублённое изучение опубликованных и архивных материалов.

Автор считает своим долгом выразить искреннюю признательность всем, кто помог в подготовке этой книги. Глубокую благодарность автор приносит профессору Московского государственного университета, члену-корреспонденту АПН СССР А.И. Соловьёву и доктору географических наук В.А. Есакову — своим учителям и наставникам.

Автор с благодарностью примет все те замечания читателей, которые, несомненно, возникнут у них при чтении книги.

Схемы маршрутов походов и экспедиций русских путешественников, о которых речь идёт в этой книге, даны в школьно-краеведческом атласе Якутской АССР (ГУГК, М., 1981) и в атласе «Якутия социалистическая» (ГУГК, М., 1982). Все даты в тексте книги даны по старому стилю.

Автор

Пантелей Демидович ПЯНДА

Одним из важнейших этапов продвижения русских людей в глубь Сибири было открытие ими Лены — величайшей реки Северо-Востока Азии. За географическим открытием Лены и её притоков последовало освоение обширного Ленского края — «второй Мангазеи», как писал в своё время Андрей Палицын, мангазейский воевода и один из образованнейших государственных деятелей первой половины XVII столетия.

Честь открытия реки Лены и первых плаваний по ней принадлежит мангазейскому казаку-землепроходцу Пантелею Демидовичу Пянде.

В 1619 году в только что возникший Енисейский острог вернулась одна из многих партий казаков, неутомимо разыскивавших новые реки и земли, и привезла с собой тунгусского князца Илтика. От него-то и узнали, что есть в «стороне восхода солнца», т.е. на востоке, большая река. Сам Илтик на ней не бывал, но слышал от сородичей, что «та река великая, а имени он той реки, как её и по которому языку зовут, не знает».

Слух о таинственной новой реке быстро дошёл до тобольского воеводы, которому тогда подчинялись все недавно открытые сибирские земли и возведённые на них остроги, включая Мангазею, Туруханск, Томск и Енисейск. Он и велел отыскать эту реку, плыть по ней как можно дальше и провести — узнать, куда она впадает, имеет ли притоки.

В начале лета 1619 года мангазейские власти собрали отряд из 40 казаков и направили его на восток в поисках «великой реки». Во главе отряда стал мангазейский казак Пантелей Демидович Пянда.

Отряд Пянды на нескольких стругах двинулся из Туруханска вверх по Нижней Тунгуске. К осени 1622 года, преодолев значительные трудности плавания по незнакомой реке и выдержав три полуголодные зимовки на её берегах, Пянда и его товарищи достигли того места, где Нижняя Тунгуска очень близко подходит к верховьям Лены. Это был Чечуйский волок длиной всего лишь 20 километров. Из-за наступивших морозов здесь казаки вынуждены были остановиться на четвёртую по счёту (за период плавания по Нижней Тунгуске) зимовку.

Весной 1623 года отряд Пянды перетащил на Лену струги и двинулся вниз по ней. Это было первое плавание русских людей по «славной и богатой реке Лене». Неизвестно точно, до какого места дошёл отряд Пянды. Многие исследователи предполагают, что он достиг «земли якутов», т.е. Пянда побывал в местах, где в последствии основался Ленский (Якутский) острог.

Пянда не решился оставаться на зимовку со своим небольшим отрядом. Он повернул обратно, поднялся по Лене до того места, где река близко подходит к Ангаре. До глубокой осени отважные землепроходцы плыли по незнакомой Ангаре. Когда река покрылась льдом, изнурённые долгим походом казаки санным путём ещё до начала 1624 года добрались до Енисейска.

За три с половиной года Пантелей Пянда и его верные спутники проплыли по рекам около восьми тысяч километров. До них никто из русских не продвигался так далеко на восток. Пянда положил начало открытию русскими Восточной Сибири и её крупных водных артерий. В течение одного лета Пянда прошёл вниз и вверх по Лене около 4800 километров. Он первым обследовал Нижнюю Тунгуску приблизительно на 2300 километров и доказал, что верховья её и Лены сближаются до 20 километров, и через открытый им Чечуйский волок русские землепроходцы вскоре начали проникать на Лену. Он же первый указал русским на удобный и надёжный путь от Верхней Лены к Ангаре, по которому впоследствии почти два столетия шло снабжение Якутии.

Разноречивы мнения историков XVII века по поводу мотивов, вызвавших поход Пянды на Лену. По мнению Э. Фишера, единственной причиной, заставившей Пянду совершить плавание по Лене, была жажда прибыли. И. Гмелин указывал, что совсем не это было главным и тем более единственным стимулом для подвигов Пянды и его 40 товарищей. По его словам, храбрый Пянда достаточно широко понимал свою

роль пионера в этих новых и никому ещё из русских неизвестных странах. Пянда, согласно прямому и точному выражению И. Гмелина, «решается всю эту страну исследовать».

И, действительно, вернувшись с похода, Пянда дал обстоятельные письменные известия о своих открытиях. К сожалению, подлинные записи или копии этих известий не сохранились до наших дней. По словам Гмелина, письменные известия Пянды явились поводом к дальнейшему исследованию и заселению новых земель Восточной Сибири. Академик А.П. Окладников утверждает, что «именно сообщения Пянды дали повод к заселению русскими Ленского края» (73).

Недавно историку Б.П. Полевому в делах «Якутской приказной избы», хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в Москве, удалось обнаружить документ, из которого выяснилось, что в 1643 году неутомимый землепроходец Пантелей Пянда снова оказался на Лене, побывал в Якутске (84). Этот факт говорит в пользу того, что ещё рано ставить последнюю точку в изучении биографии Пянды.

В заключение хочется поддержать предложение журналиста Леонида Шинкарева о увековечении географического подвига путешественника начала XVII-го столетия Пантелея Демидовича Пянды: «И как было бы справедливо, если бы где-то ниже Киренска, на холмистом левом берегу, в том самом месте, куда выходил древний Чечуйский волок, стояла бы на горе бронзовая фигура Пантелея Пянды, который открыл для нас реку Лену и Восточную Сибирь» (127, с. 62).

Пётр Иванович БЕКЕТОВ

Русские служилые и торговые люди из Мангазеи и Енисейска, поднимаясь вверх по Нижней Тунгуске и Ангаре, не раз выходили на левые притоки Лены — Куту, Чечуй, Вилюй и по ним спускались на эту великую реку. В 20-30-х годах XVII века на Лене и её притоках побывали небольшие отряды из Мангазеи, Туруханска и Енисейска: Пантелея Пянды, Василия Бугора, Мартына Васильева, Степана Кoryтова и других. Но все они появлялись здесь ненадолго, поспешно брали с якутов и тунгусов (эвенков) пушной ясак, лишь кое-где в верховьях Лены и Вилюя оставляли в маленьких срубах-избушках по несколько казаков, а сами затем возвращались обратно.

Для того, чтобы окончательно закрепить новооткрытый Ленский край, енисейские власти решили поставить на Лене острог. Летом 1631 года из Енисейска на Лену был отправлен стрелецкий сотник Пётр Иванович Бекетов. Ему был дан небольшой отряд из 30 казаков и строгий наказ заложить на великой реке острог, укрепиться навсегда, приводить новые народы под государеву руку, приращивать, увеличивать владения земли русской.

Поздней осенью отряд Бекетова достиг верхней Лены. За плечами у Бекетова и его товарищей остался огромный путь, полный трудных и опасных скитаний. В Усть-Куте они остановились на зимовку. Весной 1632 года, когда Лена вскрылась, отряд Бекетова начал плавание вниз по течению реки.

Бекетов повторил путь Пянды: достиг средней Лены, где жили оседлые якуты. Здесь, на правом берегу реки, на Соттинской местности, казаки построили небольшой деревянный острог, названный Ленским. Сохранился документ, который позволяет точно установить, когда и где это произошло. Пётр Бекетов доносил в Москву: «Того же году (1632. — С.М.) сентябре в 25 день по государеву Цареву указу, поставил я с служилыми людьми на Лене реке острог для государева величества в дальней уkraine и для государева ясачново збору и для приезду якутцких людей. А преж тово на Лене реке и в якутцкой земле государева острогу не бывало нигде. А поставил государев новый острожек, я, Петрушка, против якутцова князца Мамыкова Улуса» (109, с. 172). Следовательно, первое русское поселение на реке Лене было основано не на том месте, где ныне стоит город Якутск, а примерно в 70 километрах ниже по реке Лене, на правом её берегу, напротив улуса намских якутов, вождём которых был широко известный по архивным документам и народным легендам якутский князец Мымах. Это событие произошло 25 сентября 1632 г.

Вскоре в Ленский острог стали прибывать из Енисейска, Мангазеи и Томска новые партии русских служилых, торговых и «гулящих» людей, и уже через год в нём собралось до двухсот человек.

Однако вскоре выяснилось, что Ленский острог поставлен не у места: берег оказался низким и в период высокого весеннего половодья заливался. Так, в 1634 году острог «водою подмыло» и он вовсе развалился. Прибывший на смену Бекетову приказчик Иван Галкин в 1634 году перенёс острог с низменного берега на более высокое место, но он по-

прежнему страдал от весеннего половодья. Поэтому Пётр Головин летом 1643 года распорядился перенести острог вверх по Лене на 70 вёрст, на её левый берег, к озеру Сайсары. Тут и встал острог — теперь уже Якутский, а не Ленский, как он был назван первоначально Петром Бекетовым. На этом месте и стоит сейчас город Якутск.

Надо отдать должное Петру Бекетову. Самый район Лены, наиболее выдвинутый к востоку, был выбран им исключительно удачно, и Ленский (Якутский) острог вскоре стал той опорной базой, откуда русские люди, расходясь на север, восток и юг, открывали новые, неизвестные миру земли, реки и моря.

В 1632 году Пётр Бекетов послал вниз по Лене небольшой отряд енисейских казаков. За Полярным кругом, на земле жиганских тунгусов, казаки поставили на левом берегу Лены Жиганское зимовье. В 1635 году Бекетов совершил поход на крупные притоки Лены — Олёкму и Витим. В том же году он вместо простого Олёкминского ясачного зимовья, основанного в 1633 году енисейским казаком Иваном Козьминым, поставил укреплённый пункт — Олёкминский острог.

С 1640 года Пётр Бекетов служил в Енисейске и оттуда время от времени совершал походы на Лену, Амур и в Забайкалье. В одно время он был начальником Семёна Дежнёва. В 1656 году Бекетов с Амура прибыл в Якутск, а оттуда возвратился в Енисейск. Дальнейшая его судьба историкам неизвестна.

Новосибирские историки В. Курилов и Д. Резун дают следующую оценку деятельности Петра Ивановича Бекетова: «Замечательный землепроходец, одинаково искусно владеющий саблей, пищалью, топором и пером, человек большого темперамента и мужества, не боялся не только спорить с царскими воеводами, но и однажды прямо в Соборной церкви Тобольска выступил с невежливым словом против сибирского митрополита и его лукавого помощника — протопопы Аввакума в защиту своего старого боевого товарища!» (44, с. 6).

Пётр Иванович Бекетов по праву считается виднейшим строителем сибирских крепостей, сибирским «градоначатцем». Он основал Рыбинский (1628 г.), Якутский (1632 г.) и Олёкминский (1635 г.) остроги, перенёс на новое место Братский острог (1651 г.). В 1652 году Бекетов появился в Забайкалье, где воздвиг Усть-Прорвинский острог на Селенге и укрепление при озере Иргень. Некоторые исследователи приписывают Бекетову основание Читы (1653 г.) и Нерчинска (1654 г.). С его

именем связаны начало хлебопашества и поиски полезных ископаемых в Восточной Сибири (55).

Первооснователь города Якутска Пётр Бекетов — одна из ярких и колоритных фигур казаков-землепроходцев XVII века. Его имя в 1957 году было присвоено одной из центральных улиц Якутска. Но нам кажется, что этого мало. Во многих городах в честь их основателей установлены монументальные памятники. Подобного заслуживает и город Якутск.

Иван Иванович РЕБРОВ

Русские землепроходцы с выходом на реки Обь, Енисей и Лену стали строить кочи, на которых спускались в низовья этих рек и, выйдя в Северный Ледовитый океан, следовали на запад и восток вдоль арктического побережья.

Кочи, на вид неуклюжие суда, сшитые вицами, с парусами из выделанной оленьей шкуры — ровдуги, были очень удобны для прибрежного плавания. Эти мелкосидящие суда входили в губы и устья рек; имея яйцевидное днище, они при сжатии льдов поднимались вверх и, снабжённые носом, сделанном по принципу салазок, были удобны для перетаскивания через льды и волок.

Землепроходцы-мореходы, отправляясь в дальние полярные плаванья, подвергались большому риску. Северный ветер прижимал кочи к берегам и скалам, выбрасывал их на мели; ветер, дующий с берега, иногда уносил мореходов в открытый океан. Они искали на океанском побережье новые острова и устья рек, залежи «рыбьего зуба» и племена северных народностей, не платящих ясака.

В первые же годы прихода русских на Лену землепроходцы-мореходы через устье этой великой реки вышли в Северный Ледовитый океан. Плавание на запад и восток от Лены первым совершил тобольский служилый человек Иван Иванович Ребров.

Нелёгкая казачья служба Ивана Реброва началась в 1631 году, когда он, по его словам, был «послан из тобольского города в Мангазею... а из мангазейского города вниз по Вилюю и на великую реку Лену в новые места с тазовским служилым человеком с Степаном Корытовым с товарищи» (97).

В 1631-1632 годах И. Ребров побывал на Вилюе, Лене, Алдане и Амге. Так, с Амги в Якутск он привёз 18 сороков соболей ясака. Зиму 1632-1633 годов Ребров провёл с казачьей ватагой в Жиганском зимовье.

Иван Ребров был первым из русских, побывавших в устье реки Оленёк. Вот как это произошло. Летом 1633 года по указанию якутского воеводы Н. Верёвкина отряд тобольских и енисейских казаков под руководством енисейского пятидесятника Ильи Перфильева, выйдя из Жиганского зимовья, спустился вниз по Лене. У самого устья, недалеко от острова Столб, отряд разделился на две части. Большая часть во главе с Перфильевым отправилась на восток по восточной (Быковской) протоке дельты Лены, а меньшая во главе с Иваном Ребровым прошла по западной (Оленёкской) протоке и вышла в море (Оленёкский залив), а затем, следуя вдоль побережья, вскоре достигла устья реки Оленёк.

«Морская экспедиция на Оленёк во главе с казаком Иваном Ребровым, — пишет историк М.И. Белов, — была одной из самых крупных по тому времени: в ней участвовало около ста торговых и промышленных людей, выбравших себе целовальником влиятельного купца Андрея Дубова» (6, с. 150).

Четыре года служил Иван Ребров в низовьях Оленька. В июне 1634 года от него в Якутск уже пришла первая собранная на Оленьке ясачная казна. В сентябре 1637 года он морем перешёл на Яну, где встретил отряд Ильи Перфильева. До 19 июня 1638 года Ребров служил рядовым казаком, занимался сбором ясака. В челобитной царю он писал: «На Янге (Яне) реке будучи, мы, холопы твои, взяли вновь твоего государева ясаку 20 сороков соболей да лисицу чёрную вывез с Янги реки товарищ мой Илья Перфильев» (97). И, действительно, достоверно известно, что с богатым ясаком (20 сороков соболей) вернулся Перфильев в Енисейск.

Сам же Иван Ребров в 1638 году на трёх кочах вышел из устья Яны и продолжил морской путь на восток. Он впервые прошёл проливом Дмитрия Лаптева и, после непродолжительного, но трудного плавания достиг устья неизвестной реки, как потом выяснилось, Индигирки (тогда её называли «Собачьей» рекой. — С.М.). «Преж меня, — писал Ребров в челобитной, — на тех тяжёлых службах, на Янге и на Собачьей реках не бывал никто — проведаль я те дальние службы». Ребров в низовьях Индигирки, где он поставил два ясачных зимовья (Усть-Янское и Уяндинское), оставался несколько лет. Вернулся Ребров из восьмилетнего плавания в Якутск летом 1641 года. Следует особо подчеркнуть, что

плавание Реброва между устьями Яны и Индигирки через пролив Дмитрия Лаптева по тем временам было выдающимся событием. Этот участок морского пути с огромным трудом сто лет спустя преодолевал Дмитрий Лаптев, а ещё позже — Никита Шалауров.

Якутский воевода П.П. Головин после возвращения Реброва в Якутский острог сразу же отправил его снова на Оленёк приказчиком. Ему была дана наказная память, в которой, в частности, было сказано: «У аманатов и тунгусов расспрашивать накрепко, много ли в Оленьке реке тунгусов, и сколько родов и по сколько в котором роду человек, какая вера у них...»

В 1646 году воевода направил приказ оленёкскому приказчику Реброву проведать «далече ли от Набары (Анабара) реки остров морской с заморным зубом и какой к нему ход» (97). По всей вероятности, здесь речь идёт об острове Большой Бегичев. Возможно до якутских властей дошли сведения или слухи о походах мангазейца Василия Сычёва (Сычова). В 1643 году он по Хатанге спустился к морю и, повернув на восток, открыл устье Анабара. Вполне вероятно, что во время плавания через пролив Пионер Сычёв мог заметить сравнительно высокий (201 м) остров Большой Бегичев.

Но вскоре, якутский воевода, испугавшись беспошлинного перехода ленских промышленников в Мангазею, не только отменил приказ, но и категорически запретил Реброву пускать на запад (на Анабар и Хатангу) торговых и промышленных людей. Так было отодвинуто открытие и освоение острова Большой Бегичев, в котором, несомненно, мог бы принять участие Иван Ребров. На реке Оленёк он служил до 1647 года.

Возвратившись в Якутск, Ребров подал челобитную, в которой упоминал о своей службе в 1631-1647 годах. За это время он был пять раз ранен, в том числе стрелой в голову, у него была «кость спинная перерублена», но Ребров просил якутских воевод о новом его назначении на север Якутии.

В 1652 году опытного землепроходца-морехода Ивана Реброва назначают приказчиком на два-три года на Колыму. Отправляется он туда морем на государевом коче. Несмотря на поздний выход из устья Лены, Ребров успел добраться до реки Алазеи, где поставил коч на зимовку, а сам 10 октября на собаках выехал на Колыму, где пробыл до лета 1654 года. В этом же году он возглавил поход торговых и служилых людей на Лену, в Якутск. Обратный путь он также проделал морем.

После колымской службы Ребров получил назначение в Олёкму. В 1658 году он принял деятельное участие в устройстве «пахотных дел» на устье Олёкмы. В 1663 году Ребров снова ходил морем на Колыму, а затем снова служил приказчиком на Олёкме, Вилюе и Витиме.

За свою жизнь Иван Ребров совершил несколько смелых морских плаваний к устьям великих сибирских рек (Лены, Оленька, Индигирки и др.), прошёл по Сибири от Тобольска и Мангазеи до Колымы. Почти 35 лет прожил Ребров в Якутии, из них 20 лет он провёл в арктических странствиях. Умер отважный землепроходец-мореход в 1666 году в Якутске. Время его смерти было установлено лишь недавно историком М.И. Беловым.

Авторитет Ивана Ивановича Реброва в последние годы его жизни был велик. Он получил высшее звание для служилого человека — сына боярского.

Имя первопроходца многих якутских рек и морских путей носят: ледник в Буордахском массиве на хребте Улахан-Чистай (горная система Черского); река, впадающая в пролив Лаптева (Восточно-Сибирское море).

Весной 1982 года комсомольцы и молодёжь Аллаиховского района Якутской АССР провели поход по местам славы, посвящённый 350-летию добровольного вхождения Якутии в состав России. Конечным пунктом похода стало село Полярное. Именно тут обосновались и до сих пор живут потомки первых русских землепроходцев. Здесь участники похода поставили обелиск Ивану Ивановичу Реброву — одному из тех землепроходцев, кто первым дошёл до низовьев Индигирки.

Михаил Васильевич СТАДУХИН

Михаил Васильевич Стадухин прибыл на Лену в 1630 году с первыми отрядами енисейских казаков. С 1632 года он стал служить в Ленском (Якутском) остроге. Первый поход Стадухина состоялся в 1633 году, когда он с Постником Ивановым ездил на реку Вилюй для сбора ясака с якутов. В 1634-1640 годах молодой и энергичный казак служил на Лене, Вилюе и Алдане.

Зимой 1641 года отряд служилых людей, возглавляемый Михаилом Стадухиным и Семёном Дежнёвым, был отправлен из Якутска к верховьям Индигирки — на Оймякон, где жили немногочисленные якуты и

тунгусы. Здесь казаки занимались сбором ясака, а попутно и сведений о неизвестных ещё русским землях и реках. Так, в 1642 году аломунский тунгус Чюна дал казакам важные показания о реке Охоте, впадающей в Ламское (Охотское) море. Посланный Стадухиным на разведку конный отряд Андрея Горелого из 18 казаков и 20 коренных жителей достиг реки Охоты и спустился по ней вниз. Однако он не дошёл до Охотского моря (6).

Зимой 1642 года кукугирскис и мемельские тунгусы рассказали Михаилу Стадухину о новой реке Моме. «Есть река Мома, — сообщили они, — велика и людей по ней много, и сидячи люди по ней живут, а не кочевьем. А река рыбна и зверя много, нельма и муксуны де в той реке, и луги по той реке великие, и дубровные места, и травы, а юрты деревянные, а огня в юртах не держат» (76, с. 121). Услышав про такую реку, «рыбну, зверисту и собольну», Стадухин решил направить туда небольшой отряд казаков для сбора ясака.

Весной 1642 года Михаил Стадухин построил коч и летом «поплыл вниз по Индигирке», осенью вышел в море и вскоре достиг устья реки Алазеи. Объединив свои отряды, Стадухин, Дежнёв и Зырян, летом 1643 года направились дальше на восток и, по словам участника этого плаванья Ивана Беяны, «морем шли две недели и пришед на Колыму реку, по Колыме шли вверх двенадцать ден» (6, с. 153).

Стадухин, Зырян и Дежнёв являются подлинными первооткрывателями Колымы — одной из крупных рек крайнего северо-востока Азии. В конце июля 1643 года Стадухин основал Среднеколымское зимовьё. А через год в низовьях Колымы, где жили юкагиры, против устья Большого Анюя, Стадухин поставил Нижнеколымское зимовье (впоследствии острог), ставшее вскоре отправной базой для дальнейшего продвижения русских: морем — ещё дальше на восток, а по рекам системы Колымы — на юг, к Ламскому (Охотскому) морю и на восток — к Анадырю.

Про Колыму и населяющий её народ Стадухин сообщил, что «на Колыме де реке был он для государева ясачного сбору два годы, а Колыма де река велика, есть с Лену реку, идёт в море так же, что и Лена под тот же ветер, под восток и под север, а по той де Колыме реке живут иноземцы колымские мужики свой род оленные и пешие сидячие многие люди, и язык у них свой» (12, с. 33).

Летом 1645 года Михаил Стадухин совершил один из первых морских походов с Колымы на Лену. Будучи в Якутске, он показал следующее. От юкагиров, живущих в низовьях Алазеи и Колымы, стало известно казакам, что к западу от Колымы в море впадает река Чюхча (Чукочья), а «по той де реке Чюхче живут иноземцы свой же род, словут чюхчи, оленные, сидячие же» (12, с. 40). Юкагирка, жившая несколько лет среди этих чюхчей (чукчей), рассказала Михаилу Стадухину о том, что в море, на пути к Колыме, по левую руку, есть остров, на который чукчи с реки Чукочьей зимой переезжают на оленях в один день. Здесь идёт речь, очевидно, об острове Крестовском (из группы Медвежьих островов).

В 1647 году якутский воевода В.Н. Пушкин снова направил Михаила Стадухина на Колыму для сбора ясака и поисков новых земель. На трёх судах он спустился по Лене. Плавание по морю Лаптевых проходило в трудных погодных условиях. Стадухин писал в Якутск, что на море были «страшные ветры». Кроме того, он сообщил про остров, который виден в море, «идучи от Святого Носа» (это — остров, ныне называемый Большим Ляховским). До наступления морозов суда успели добраться до устья Яны, где стадухинцы остановились на зимовку.

Зимой отряд Стадухина перешёл с Яны в Нижнеиндигирское зимовье, откуда, построив судно, с частью своего отряда Стадухин прибыл на Колыму. Это было в конце июля 1648 года. Стадухин не застал в Нижнеколымском зимовье Семёна Дежнёва, 20 июня отправившегося морем на восток. Всю зиму, не имея никаких вестей о судьбе экспедиции Дежнёва, Стадухин решил сам попытаться достичь морем реки Анадырь. Но из-за сложных ледовых условий он вернулся в Нижнеколымск.

Весной 1649 года юкагиры, взятые на Малом Анюе, рассказали Стадухину о том, что «можно де по Анюю реке через Камень (Аньюйский хребет. — С.М.) перетти с Колымы реки на новую реку Анандырь» (76, с. 260). По словам юкагиров, река Анадырь населена многочисленными племенами и богата пушным зверем. Эта весть быстро разнеслась по Колыме. Вокруг нескольких вожаков собрались толпы людей, готовых немедленно идти в поход. В начале 1650 года в Нижнеколымске были организованы два отряда, во главе которых стали Михаил Стадухин и Семён Мотора. В конце апреля того же года они пришли на реку Анадырь, где и застали Семёна Дежнёва и его товарищей.

На Анадыре Стадухин пробыл недолго. Услышав от анадырских ко-ряков о ещё более богатой реке Пенжине, в июне 1651 года он отпра-вился на поиски этой реки и достиг её в том же году. В 1652-1657 годах Стадухин открыл реки Гижигу и Тауй, острова Пенжинского залива, по-бывал на подступах к Камчатке.

В 1659 году Михаил Стадухин вернулся в Якутск и некоторое время служил на Лене и Алдане. В 1633 году он доставил в Москву соболиную казну и известия о Чукотке и Камчатке. За многолетнюю и неустомимую службу на северо-востоке Азии царь Алексей Михайлович произвёл Ми-хаила Стадухина в казачьи атаманы.

Вернувшись в Якутск, атаман Стадухин сначала служил в Олекмин-ском остроге, а затем, в 1664-1665 годах, на реке Алазее, приказчиком Алазейского зимовья. В 1665 году Стадухин получил новое назначение на Колыму, но в пути попал в засаду и был убит.

За тридцать пять лет непрерывных казачьих служб и походов Ми-хаил Стадухин прошёл путь от Енисея до Анадыря, принимал активное участие в открытии многих географических объектов, прославился своей организаторской способностью и настойчивостью, удалью и сме-лостью. Он по праву принадлежит к числу выдающихся землепроходцев и мореходов XVII столетия.

К сожалению, очень скудны сведения о личной жизни М.В. Стаду-хина. Пока известно только то, что на Лене служили его младшие братья — Тарас и Герасим. В Якутии жили и сыновья Михаила Стадухина — Яков, занимавшийся промыслом и торговлей на Лене, и Нефёд, прохо-дивший государеву службу на Алдане и Мае.

Имя известного землепроходца и морехода носят посёлок и протока в низовьях Колымы, а также ледник в Буордахском массиве хребта Ула-хан-Чистай (горная система Черского). Одна из центральных улиц Якут-ска названа именем Михаила Васильевича Стадухина.

Постник ИВАНОВ, Дмитрий ЗЫРЯН

Легенды и рассказы о «захребетных» реках на северо-востоке Якутии притягивали землепроходцев и мореходов XVII века. Тогда каждая крупная река открывалась двумя путями — с моря, через её устье, и су-хопутьем, через горы и хребты («камень»), обычно с выходом к верхо-вьям или истокам реки. Так и были открыты Яна, Индигирка и Колыма.

В 1636 году енисейский казак Постник Иванов впервые совершил сухопутный поход из Якутска на Яну.

Достоверно известно, что в 1632-1633 годах Постник Иванов служил на Лене, был активным участником похода Михаила Стадухина на Вилюй и к низовьям Лены. Считается, что он был одним из основателей Жиганского зимовья.

Летом 1636 года отряд енисейских и красноярских казаков, состоящий из 30 человек во главе с Постником Ивановым вышел из Якутска на Яну. Перейдя Лену казаки на лошадях направились на северо-восток, к Алдану. Через неделю они достигли этой реки на том месте, где слева впадает река Танда, а справа — река Тукулан. Переправившись через Алдан, конный отряд Иванова двинулся на север, вверх по реке Тукулан. Путь был трудный, он проходил через «камень», т.е. через Верхоянский хребет. Ещё через неделю казаки перешли на реку Сартанг, где встретили тунгусов. Следуя вниз по этой реке, казаки достигли того места, где река сливается с рекой Дулгалах, т.е. где начинается река Яна. Здесь жили якуты, которые не оказали русским никакого сопротивления, приняли русское подданство и дали ясак соболями.

В 1636-1637 годах, во время зимовки на Яне Постник Иванов и его казаки получили отрывочные сведения о восточных «землицах и людях», а именно об «Юкагирской землице на Индигирь-реке». Якуты показали им дорогу на реку Индигирку.

Летом 1637 года конный отряд Иванова с 27 людьми продолжил свой поход на восток, по правому притоку Яны — Адыче и затем по реке Туомах (правый приток Адычи). С огромными трудностями казаки передвигались по незнакомым рекам и местностям, и только благодаря помощи четырёх юкагиров-проводников они достигли «Индигирь-реки». Весь путь от Яны до Индигирки отнял почти один месяц.

В среднем течении Индигирки Постник Иванов поставил первое ясачное зимовье — Среднеиндигирское. Построив здесь лодки, казаки двинулись вверх по реке и вскоре приступили к сбору ясака с тамошних юкагиров. Вернувшись на зимовье и оставив там 16 человек, Иванов двинулся в обратный путь. Он доставил в Якутск первые достоверные сведения о верхнем и среднем течении реки Яны, о янских тунгусах и якутах, о «Юкагирской землице», которая «людна, а Индигирская река рыбна; в Юкагирской землице соболей много; и в Индигирь-реку многие реки впали, а по всем по тем рекам живут многие пешие и оленные

люди; да у юкагирских же людей серебро есть, а где они серебро емлют, того он Постник не ведает» (117, с. 385).

Сухопутный путь на Яну и Индигирку, проложенный землепроходцем Постником Ивановым, долгое время являлся единственным трактом, связывающим Якутск с Северо-Востоком, с Колымой и Камчаткой.

В начале 1641 года енисейский казак Дмитрий Зырян с ленскими казаками прошёл сухим путём на реку Яну. Летом того же года Зырян поставил на реке Индигирке зимовье, названное Олюбенским.

Весной 1642 года группа служилых и промышленных людей из Нижнеиндигирского зимовья во главе с Дмитрием Зыряном ушла в море на поиски новых земель. Это плавание увенчалось открытием новой реки — Алазеи. Сохранилось краткое известие одного из участников этого плавания: «И они, служилые люди и с ними Митька Ярилков (Зырян. — С.М.) пятнадцать человек, сделав на той на Индигирки реки два коча, и пошли на тех кочах вниз тою Индигиркою рекою до моря, шли две недели. И с устья Индигирки реки к востоку бежали по тому морю парусом до усть Алазеи реки, вверх парусом и собою, до юкагирского князца Ноочичан полтретьи дни... Шли они по Алазей реки в кочах шесть ден и дошли до лесу. И у того лесу де зимовье поставили» (6, с. 153).

В низовьях вновь открытой реки Алазеи Дмитрий Зырян и его спутники встретились с оленными чукчами. Это было первое ознакомление русских с представителями палеоазиатских народов.

Почти следом за Зыряном на Алазею прибыл отряд землепроходцев и мореходов, возглавляемый Михаилом Стадухиным и Семёном Дежнёвым. Объединив свои отряды, Зырян, Стадухин и Дежнёв летом 1643 года вышли в море и, по словам участника этого плавания Ивана Беляны, «морем шли две недели и пришед на Колыму реку, по Колыме шли вверх двенадцать ден.» (Там же.)

В устьевой протоке Колымы казаки построили зимовье. Здесь Дмитрий Зырян в начале 1646 года скончался.

Именем одного из первооткрывателей северо-восточных рек Якутии землепроходца и морехода Дмитрия Зыряна названы левый приток Колымы — река Зырянка и рабочий посёлок Зырянка — центр Верхнеколымского района Якутской АССР.

Семён Иванович ДЕЖНЁВ

С. И. Дежнёв

Среди славных имён сибирских землепроходцев и мореходов XVII века особенной известностью пользуется имя Семёна Ивановича Дежнёва. Заслужил он эту славу своим историческим плаванием из устья реки Колымы в Тихий океан в 1648 году, когда впервые было доказано, что Азия отделена от Америки проливом. Слава эта пришла к Дежнёву не сразу, а лишь много лет спустя после его смерти. О подвиге Дежнёва долгое время в Европе не знали, хотя в Сибири память о нём перешла из поколения к поколению.

Около 80 лет пролежало в архиве Якутской воеводской канцелярии донесение С.И. Дежнёва о плавании его вокруг Чукотского полуострова. Только во время Второй Камчатской экспедиции член Российской академии, участник академического отряда экспедиции Г.Ф. Миллер обнаружил подлинные отписки Дежнёва и опубликовал их в 1758 г.

До недавнего времени историки считали родиной С.И. Дежнёва Великий Устюг. М.И. Белов установил, что замечательный землепроходец и мореход родился около 1605 года в деревне Осиновская Волоко-Пинежской волости Двинского уезда в бедной крестьянской семье и, как все жители Поморья, был связан с морем.

Молодой и энергичный Семён Дежнёв не остался в родных местах, а вместе с переселенцами в начале 30-х годов XVII века отправился искать счастья в далёкой Сибири. Он служил в Тобольске, а затем в Енисейске.

В 1638 году Дежнёв с отрядом казаков был переведён в Ленский (Якутский) острог. Первые два года он провёл в остроге, «поверстался» в казаки и посвятил себя нелёгкому делу — сбору ясака. С самого начала казачьей службы Дежнёва отличала от других казаков гуманность как в отношении своих подчинённых, так и в отношении коренных жителей.

В 1639-1640 годах С.И. Дежнёв участвовал в нескольких походах на реку Татту и Амгу (левые притоки Алдана. — С.М.), на Вилюй, в Средневилюйское ясачное зимовье. Так, в 1639 году Дежнёв был послан в Орготскую волость собирать ясак и «проведывать новые места и реки». Задачу эту он выполнил успешно.

В 1640 году письменный голова Василий Поярков, управлявший воеводством в Якутске, поручил Семёну Дежнёву совместно со служилым

человеком Дмитрием Зыряном собрать ясак на реке Яне. Отряд Дежнёва состоял из 15 казаков. Он двинулся на Яну зимним путём и, несмотря на «страшную стужу», выполнил задание, собрав значительный ясак.

В августе 1641 года Дежнёв был назначен на дальнюю службу на реку Оймякон. Небольшой отряд, состоявший из 15 человек и руководимый Семёном Дежнёвым и Михаилом Стадухиным, отправился на лошадях, в Оймякон. Они были первыми из русских людей, побывавших в самом холодном месте северного полушария.

Узнав, что река Оймякон впадает в Мому, а последняя является притоком Индигирки, Дежнёв и Стадухин, отправив ясак с небольшим отрядом в Якутск, пошли разведать эти реки.

Вместе с государевой казной была послана и отписка служилых людей. В ней мы находим первое географическое описание Оймякона, район которого является полюсом холода: «А Емокон (Оймякон — С.М.) река идёт с Камени, а по Емокону реке пашенных мест, ни дубровных, ни лугов травных нет, все согры (болотисто-таёжная равнина, покрытая кустарниками. — С.М.) да болота, да камень. А в Емоконе реке рыбы нет, ни зверя по Емокону нет. А отнюдь на Емоконе реке жить служивым людям не мошно, кормитца жить не у чего, людей по той реке нет нигде. А ламутские тунгусы ходят мимо, а не живут на той реке...» (76, с. 120).

Дежневцы, с Момы попав на Индигирку, решили искать «новые земли, где б можно было вновь великому государю в ясачном зборе прибыл учинить». Весной 1642 года они построили коч, на котором спустились по бурной Индигирке до самого её устья. Здесь отряд Дежнёва присоединился к другому отряду, собиравшему ясак на реке Алазее и руководимому Дмитрием Зыряном, с которым Дежнёв ранее ходил на Яну. С Алазеи казаки перебрались сухим путём на Колыму, где встретились с отрядом Михаила Стадухина, который совершил переход морем из Индигирки на Колыму. В 1644 году Стадухин и Дежнёв основали в низовьях Колымы Нижнеколымское зимовье (впоследствии острог), ставшее важнейшим опорным пунктом для дальнейшего передвижения русских людей на Чукотку и Камчатку.

На Колыме отряд Дежнёва, Зыряна и Стадухина соединились для совместного сбора ясака с юкагиров и «для прииску новых земель и неясачных людей» к востоку от Колымы.

Семён Иванович Дежнёв по праву считается одним из первооткрывателей реки Колымы. Здесь он служил до 1648 года. Неоднократно отправлялся Дежнёв к верховьям реки, где жили «непослушные неясачные иноземцы», и где, по словам самого Дежнёва, «казаки голод терпели и всякую нужу принимали». Бесспорно, что Семён Дежнёв и его товарищи Михаил Стадухин, Дмитрий Зырян, Иван Ерастов, Семён Мотора и другие отважные казаки внесли свой весомый вклад в освоение Колымы — крупнейшей реки на крайнем северо-востоке Азии.

В 1646 году промышленники Исай Игнатьев и Семён Алексеев с товарищами из Нижнеколымского острога морем добрались до Чаунской губы и у прибрежных жителей — чукчей в обмен на товары наменяли моржового клыка («рыбьего зуба»). После этого удачного плавания промышленные и торговые люди стали готовиться к новому походу. Летом небольшая экспедиция на четырёх кочах вышла в море. С ней для «бережения государева интереса» отправился Семён Дежнёв, пользовавшийся уважением за храбрость, честность и деловитость. Управитель острога передал Дежнёву «наказную память» и поручил прииск новых земель и неясачных людей. Но это плавание было неудачное. Сильное скопление льдов вынудило кочи вернуться обратно.

В 1648 году плавание из устья Колымы на восток было повторено. 20 июня экспедиция во главе с Семёном Дежнёвым, Фёдором Поповым (Алексеевым) и Герасимом Анкудиновым вышла из Нижнеколымска в Ледовитый океан и направилась на восток. На 9 кочах находилось 90 человек. Это плавание обессмертило имя Семёна Ивановича Дежнёва: он с товарищами, пройдя последний участок северо-восточного прохода, первый обогнул восточную оконечность Старого Света и открыл пролив, отделявший Азию от Америки.

В октябре 1648 года небольшой отряд Семёна Дежнёва достиг устья реки Анадырь. Из 90 участников экспедиции остались в живых 12. Такова была цена подвига, который совершили русские люди во имя поисков морского пути с Колымы на Анадырь.

Весной 1649 года, когда вскрылась река Анадырь, дежнёвцы из плавника построили лодку и поплыли вверх по реке до «анаульских людей» — коренных жителей этих мест. Трудно было маленькому, изнурённому отряду в этой далёкой окраине страны. В среднем течении Анадыря казаки построили зимовье, которое впоследствии стало Анадырским острогом.

В Анадырском остроге Семён Дежнёв пробыл свыше десяти лет. Собранные им этнографические и географические материалы, ясак и «рыбий зуб» он пересылал через местных жителей в Нижнеколымский острог. Оттуда их пересылали в Якутск.

Только в 1660 году Дежнёв сухопутным путём, через Анадырский и Анюйский хребты, отправился в Нижнеколымский острог. Возвращаться морским путём он не решился, ссылаясь на то, что у него нет «доброй судовой снасти». Летом 1661 года Дежнёв начал морское плавание с Колымы на Лену. Весной 1662 года, после 22-летнего отсутствия, он прибыл в Якутск.

В начале 1662 года Семён Дежнёв получил ответственное и почётное поручение доставить «государеву казну» в Москву. Труден и тяжёл был путь от Якутска до Москвы: ехал отряд почти два года и прибыл в столицу в сентябре 1664 года. Сразу по приезде Дежнёв подал царю Алексею Михайловичу челобитную, в которой просил выдать ему полагающееся денежное и хлебное жалование за годы службы на Северо-Востоке. Он писал: «А я, холоп твой, пошед из Енисейского острогу, служил тебе, великому государю, всякие твои государевы службы и твой государев ясак збирал на великой реке Лене и по иным дальним сторонним рекам в новых местах — на Яне, и на Оймяконе, и на Индигирке, и на Алазейке, и на Колыме, и на Анандыре реках — без твоего государева денежного и хлебного жалованья, своими подъёмы. И будучи же на тех твоих государевых службах, в те многие годы всякую нужу и бедность терпел и сосновую и лиственную кору ел и всякую скверну принимал — двадцать один год. Милосердный государь, пожалуй меня, холопа твоего, своим государевым денежным и хлебным жалованьем за те прошлые годы, за моё службишко и за кровь и за раны и за многое терпение» (106).

В начале 1665 года последовал Указ царя: «за ту его, Сенькину, многую службу и за терпение пожаловал великий государь самодержавия, велел ему на те прошлые годы выдать из Сибирского приказу треть деньгами, а за две доли сукнами». Дежнёв получил всего лишь 38 рублей деньгами и 97 аршин сукна. Если учесть, что Дежнёв доставил государству огромную прибыль — одна только добытая им моржовая кость оценивалась в 17340 рублей, не говоря уже о пушнине, то жалованье Дежнёва за 21 год составило весьма малую сумму. Тем же Указом Семён

Дежнёв получил чин атамана: «За ево Сенькину, службу и за прииск рыба зуба, за кость и за раны поверстать в атаманы» (76, с. 514).

В начале марта 1665 года С.И. Дежнёв выехал из Москвы, сопровождая денежную казну, в Якутск, куда он прибыл летом 1666 года. В 1667 году Дежнёв был назначен приказчиком на Оленёк, где и пробыл до 1669 года. Как всегда, он служил добросовестно, честно; ему не раз удавалось мирным путём собрать ясак с оленёкских якутов и эвенков. Летом 1668 года он совершил плавание по Оленьку и достиг его устья. В 1669-1670 годах Дежнёв снова побывал на Яне и Вилюе. В июле 1670 года якутский воевода поручил Дежнёву доставить в Москву «соболиную казну», которая оценивалась в 47 тысяч рублей. Это свидетельство того, что в правительственных кругах Дежнёв пользовался полным доверием. Полтора года добирался он до Москвы: 25 декабря 1671 года Дежнёв сдал порученную ему соболиную казну. В столице он заболел и в начале 1673 года в возрасте около 68 лет скончался.

Известны некоторые подробности личной жизни Семёна Ивановича Дежнёва. В 1640 году он женился на якутке по имени Абакаяда Сичю. От этого брака Дежнёв имел сына Любима. Как и отец, Любим с молодых лет много путешествовал по Якутии, неоднократно отправлялся из Якутска в походы на восток — на реку Улью и Охоту. В 1667 году Семён Дежнёв женился вторично, после смерти первой жены. Вторая жена, тоже якутка, получила при крещении имя Пелагеи Семёновой. От этого брака у Дежнёва был также сын, Афанасий, который в конце XVII века служил в якутских острогах и на Анадыре.

Семён Иванович Дежнёв прожил около 68 лет и почти полвека из них отдал «государевой службе» в Сибири. Одним из первых русских людей он побывал на Яне и Индигирке, Оленьке и Алазее, участвовал в открытии и первоначальном освоении Колымы. Он открыл пролив между Азией и Америкой, отыскал и исследовал Анадырь. Велик его вклад в строительство первых русских поселений на Северо-Востоке Азии. Возможно, им были сделаны ещё и другие географические открытия, ибо далеко ещё не все архивные документы изучены нашими историками и географами.

Морской поход С.И. Дежнёва в 1648 году не был простым эпизодом или случайным событием. Как отмечает крупный советский историк член-корреспондент АН СССР А.В. Ефимов, поход Дежнёва являлся лишь северным ответвлением единого процесса освоения Сибири. Известный

полярный исследователь В.Ю. Визе справедливо отмечает, что «несмотря на скудость биографического материала о Дежнёве, из этого материала всё же видно, что он был человеком выдающимся. Неустанное стремление к новым неизведанным местам, беззаветная храбрость, исключительная настойчивость в достижении поставленной цели, уверенность в своей силе и, наконец, унаследованное от предков-северян неугасимое тяготение к воле — таковы главные черты характера Семёна Дежнёва. Он был прирождённым землепроходцем, и вся деятельность его протекала именно по этому руслу, где лучше и полнее всего могли сказаться его природные качества» (17, с. 575).

Постановлением СНК Якутской АССР от 9 октября 1948 года, в связи с 300-летием географического подвига С.И. Дежнёва одна из центральных магистралей города Якутска — улица Иркутская была переименована в улицу Семёна Дежнёва.

7 ноября 1967 года в центре Верхнеколымского района Якутской АССР — посёлке Зырянка состоялось открытие ещё одного памятника Семёну Дежнёву и другим землепроходцам. Памятник (автор П.Г. Куприянов) представляет собой бетонный столб с изображением наверху казачьего коча XVII столетия.

Потомство будет вечно благодарно Семёну Ивановичу Дежнёву за его географический подвиг, позволивший определить крайний восточный предел нашей Родины и водную грань, отделяющую её от Америки. Имя славного сына России по праву стоит рядом с именами великих мореплавателей — Колумба и Магеллана.

Иван Юрьевич МОСКВИТИН

И. Москвитин на берегах Тихого океана. Гравюра В. Федяевской

Лето 1639 года было знаменательным для Московского государства: русские люди, закончив грандиозный поход по Сибири навстречу восходящему солнцу или, как тогда говорили, «встречь солнца», начатый отцами и дедами на восточных склонах Уральского

хребта, вышли на берег Тихого океана. Отряд землепроходцев под командой Ивана Юрьевича Москвитина завершил великий географический подвиг, начатый Ермаком в 1581-1584 годах.

В начале 1636 года томские воеводы И.И. Ромодановский и А.А. Бунаков выдали наказную память атаману «томских пеших казаков» Дмитрию Копылову, согласно которой ему предписывалось идти в Енисейский острог, а из «Енисейского острога идти вверх по Тунгуске и по Илимской реке за волок на Лену реку, а Леною идти им в низовые земли и в иные реки» (113, с. 438).

Отряд Дмитрия Копылова, состоящий из 50 томских служилых людей, осенью 1637 года был уже в Якутске. Он стал собирать сведения о «землях, восточнее Лены», о реке Северее, о богатствах которой в Томске ходило много рассказов. Как раз к тому времени до Якутского острога доходили смутные слухи о том, что на востоке простирается «Тёплое море».

Летом 1638 года Копылов повёл отряд на реку Алдан. Землепроходцы, поднявшись на лодках вверх по реке до мест, где жили тунгусы и якуты, не платившие яса, остановились и основали зимовье, названное Бутальским (по имени тунгусского рода Бутал. — С.М.). Это событие произошло 28 июля 1638 года. На Алдане, в 100 километрах выше устья Май, землепроходцы зимовали. Во время зимовки Копылов расспрашивал местных жителей об охоте, соболиных местах, рыбных реках, соседних племенах. От бывалых охотников он достоверно узнал о существовании на востоке «большого моря-окияна, по тунгусскому языку Лама». От тунгусов рода лалагиров Копылов установил, что некоторые их сородичи живут в верховьях реки Май, недалеко от Ламы.

Ясачный тунгус Бутальской волости Декеной Ширкунцов сообщил Копылову, что «с вершины майского можно де перейти на Ламу. А до Ламского де, государь, переходу с усть Май реки судовым путём Маемою рекою — в шесть недель» (106, с. 34-35). Озянские тунгусы сообщили землепроходцам и о реке Учур: «Под вершиною де Алдана реки впала в него Учур река. А де та река Учур вышла из озера, а около того озера живут многие тунгусы».

Летом 1639 года для «проведывания море-окияна» на востоке из Бутальского зимовья отправилась экспедиция, состоящая из 30 человек. Возглавил экспедицию томский казак Иван Юрьевич Москвитин.

Восемь дней москвитинцы спускались по Алдану, до устья Маи. Медленно и осторожно в течение следующих семи недель шёл отряд Москвитина вверх по Мае, разведывая, каким путём лучше всего из её долины идти на восток, к «морю-окияну». По указанию проводников-тунгусов Москвитин выбрал путь вверх по реке Нудыми (Нюдма) — левому притоку Маи, истоки которой очень близко подходят к верхнему течению реки Ульи. По Нудыми (Нюдме) москвитинцы плыли «на стругах вверх шесть дней ходу», а далее шли «волоку половина дня» через «камень» (хребет Джугджур. — С.М.) и достигли верховьев Ульи («вышли на реку Улью, на вершину»). По Улье, до её устья казаки плыли тринадцать суток («да тою Ульем рекою шли вниз стругом, плыли восмеры сутки. И на той же Ульи реке, зделав лодью, плыли до моря, до устья той Ульи реки, где она впадала в море, пятеры сутки»). Таким образом, весь путь от Бутальского зимовья на Алдане до Охотского моря экспедиция Москвитина прошла за 11 недель. Москвитинцы были первыми русскими, достигшими побережья Тихого океана.

В устье реки Ульи, казаки поставили Ульское зимовье — самое раннее поселение русских людей на берегах Тихого океана.

На побережье Охотского моря москвитинцы жили почти два года: с октября 1639 года по май 1641 года. Мужественно преодолевая многочисленные трудности, участники экспедиции обследовали побережье моря на значительном расстоянии к северу и югу от реки Ульи.

Весной 1641 года Москвитин из залива Алдома перешёл волоком через хребет Джугджур, вышел в верховья реки Северный Уй и по ней спустился на реку Маю. В конце июля того же года экспедиция Москвитина благополучно вернулась в Якутский острог, где её руководитель подробно отчитался перед воеводой П.П. Головиным. В августе многие участники экспедиции получили в Якутске награду «За верную службу».

О бедствиях и лишениях, которые пришлось испытать смелым землепроходцам, И.Ю. Москвитин говорит очень скупно: «...до Ламы идучи кормились деревом, травою и кореньем, на Ламе же по рекам рыбы много добыть и можно сытым быть» (113, с. 441).

На всём пути следования до Охотского моря и по побережью москвитинцы встречали тунгусское население («и всюду живут тунгусы многие роды»). Москвитин стремился установить добрые отношения с аборигенами. Он в результате расспросов местного населения, которые вёл при посредстве тунгусского толмача Семёна Петрова, и основываясь на

собственных наблюдениях, составил драгоценный исторический документ: «Роспись рекам и имена людям, на которой реке которые люди живут, тунгусские роды, по распросу Томского города служилых людей Ивашки Москвитина да Семейки Петрова, толмача тунгусского, с товарищи, куда ходят на Ламу из Якутского острогу». «Роспись», в частности, содержит: 1) описание пути «на Ламу из Якутского острогу» с исчислением его продолжительности в днях; 2) описание реки Май с притоками, с перечислением кочующих тунгусских родов; 3) описание рек, впадающих в Охотское море как к северу от Ульи («из-под северной страны»), так и к югу («в полуденную сторону»).

И.Ю. Москвитин и его спутники с большой точностью записывали со слов местных жителей разнообразные географические и этнографические сведения. К примеру можно привести перечень притоков Май: Чабча (Чабда), Юнома (Юдома), Аим, Маймакан, Уй, Нюдма (очевидно, Нудыми).

Нельзя не согласиться с мнением историка-этнографа Н.Н. Степанова, который, отмечая неточности с современным произношением, писал: «Небольшие звуковые изменения, не искажающие до неузнаваемости названия, нельзя, конечно, считать ошибками. Нужно помнить, что информаторами были тунгусы, а записывали русские. Наоборот, приходится только удивляться той полноте и правильности сведений, какими располагали тунгусы, и той точности передачи, какую дали русские служилые люди» (113, с. 443).

Подчёркивая историческое значение первой русской экспедиции, достигшей побережья Тихого океана, нельзя не упомянуть имя её инициатора и организатора — Дмитрия Копылова. Его имя по праву должно стоять рядом с именем руководителя экспедиции — Ивана Москвитина.

Землепроходец Иван Юрьевич Москвитян, биография которого остаётся неизвестной до сих пор, с товарищами, выйдя на берег Тихого океана, завершил великий поход русских людей «встречь солнца». За 58 лет русским народом была пройдена колоссальная территория протяжением более чем 6000 километров.

В 1979 году в устье реки Ульи был открыт памятник в честь первого выхода русских людей на берег Тихого океана.

Курбат ИВАНОВ

В 1638 году было принято решение об образовании самостоятельного Якутского уезда, подчинённого непосредственно Москве — Сибирскому приказу. Из Москвы в Якутск были направлены первые воеводы П.П. Головин и М.Б. Глебов. Им было приказано «высмотреть того накрепко, мочно ли на Лене реке в которых местах пашня завести и пашенных крестьян устроить, чтоб на ленских служилых людей и на ружников и на оброчников хлеба напахать ленскими крестьяны, а из Тобольска бы на тех ленских служилых людей хлеба не посылать. Да будет по их высмотру на Лене реке в каких местах пашня устроить мочно, угожие места есть, и им велено в пашню строити охочих людей, да о том отписати к государю в Москве» (109, с. 110).

Для выполнения этого предписания якутские воеводы решили отыскать на Лене и её крупных притоках земли, пригодные для земледелия. В начале сентября 1640 года десять служилых людей во главе с тобольским пятидесятником Курбатом Ивановым были отправлены из Якутска на лодках вверх по реке Лене. Наказная память обязывала казаков «описать и сметить пашенные места и сенные покосы, и Лене реке до вершины и падучим в неё сторонним рекам зделать чертёж» (89, с. 46).

Во время путешествия в 1640-1641 годах Курбат Иванов собрал ряд ценных географических сведений о Лене. В частности, он смог получить от коренных жителей, в первую очередь, от эвенка Можеула, сведения об истоках великой сибирской реки: «...А течёт Лена река вершина из ключей, а подошла та вершина Ленская к Ламе близко». Это верно: исток Лены находится на западном склоне Байкальского хребта, в 10-12 километрах от Байкала.

Возвратившись в Якутский острог в феврале 1641 года, Курбат Иванов подал воеводам чертёж, на котором были нанесены пахотные места по берегам верховьев Лены.

Летом 1641 года Иванов был направлен из Якутска в Жиганское и Молодское зимовья для сбора ясака и прииска новых неясачных земель. Находясь в Жиганске, он составил чертёж не только всей Лены «с вершины до устья», но и крупных её притоков — Витима, Киренги, Вилюя и Алдана. На чертеже были показаны и пахотные места. В июле 1642 года Иванов прибыл в Якутск и свой новый чертёж с росписью подал

воеводам. «По существу, — пишет историк Б.П. Полевой, — это был первый чертёж всей Якутии, незадолго до этого присоединённой к России» (89, с. 49).

Именно на этом чертеже Курбата Иванова впервые на одном листе была изображена вся река Лена с её главными притоками и в них «падучими реками», причём изображена она была не только по расспросным рассказам местных жителей, но и на основании сведений русских землепроходцев и мореходов, которые смогли к этому времени уже довольно хорошо ознакомиться со всей ленской водной артерией от Прибайкалья и Станового хребта вплоть до Северного Ледовитого океана. Курбат Иванов, будучи на Лене, имел тесный контакт со многими промышленными и служилыми людьми, побывавшими на Лене, Яне, Индигирке, Алдане и на берегах Охотского моря. На чертеже Курбата Иванова были изображены «Собачья река» (т.е. река Индигирка) и часть Охотского побережья.

Спрашивается: каким же образом Курбат Иванов смог нанести на свой чертёж эти географические объекты, когда он в тех отдалённых местах не бывал? Ответ на эти вопросы впервые дал Б.П. Полевой: в 1641-1642 годах вместе с Курбатом Ивановым в Жиганске зимовали бывшие участники похода Ивана Реброва на Индигирку — Максим Телицын и Иван Сергеев, а также участники первого русского похода на Тихий океан — Алфер Мемчин, Дорофей Трофимов и Иван Анисимов. Вероятно, именно эти участники походов помогли Курбату Иванову нанести на его чертёж реку Индигирку и Охотское побережье.

24 августа 1642 года Курбат Иванов был опять послан на службу на верхнюю Лену — в новый Верхнеленский острог. Зимой 1642-1643 годов он отправился из этого острога в свой знаменитый поход на западное побережье озера Байкал. Это был самый первый поход русских к «славному озеру». Вернувшись из этого похода, Иванов подал новый «чертёж Байкалу и в Байкал падучим рекам и землицам». Этот новый свой чертёж Курбат Иванов отправил в Якутский острог к воеводе П.П. Головину в сентябре 1643 года.

На верхней Лене Курбат Иванов служил до 1650 года. С мая 1646 года он становится приказчиком Усть-Кутского острога, где прожил свыше двух лет. В 1651 году Курбат Иванов за свои успешные службы на Лене был повёрстан в сыновья боярские города Тобольска. После короткого

пребывания в этом городе Иванов был вновь отправлен на Лену. В середине 50-х годов XVII века он руководил промысловыми походами по Олёкме.

22 июля 1657 года Курбат Иванов был отправлен из Якутского острога на реку Анадырь — сменить Семёна Дежнёва. До Анадырского острога он добрался лишь в мае 1659 года. За время своей шестилетней службы на далёком северо-востоке России Курбат Иванов смог составить ещё один географический труд — «Анадырский чертёж». Весной 1660 года он во главе группы анадырских промышленников совершил плавание от Анадырской губы до мыса Чукотского. Отважный землепроходец-картограф умер в 1666 году на Чукотке.

Курбат Иванов по праву считается первым выдающимся картографом Ленского края. «Несомненно, — пишет Б.П. Полевой, — при дальнейшем изучении источников XVII века исследователи ещё обнаружат ряд новых документов о картографических работах Курбата Иванова» (89, с. 52).

Василий Данилович ПОЯРКОВ

В начале 40-х годов XVII века слухи и рассказы о могучей реке Амуре умножались. Первый воевода Якутска П.П. Головин, заботясь о «новых земляцах», стал собирать сведения об Амуре. Промышленные и служилые люди слышали от витимских и олёкминских тунгусов о большой реке, текущей далеко на восток через страну оседлых дауров, где много хлеба и скота, где встречаются большие поселения, а леса богаты пушным зверем.

Витимский тунгус Ладыкан, привезённый в Якутск, 11 октября 1762 года сообщил воеводе Головину ряд важных сведений об Амуре и её притоках. Ладыкан утверждал, что наиболее удобный путь на Амур идёт с верховьев Алдана. По его словам, «против Алданские вершины живут каптагаи скотные и избы у них по русскому и хлеб де у них родитца много и серебра де у них много» (91, с. 23). В январе 1643 года П.П. Головин допрашивал в Якутске тунгусского князца Томканея. «Ход на Зею реку, — сообщил князец, — идти с Алдана по Учюру до Гонами реки и по Гонаме до волоку на Зею реку полтрети недели». Одновременно он довольно подробно рассказал о занятиях зейских и приамурских жителей: «...люди сидячие, хлеб пашут сами, а скота у них много, а

хлебов у них родитца разных добрых десять и рожь, и ячмень, и горох, и пшеница, и греча родитца... и серебра де у них много же». (Там же.)

Витимский тунгус Лавага весной 1642 года в Якутске подробно описал пути на реку Амур не только с Витима, но также с Алдана и Олёкмы. По его словам, он «на Шилке реке вверх и вниз очень много знает и на Зее реке бывал же много раз» (114, с. 59).

Приволье, богатство Амура и прежде всего то, что там хлеб «родитца много», привлекало внимание якутского воеводы, так как хлеба в Якутске, получаемого от «пашенных ленских крестьян», не хватало и его приходилось привозить издалека, чаще всего из-за Урала.

Придав серьёзное значение опросным сведениям об Амуре, воевода Головин решил отправить большую экспедицию на юг, поставив во главе её якутского письменного голову Василия Даниловича Пояркова.

15 июля 1643 года Василий Поярков с 112 служилыми людьми, 15 охотниками, 2 целовальниками, 2 толмачами и одним кузнецом выступил в поход, имея вполне определённую «наказную память». В ней указывалось, что «... на Зее реке будучи, ему, Василью, спрашивать всяких иноземцев накрепко про сторонние реки падучие, которые в Зею реку пали, какие люди по тем сторонним рекам живут, сидячие ль или кочевные, и хлеб у них и иная какая угода есть ли, и серебряная руда, и медная, и свинцовая по Зее реке есть ли, и что кто иноземцов в распросе скажет, и то записывать именно. И чертежь и роспись дороге своей и волоку, и Зее и Шилке реке, и падучим в них рекам и угодьям, прислать в Якутский острог, вместе с ясачной казной; и чертежь и роспись прислать всему за своею Васильевою рукою» (12, с. 13). Кроме того, Пояркову был дан твёрдый наказ, чтобы люди его отряда не трогали и не обижали местное население.

Экспедиция Пояркова отправилась из Якутска вниз по Лене. Через два дня она достигла устья Алдана и, поднимаясь вверх по этой реке, через четыре недели дошла до устья реки Учур, пройдя почти 1300 километров. По Учуре поярковцы поднимались десять дней и вошли в реку Гонам.

Путь экспедиции был очень трудным, так как всё время казаки продвигались против течения крупных горных рек, в незнакомой, дикой, необжитой стране, руководствуясь лишь указаниями проводников и охотников — якутов и тунгусов. Так, проводником на Алдане и Учурс

согласился быть уже упомянутый выше князец Томканей, который «бывал на Зее реке многожды». Он заранее предупредил Пояркова о тех опасностях, которые могут встретиться на пути экспедиции, и посоветовал возможно быстрее двигаться вперёд, так как на Гонаме ещё больше порогов, чем на Учуре.

И, действительно, судоходство по Гонаму возможно только на 200 километров от устья, выше начинаются пороги. Людям Пояркова приходилось перетаскивать плоскодонные лодки (дощаники) чуть ли не у каждого порога, на Гонаме их больше сорока, не считая мелких. На одном из порогов лодка с кладью и продовольствием потерпела аварию. За пять дней пути до устья Нуям наступившие морозы заставили казаков остановиться на зимовку.

Оставив часть своих казаков на зимовке во главе с пятидесятником Мининым и обеспечив их запасом провианта и снаряжения, сам Поярков отправился налегке с отрядом в 90 человек вперёд, на Зею.

Отряд Пояркова двигался на лыжах, волоча за собою нарты с грузом. Три недели шли казаки по глубокому снегу. С огромными трудностями они перевалили через Становой хребет и вышли к верховьям реки Брянты (правый приток Зеи). По льду Брянты в начале зимы 1643-1644 годов Поярков и его спутники вышли на Зею и, следуя вниз по этой реке, в первый раз увидели оседлых жителей, занимавшихся охотой и земледелием. Это были дауры, которые также впервые увидели русских людей. Найдя у дауров хлеб и скот, Василий Поярков решил зимовать возле устья реки Умлекана (левый приток Зеи).

Однако запасов хлеба у дауров было мало. Взятые с Гонама продовольствие подошло к концу, и вскоре казакам пришлось голодать. Они питались сосновой корой, откопанными из-под глубокого снега кореньями и даже падалью.

Отряд Минина, зимовавший на Гонаме, прибыл на Зею ранней весной 1644 года. Ко времени его прихода из 90 казаков, вышедших с Поярковым, осталось в живых только 40 человек, остальные умерли с голода.

Как только окончился ледоход, экспедиция Пояркова отправилась в плавание по Зее и в начале лета прибыла на Амур. К устью Сунгари (правый приток Амура) Поярков спустился за три недели. Здесь начинались

земли другого амурского народа — дючеров. Они оказались воинственными, и первая же встреча с ними оказалась для Пояркова весьма печальной: во время внезапного нападения дючеров погибло 23 казака.

После короткого отдыха у устья Сунгари, экспедиция снова двинулась вниз по Амуру и спустя 5 недель она достигла её устья, где остановились на вторую зимовку. Отважные землепроходцы, проплыв по Амуру, увидели этот заветный край и воочию убедились в достоверности рассказов тунгусов о богатствах Приамурья. Перед русскими людьми предстали другой край, другая природа, и люди, совершенно не похожие на то, что они привыкли видеть в Якутии. По берегам рек часто встречались вспаханные поля, сады, табуны лошадей, стада коров. Местные жители подтвердили об изобилии пушных зверей в лесу — стоило поохотиться день, как уже можно было добыть несколько десятков соболей. Василий Поярков удостоверился, что у дауров и дючеров в ходу всевозможные металлические и серебряные изделия.

В низовьях Амура поярковцы встретились ещё с другим народом — гиляками, от которых казаки получили немало географических сведений, в частности, об острове Сахалине: «гиляки сказывали: есть де на усть Амура реки в губе остров, а на том острове двадцать четыре улуса... а на острове ж рыбы много ж всякой и соболя де на острове много ж...» (90, с. 548). Гиляки рассказали казакам не только о природе Сахалина, но и о жителях: «есть де подле моря чёрные люди, волосатые...». Здесь речь идёт об айнах, населявших южную часть Сахалина.

В начале лета 1645 года, на утлых судёнышках — щитиках, построенных казаками зимой, Поярков отправился в плавание по Охотскому морю на север, стараясь продвигаться вдоль материкового берега. После тяжёлого трёхмесячного плавания по «бурному, холодному и неизвестному морю» казаки добрались до устья реки Ульи, где Поярков остался на третью зимовку.

В начале сентября Поярков решил послать из Ульинского зимовья в Якутск подробное сообщение о своём походе по Амуру и Охотскому побережью. С этой целью «отпустил Василей во Якутский острог с Ульи реки с отписками и чертежом» шесть казаков. Во время плавания вниз по реке Мае с ними произошло несчастье: «наплыли де они, служивые люди, ночью и утопили де они из лодки в колодке отписки и чертёж...» (90, с. 547).

Вскоре на Мае начался ледостав, из-за которого лодка у казаков вмёрзла в лёд, «до Алдану не доплыв... за три дня». Пешком с большими трудностями казаки добрались до реки Татты (левый приток Алдана), откуда за 12 дней дошли до Якутска. Здесь в воеводской избе они подробно изложили историю своих долгих странствований, рассказали о судьбе Василия Пояркова.

Ранней весной 1646 года, оставив в Ульинском зимовье 20 казаков для сбора ясака, Поярков на лыжах и нартах отправился вверх по Улье. Перевалив через хребет Джугджура и спустившись в верховья реки Май, казаки выдолбили лодки и поплыли по Мае и Алдану, а затем по Лене.

В Якутск Василий Поярков вернулся 12 июня 1646 года. Во время трёхлетней экспедиции он проделал около 8 тысяч километров. Поярков и его спутники испытали невероятные трудности и огромные лишения, потребовавшие от каждого большой выносливости, храбрости и настойчивости. Из отправившихся с Поярковым в 1643 году 132 человек возвратились в Якутск лишь 33 человека. Остальные, кроме 20 казаков, оставленных в устье Ульи, погибли в пути, большей частью от голода.

В.Д. Поярков представил якутским воеводам В.Н. Пушкину и К.О. Супоневу подробный отчёт о своём походе и чертёж пройденного пути. Кроме того, Поярков сдал воеводам «обильный ясак» и трёх гиляков, привезённых им с устья Амура.

Василий Данилович Поярков был первым из европейцев, совершившим плавание по Амуру и сделавшим дальний переход по Охотскому морю. Его поход обогатил русскую географическую науку. Поярков впервые прошёл новым путём от Лены на Амур; открыл и дал первое краткое, по верное описание рек Учура, Гонама, Зеи и Амура; открыл немало географических объектов на берегах Тихого океана (Амурский лиман, Сахалинский залив, Татарский пролив и другие) и собрал первые сведения о Сахалине. Весьма ценны и этнографические наблюдения Пояркова о народах Южной Якутии и Приамурья, их занятиях и обычаях.

«Для потомков, — писал писатель С.Н. Марков, — главная заслуга Пояркова в том, что он указал русскому народу путь к Восточному океану по великой реке Амуру, открытой вольницей из Тобольска и Якутска» (54, с. 83).

В.Д. Поярков убеждал якутских воевод, что нужно присоединить Приамурье к Руси: «... и в том, ему государеву будет многая прибыль, потому что те землицы людны, и хлебны, и собольны, и всякого зверя

много, и хлеба родится много, и те реки рыбны, и его государевым ратным людям в той земле хлебной скудости ни в чём не будет» (2, с. 56).

О дальнейшей службе и судьбе В.Д. Пояркова нет пока никаких сведений. Но мы уверены в том, что исследователи найдут в архивах страны документы, раскрывающие жизнь и деятельность этого выдающегося представителя русских землепроходцев XVII века.

Именем В.Д. Пояркова назван город Поярково — ныне главный на Амуре угольный порт. Именем землепроходца названы хребет между реками Гонам и Сутам в Южной Якутии и улицы во многих городах Сибири и Дальнего Востока. Одна из центральных улиц города Якутска, откуда почти 340 лет тому назад начался героический поход на Амур, носит также имя В.Д. Пояркова.

Ерофей Павлович ХАБАРОВ

Жизнь и подвиги Ерофея Хабарова связаны с Якутией и Приамурьем. Его походы с Лены на Амур в 1649-1653 годах снискали ему славу одного из выдающихся землепроходцев.

Ерофей Павлович Хабаров родился около 1610 года в деревне Дмитриеве (ныне в Нюксенском районе Вологодской области) в семье бедного русского крестьянина. Как многие свои земляки-сверстники, юноша Хабаров ушёл на заработки за Урал. В 1627 году он совершил поездку на коче из Тобольска в Мангазею, оттуда в 1628 году во главе партии казаков по рекам и волокам молодой и энергичный Хабаров перешёл на реку Хету (восточная часть Таймыра). В 1630 году Ерофей Хабаров участвовал в плавании из Мангазеи в Тобольск. «Вместе с другими русскими землепроходцами, — пишет М.И. Белов, — Хабаров участвовал в географическом открытии северо-восточных районов огромного Таймырского полуострова и принял участие в промысловом его освоении» (10, с. 111). В 1631 году Ерофей Хабаров сопровождает государеву казну в Москву.

В Мангазее Ерофей Хабаров не мог не знать о только что совершённом открытии реки Лены, так как в дни его пребывания в городе находился Пантелей Пянда, совершавший выдающийся поход на Лену.

Когда перед Хабаровым снова встал вопрос о поездке в Сибирь, он, не колеблясь, выбрал ленские земли, рассчитывая на первых порах заняться там привычным делом — хлебопашеством.

В 1632 году Хабаров вместе с братом Никифором и племянником Артёмом Филипповым прибыл в верховье Лены, где в устьях её притоков Куты и Киренги основал пашенное земледелие. В 1633 году Хабаров явился первооткрывателем знаменитых соляных источников у устья реки Куты, превратившиеся в скором времени в центр снабжения солью всего Ленского бассейна в XVII-XVIII веках. В том же году Хабаров организовал солеварню. Впоследствии из этой соляной варницы вырос первый в Восточной Сибири соляной завод.

В 1634-1643 годах Ерофей Хабаров подробно обследовал верхнее и среднее течения Лены (от Усть-Кута до Якутска), плавал по её большим и малым притокам. И всюду, «ища прибыли государям», предприимчивый и наблюдательный Хабаров узнавал, «какие реки впади в Лену и сколько от которой реки от устья до устья ходу парусом и греблею», расспрашивал «про те реки подлинно, как те реки словут, и откалево вершинами выпали» (108, с. 12).

Плавая по многим притокам Лены и углубляясь в их таёжные бассейны, Хабаров узнавал, «какие люди по тем рекам живут», и стремился получить более достоверные сведения о различных племенах, их занятиях и обычаях — «скотные ли люди, и пашни у них есть ли и хлеб родится и какой хлеб родится, и зверь у них соболь есть ли и ясак с себя платят и, будет платят, и в которое государство и каким зверем». (Там же). Ерофея Хабарова интересовали минеральные богатства Ленского края, особенно соляные источники, драгоценные камни и металлы.

Весной 1641 года Ерофей Хабаров поселился на верхней Лене, у устья Киренги и стал усиленно заниматься земледелием. За короткий срок он распахал 60 десятин земли и с большим успехом выращивал хлеб. По архивным материалам видно, что Хабаров снабжал хлебом не только торговых и промышленных людей, но и казну. Известно, что в одном только 1642 году он продал 900 пудов ржаной муки (108, с. 14).

Благополучие Ерофея Хабарова на устье Киренги продолжалось недолго — якутский воевода Головин наложил руку на его хозяйство. За отказ ссужать деньгами воеводскую казну Хабарова в 1643 году бросили в якутскую тюрьму, где подвергали жестоким пыткам. В тюрьме Хабаров просидел около двух с половиной лет — выпустили его во второй половине 1645 года.

После выхода на свободу Ерофей Хабаров вместе с братом и племянником с ещё большей энергией и настойчивостью принялся за восстановление разорённого киренгского хозяйства. Вскоре устье Киренги ожило, хозяйство у Хабарова значительно расширилось.

Ерофей Хабаров прожил на Киренге до 1649 года, когда внимание его привлекло открытие Приамурья Василием Поярковым. Слухи о несметных богатствах Даурии пробудили живейший интерес у ленского хлебопашца. Весной 1649 года он обратился к новому якутскому воеводе Д.А. Францбекову со смелым планом похода в Даурию. Воевода одобрил этот план и, посылая Хабарова на Амур, дал ему наказ, — «призвать даурских князей Лавкая и Батогу под высокую государеву руку».

Летом 1649 года Ерофей Хабаров с отрядом, в котором насчитывалось 70 человек, выступил на стругах из Якутска вверх по Лене, а затем по Олёкме. Путь был труден и мучителен — приходилось преодолевать многочисленные пороги и перекаты. В конце января 1650 года, после короткой зимовки у устья реки Тунгира (правый приток Олёкмы), Хабаров пошёл на нартах вверх по Тунгиру, с верховьев которого перешёл водораздельный хребет и в начале марта достиг верховья реки Урки (левый приток Амура).

С реки Урки начиналась Даурия — владения князя Лавкая. Благополучно проплыв по этой реке казаки спустились к Амуру. На его берегах встречались селения, но жителей не было видно. Как потом выяснилось, даурские князцы, получив сведения о походе против них, якобы многочисленного войска, покинули свои владения с подчинённым им населением.

Проведав Даурскую землю и собрав сведения о ней, Ерофей Хабаров убедился, что с малыми силами нельзя подчинить многолюдную страну и нельзя идти в далёкий поход. Оставив в одном из селений большую часть своего отряда на зимовку, Хабаров уехал в Якутск, куда прибыл 26 мая 1650 года.

В Якутске Хабаров передал воеводе чертёж пройденного пути, все сведения о походе, о даурских селениях и рассказал много интересного о богатой амурской земле. Якутский воевода сразу же отправил чертёж Хабарова в Москву. Он был той «картой» Амура, которая впоследствии служила одним из важнейших источников при составлении карт Сибири 1667 и 1673 годов, позднее использованных голландским географом Н.К. Витсеном для карты Сибири 1692 года. Таким образом, чертёж

Хабарова ещё в XVII веке стал достоянием не только русской, но и западноевропейской науки (108, с. 21).

По приезде в Якутск Хабаров сразу же объявил новый набор казаков в амурский поход. Желавших оказалось много и Хабаров отобрал из них только 117 «охочих» людей. Он пробыл в Якутском остроге не более 50 дней. В первой половине июля 1650 года Хабаров отправился во второй поход, а осенью того же года прибыл на Амур.

В 1651-1653 годах Ерофей Хабаров совершил смелое плавание по всему Амуру. Он говорит не только о храбрости и отваге русских людей, но и о том вкладе, который они внесли в научное изучение и хозяйственное освоение Приамурья.

Известно, что в 1654-1658 годах Ерофей Хабаров находился в Москве, где за многолетнюю службу получил звание сына боярского. Есть сведения, что в 1658-1667 годах он служил на верхней Лене приказным человеком, занимался хлебопашеством и промыслами.

Дальнейшая жизнь Е.П. Хабарова пока остаётся неизвестной. В 1981 году хабаровским краеведам удалось найти надгробную плиту Е.П. Хабарова в селе Калинино, что под городом Нерчинском в Читинской области (128). Историкам известно, что у Хабарова остался сын Андрей, который был сперва сыном боярским, а затем — посадским человеком (108, с. 32).

Именем русского крестьянина и землепроходца, одного из первых исследователей Лены и Амура названы огромный дальневосточный регион — Хабаровский край и его центр — город Хабаровск, посёлок и железнодорожная станция Ерофей Павлович на Транссибирской магистрали. Именем его названы улицы во многих городах Восточной Сибири и Дальнего Востока. В 1948 году одна из главных улиц Якутска была названа именем Ерофея Павловича Хабарова.

Владимир Владимирович АТЛАСОВ

Русскому землепроходцу Владимиру Владимировичу Атласову принадлежит честь первого исследования и описания Камчатского полуострова. В 1697-1699 годах он совершил свой знаменитый поход по Камчатке. «Во время этого похода, — пишет М.И. Белов, — раскрылся со всей ясностью облик Атласова, сибирского казака — ясачного сборщика, своенравного, решительного и предприимчивого человека, смелого и

В. В. Атласов

не останавливающегося ни перед чем при достижении поставленной цели. Будучи человеком своего времени, Атласов совершал поступки, которые не могут быть оправданы, с позиции наших современных представлений. Однако как бы то ни было: камчатский поход открыл новую полосу географических открытий на Тихом океане и завершил присоединение важных районов Дальнего Востока к Русскому государству» (11, с. 103).

Это очень справедливая оценка неутомимой деятельности В.В. Атласова. «Камчатским Ермаком» назвал Атласова А.С. Пушкин, внимательно изучавший историю его бурной жизни.

«Теперь город Якутск может законно гордиться тем, что именно он является родиной «Камчатского Ермака». — Такими словами закончил свою статью о В.В. Атласове Б.П. Полевой (92, с. 128). Ему удалось обнаружить в архивах документы, позволяющие уточнить многие важные сведения в биографии выдающегося землепроходца.

Владимир Владимирович Атласов был уроженцем Якутска, а отнюдь не Усолья или Великого. Устюга. Он родился в 1661 (или около 1661-1664 гг.) году¹ в семье якутского казака-землепроходца Владимира Тимофеевича Атласова.

В молодом возрасте (18-19 лет) Атласов поступил на казачью службу в Якутский гарнизон. В 80-90-е годы он служил, главным образом, на южных границах Якутского воеводства — по рекам Мае, Учтуру, Тугиру, Гонаму и Улье, где участвовал в сборе ясака, в основании зимовий и острожков. В августе 1682 года Атласов был включён в отряд пятидесятника Ивана Жиркова, направлявшийся на Учур. Путешествие прошло успешно, так как уже в январе 1683 года Атласов доставил в Якутск ясак, собранный с учурских тунгусов.

В 1684-1687 годах Владимир Атласов служил в Майском, Тугирском и Удском зимовьях, а в 1688-1689 годах — в Якутских волостях ясачным сборщиком. В 1689-1694 годах он проходил службу на северо-восточных реках — Индигирке, Колыме и Анадыре. 31 августа 1694 года Атласов прибыл в Якутск. Он представил якутскому воеводе И.М. Гагарину «скаску» о своих пятилетних путешествиях по Колыме и Анадырю, а также собранные во время походов на чукчей сведения о Чукотском по-

¹ В литературе встречаются самые разноречивые сведения о дате рождения В.В. Атласова.

луострове. 11 октября 1694 года воевода произвёл Атласова в чин казачьего пятидесятника. В августе 1695 года Атласов получил назначение приказным на реку Анадырь и 31 августа вместе с отрядом отправился в путь. К месту назначения он прибыл 29 апреля 1696 года.

14 декабря 1696 года Атласов «пошёл со служивыми людьми на службу из Анадырского острожку на Камчатскую реку» (11, с. 101), т.е. начал свой поход на Камчатку. Отряд Атласова состоял из казаков, промышленных людей и ясачных юкагиров. Атласов сообщал в Якутск и затем показал в Москве, что с ним ходило 60 русских и 60 юкагиров. Он достиг реки Бобровой — одной из самых южных рек полуострова. Здесь Атласов встретился с курильскими племенами и первым привёз в Россию сведения о Курильских островах. Поход Атласова по Камчатке продолжался до 2 июля 1699 года.

Вернувшись в Анадырский острог, Атласов тотчас направил якутскому воеводе Д. Траурнихту отписку о своём походе. В этой отписке, полученной Траурнихтом 8 февраля 1700 года, Атласов писал: «проведал де он, Володимер, за Носом (Камчатка. — С.М.) по обоим берегам до бобровых рек, на которых реках люди живут, а на Камчатке-де реке людей гораздо много и посады великие — в одном месте юрт сто, по два по три, а соболей и лисиц есть, а бобров много и ясачные казны собрать можно» (11, с. 105).

Содержание отписки Атласова было срочно сообщено воеводой Траурнихтом Петру I. Дело в том, что в грамоте Петра I (от 25 января 1700 года) на имя якутского воеводы отмечалась необходимость организации казачьих походов в новые, необжитые земли. В этой грамоте казачьему гарнизону Якутска предписывалось: «приложить своё тщание о сыске иных народов богатых... и, проведывая про них, к ним посылать людей добрых и умных с ласкою, чтобы с ними учинить дружбу и торговые промыслы; а про те народы всякие ведомости чинить, какие у них товары и богатства и что из сих стран из Сибири годно, и проведывать про их правление и силу, и оружие, и обычаи, и всякие их поступки, и под чьей они властью» (6, с. 184). Кроме того, царь Пётр I приказал якутскому воеводе заботиться о розыске серебряных и медных руд, «буде в горах сыщется».

Во исполнение этой грамоты Петра I воевода Траурнихт принял меры к быстрейшему прибытию Атласова в Якутск и скорейшей его отправки в Москву.

В Якутск Атласов прибыл 2 июня 1700 года. А через 18 дней Траурнихт отправил его в Москву, куда он прибыл 9 февраля 1701 года. Атласов доставил в Сибирский приказ казённой пушнины на значительную сумму.

«Скаска» Атласова о Камчатке, о её природе и населении, и о землях и островах вблизи Камчатки, а также о Японии, записанная подьячими Сибирского приказа в Москве, привлекла к себе огромное внимание правительства Петра I, заинтересованного тогда в познании далёких дальневосточных окраин России, в поисках новых земель и ещё не обьясаченных народов и, главное, испытывавшего серьёзные финансовые затруднения в связи с Северной войной. Атласова немедленно снарядили в обратный путь, обязав возглавить новую экспедицию на Камчатку. За первый Камчатский поход, за присоединение Камчатки к России Атласов получил чин казачьего головы. В апреле 1701 года он выехал из Москвы на Лену, в Якутск. Но по пути Атласов разграбил торговый караван купца Добрынина, за что был заключён в тюрьму, где пробыл пять лет.

В 1706 году Атласов прибыл в Якутск, а через год на Камчатку. За семь лет его отсутствия здесь произошли большие изменения: появились остроги, значительно увеличилась численность служилых и промышленных людей. В этой обстановке Атласов повёл себя чересчур грубо, а порою, не в меру сурово. В 1711 году он был убит во время бунта служилых людей в Нижне-Камчатске. Так окончил свою жизнь один из выдающихся землепроходцев XVII века.

К сожалению, о жизни и деятельности замечательного нашего землепроходца в Якутии сохранилось очень мало сведений. «Наиболее вероятно, — пишет Б.П. Полевой, — что мать Атласова была якуткой» (92, с. 127). Атласов был женат на дочери местного казака Степаниде, имел сына Ивана. Известно что, Иван Атласов был участником нескольких казачьих походов, служил в Майском, Удском и Тугирском зимовьях. У Владимира Атласова было ещё два брата — Иван и Григорий, служившие во многих зимовьях Якутского воеводства.

Имя В.В. Атласова запечатлено на карте Северо-Востока Азии. Его именем названы: остров в Курильском архипелаге, населённый пункт на Сахалине, ледник в Буордахском массиве Улахан-Чистай (горная система Черского).

Витус Ионассен БЕРИНГ, Алексей Ильич ЧИРИКОВ

В. И. Беринг

А. И. Чириков

В первой четверти XVIII века Пётр I предпринял широкие мероприятия с целью более детального изучения далёких восточных окраин Российского государства. В связи с выходом русских людей на берега Тихого океана надо было решить ряд важных географических проблем. Так, в начале XVIII века слухи о Японских, Курильских и других островах в северной части Тихого океана, о близком соседстве Америки с Азией доходили до Европы, но они требовали подтверждения. Надо было эти слухи и сведения проверить на местах, проведать путь от Камчатки к «неизвестным» берегам Америки. Необходимо было завершить и положить на карту все географические открытия русских на азиатских берегах северной части Тихого океана.

Во-вторых, тогда, к первой четверти XVIII века, учёный мир не имел ясного представления о том, соединяется ли на востоке Азия с Америкой, и если есть пролив между ними, то возможно ли плавание из Северного Ледовитого океана в Тихий. Выяснение этого вопроса имело бы громадное значение для установления торговых связей России со странами Тихого океана. Пётр I с присущей ему широтой крупного государственного деятеля хотел, чтобы Россия, получившая выход на Балтику, стала также и сильной тихоокеанской державой.

Таким образом, Россия была заинтересована в научном познании и хозяйственном освоении Дальнего Востока и северной части Тихого

океана. И Пётр I, придавая большое значение традиционному продвижению русских «встречь солнца», заботясь о расширении торговли, об усилении морского могущества России, за несколько дней до своей кончины, 23 декабря 1724 года, подписал указ о снаряжении Камчатской экспедиции. Этим же указом руководителем экспедиции был утверждён капитан русского флота, 43-летний Витус Беринг; его помощниками были назначены молодые, 22-летние офицеры Алексей Ильич Чириков и Мартын Петрович Шпанберг.

Камчатская экспедиция отправилась из Петербурга в январе — феврале 1725 года, и более трёх лет её обозы шли через всю Сибирь до Нижнекамчатского острога. 13 июля 1728 года Беринг на судне «Святой Гавриил» вышел в море и направился на север. Войдя в пролив, называемый теперь Беринговым, и достигнув широты $63^{\circ}30'$, руководитель экспедиции 13 августа собрал совет офицеров. Из-за густого тумана при прохождении пролива с судна не был замечен американский берег, поэтому нужно было принять решение о дальнейших планах экспедиции.

Лейтенант Шпанберг предложил плыть на восток до 16 августа и затем повернуть обратно, считая, что если и дальше нигде не будет видно американской земли, то, следовательно, она не соединяется с азиатской. Чириков же предложил плыть вблизи берега до тех пор, пока судно не подойдёт к устью Колымы. В этом случае было бы совершенно точно доказано существование пролива между Азией и Америкой. Беринг решил повернуть судно «Святой Гавриил» в обратный путь, добравшись до широты $67^{\circ}18'$, то есть находясь уже в Чукотском море, 1 сентября экспедиция возвратилась в Нижнекамчатск, где и зазимовала. После пятилетнего отсутствия экспедиция возвратилась в Петербург.

Несмотря на то, что Первая Камчатская экспедиция не разрешила окончательно вопроса о существовании пролива между Азией и Америкой, значение её было велико. Она открыла и нанесла на карту свыше 200 различных географических объектов. Кроме того, Беринг представил много очень интересных этнографических сведений о народах Северо-Востока Азии. Эта экспедиция была разведкой, прологом к дальнейшим исследованиям на востоке России.

16 марта 1732 года последовал указ о снаряжении Второй Камчатской экспедиции во главе с Берингом. Под непосредственным руководством последнего были составлены подробные инструкции для семи отрядов экспедиции, которые должны были действовать на северном

побережье Евразии от Оби до Амура. Этими отрядами командовали доблестные морские офицеры, воспитанники петровской Морской академии — Степан Малыгин, Дмитрий Овцын, Дмитрий и Харитон Лаптевы, Василий Прончищев, Семён Челюскин и другие. Самостоятельный отряд, так называемый академический, состоял из сотрудников Академии наук; среди них были профессора И. Гмелин и Г. Миллер.

Спустя лишь восемь лет, 4 июня 1741 года, экспедиция вышла в Тихий океан. Беринг командовал судном «Святой Пётр», а Чириков — судном «Святой Павел». Оба они следовали сначала на юго-восток, но 20 июня во время сильного шторма потеряли друг друга из виду. 17 июля моряки Беринга увидели на горизонте высокие горы. Это были берега Северо-Западной Америки.

16 дней «Святой Пётр» плыл вдоль этих берегов. В начале августа погода резко ухудшилась, а главное — из-за недостатка свежей пищи появились больные, началась цинга. Командор вынужден был взять курс на Камчатку.

Больше двух месяцев носили бури судно в океане. Понятна была радость, когда 4 ноября моряки неожиданно увидели впереди высокую землю. Вечером 5 ноября судно выбросило на берег. Это был один из Командорских островов, названный позже островом Беринга. Стали готовиться к зимовке: нарыли землянок, запаслись топливом. Остров был богат морским зверем.

Тяжёлые испытания, неслыханные бури, болезни и бедствия были уже не под силу 60-летнему капитану. И 8 декабря 1741 года он скончался. Сорок шесть человек благополучно перезимовали на острове. Весной 1742 года они построили новое судно и 26 августа добрались до Камчатки.

Чириков также достиг берегов Северной Америки и после тяжёлого плавания, но с меньшими потерями, вернулся на Камчатку.

По своему размаху и выдающимся научным результатам экспедиции Беринга и Чирикова не имеют до сих пор аналогов в мире. Многолетняя и героическая деятельность русских моряков и учёных — участников Камчатских экспедиций — завершилась открытием Северо-Западной Америки и открытием Алеутских и Командорских островов, описанием берегов северной части Тихого океана. В результате деятельности Кам-

чатских экспедиций Россия создала преграду, которая воспрепятствовала распространению экспансии западноевропейских государств и США на северную часть Тихого океана¹.

Большая заслуга в успешном осуществлении Камчатских экспедиций принадлежит их руководителям — В.И. Берингу и А.И. Чирикову.

Витус Ионассен Беринг родился 12 августа 1681 года в Дании в городе Хорсенсе (83). Совсем ещё молодым матросом он участвовал в плавании в Ост-Индию. Возвратившись оттуда в 1703 году в Амстердам, Витус Беринг был приглашён Петром I на службу в Балтийский флот. С этого времени и до конца своих дней он жил в России, честно и беззаветно служа новой родине. Здесь его уважительно называли Иваном Ивановичем.

В 1703-1724 годах Витус Беринг служил в русском флоте, везде он обнаруживал отличное знание морского дела, был исполнительным и добросовестным офицером. В 1724 году указом Петра I капитан первого ранга Витус Беринг был назначен начальником Первой Камчатской экспедиции. Первым помощником Беринга был утверждён лейтенант А.И. Чириков.

Алексей Ильич Чириков родился в 1703 году в Москве. В 1721 году он успешно окончил Петербургскую Морскую академию и был назначен в Балтийский флот. В октябре 1722 года Чириков был приглашён в Академию в качестве преподавателя кораблевождения. Он был ещё молод, но достаточно подготовлен в различных науках и опытен в мореходном деле. Пётр I одобрил предложение адмирала П.И. Сиверса назначить 22-летнего лейтенанта Алексея Чирикова первым помощником Витуса Беринга.

В.И. Беринг и А.И. Чириков ясно сознавали, что успех Камчатских экспедиций во многом зависит от умелого и успешного решения продовольственных и транспортных вопросов на местах. Они проявили свои организаторские способности, умение работать с людьми на главных базах экспедиций — в Якутске и Охотске.

В Якутске по существу решалось самое главное — обеспечение экспедиций, их северных и дальневосточных отрядов продовольствием и транспортом, переброска грузов и людей на самом труднейшем отрезке

¹ О многогранной деятельности Первой и Второй Камчатских экспедиций имеется большая литература. Наиболее полно она освещена в работах Л.С. Берга (13), В.И. Грекова (30), М.И. Белова (6), А.И. Алексеева (4), В.А. Дивина (31), Е.Г. Кушнарёва (46).

пути — от Якутска до Охотска. И этому вопросу руководители экспедиций уделяли максимум внимания и забот. Недаром они долго задерживались в Якутске: Беринг находился в общей сложности три с половиной года, Чириков — три года.

Особенно продолжительным было пребывание Витуса Беринга в Якутске в период работы Второй Камчатской экспедиции: с октября 1734 года по октябрь 1737 года. Причину столь длительной, трёхгодичной, задержки в Якутске Беринг так объяснил в своём донесении Адмиралтейств-коллегии от 5 декабря 1737 года: «До прибытия нашего в Якуцк, не токмо в Охоцк, провианта ни единого пуда на служителей не завезено, но и судов для перевозу того провианту, тако ж и магазейн на Майской пристани и на Юдоме реке ничего не построено было и работных людей не имелось» (30, с. 68). Как видно из этого донесения Беринг в Якутске встретился с большими организационными трудностями, не предусмотренными указами Сената.

Доставка людей и грузов Камчатских экспедиций из Якутска в Охотск производилась в порядке бесплатной повинности, выполняемой якутами и эвенками. На основе архивных документов Л.Г. Левенталь считал, что «никоим образом не будет преувеличением, если на экспедицию Беринга положим свыше 6000 лошадей и около 600-700 проводников в год» (60, с. 86). Весной 1735 года только на сплаве грузов отряда А.И. Чирикова от Якутска до Юдомского Креста был занят 731 местный житель. В 1740 году экспедиции Беринга понадобилось 1046 «работных людей». Автор официального «Краткого отчёта» о Второй Камчатской экспедиции признавал, что «от перевозок грузов экспедиции якуты великие тягости претерпевать принуждены» (129, с. 192).

В апреле 1730 года Беринг представил Сенату свой проект по хозяйственному освоению сибирских окраин. Этот проект затрагивал широкий круг вопросов. На первый план автор проекта выдвигал вопрос об организации производства железа в районе Якутска, поскольку его доставка из Тобольска до «дальних городов» была связана с большими трудностями. «Имеется железная руда, — писал в проекте Беринг, — около Якуцкого острога. Якуцкий народ делает для себя из того железа котлы, обивает сундуки и на всякие другие нужды употребляет» (36, с. 70).

По предложению Витуса Беринга в 1732 году правительство издало указ о постройке железоделательного завода недалеко от Якутска, на

реке Тамге. Весной 1735 года приступили к его строительству. Беринг пригласил «знающих людей»: из Нерчинского горного округа Бурцева, из Петербурга — горного надзирателя Соловьёва с несколькими мастеровыми людьми. Сам Беринг принимал самое деятельное участие в постройке завода («во всём, как взыскании удобного под тот завод места, так и в строении ево всегда Беринг старание имел и командою своею споможение имел»).

Благодаря энергичной деятельности Беринга и Чирикова Тамгинский завод успешно работал в период проведения Второй Камчатской экспедиции. За период с 1735 по 1743 год, заводом было выплавлено 16 тысяч пудов кричного железа¹, из которых около 3 тысяч пудов было направлено в Охотск для нужд экспедиции, остальная часть израсходована самим заводом на местные нужды. Как гласит один из архивных документов, экспедиция «довольствовалась железом на строение из того Якуцкого заводу».

Тамгинский завод, основателем которого по праву является Витус Беринг, действовал «в исправности до самого отбытия из Якуцка экспедициях команд по июнь 1744 год, а по отбытии их» прекратил свою деятельность. Правда, после многолетнего перерыва, во время которого Главное управление сибирскими заводами безуспешно пыталось найти желающих купить его, завод возобновлял работу на очень короткий срок в 50-х годах.

Будучи продолжительное время в Якутии, В.И. Беринг и А.И. Чириков интересовались самыми различными вопросами. Они вели путевые журналы, проводили разнообразные географические наблюдения и делали астрономические определения.

Беринг и Чириков значительно расширили и укрепили основы картографирования Якутии. Ими были довольно подробно описаны и нанесены на карту реки Лена, Алдан, Мая и Юдома. Изучению реки Лены и её правых притоков Чириков придавал большое значение, поскольку они служили основной водной магистралью не только для Камчатских, но и последующих экспедиций.

А.И. Чириков правильно подметил, что в Якутии выпадает очень мало атмосферных осадков, частые засухи причиняют большой вред хо-

¹ Тамгинский завод был «колотушечным», т.е. таким, на котором железная руда переплавлялась в горнах в крицы, а последние проковывались молотками в «дельное» железо.

зайству. «И до того мало травы растёт, кроме тех мест, где река поднимала. Также и снегов мало идёт, а морозы стоят жестокие», — писал в своём отчёте Чириков. Он не только записывает свои наблюдения над погодой, но и стремится дать научное объяснение замеченным явлениям: «И причина малобывающих дождей и снегов требует рассуждения: широта Якутска по наблюдению 62°08'...» (31, с. 46).

Беринг, Чириков и их помощники ратовали за поиски месторождений золота, железа, олова и других полезных ископаемых в Сибири. Так, будучи в Якутске они собирали опросные сведения о месторождениях тех или иных полезных ископаемых. Им, в частности, удалось выяснить месторождение железа на реке Тамге.

Чириков был глубоко уверен, что в недрах Сибири имеются богатые залежи руд. Ныне пророчески звучат слова выдающегося русского мореплавателя: «Понеже Сибирь как пространством велика, что одна всей Европе равняется, то не дивно в ней быть, где ни есть, богатых рудам и протчему» (31, с. 220).

Высказывая уверенность в том, что Сибирь имеет неисчислимые природные богатства, Чириков предложил программу поисковых работ. Обследовать необозримые территории Сибири только силами научных экспедиций он считал невозможным и, как ему было свойственно, сделал вполне осуществимое предложение: к поискам полезных ископаемых привлечь местных жителей, обязав их сообщать обо всём, что им удастся увидеть. Сам он часто обращался к промышленникам с просьбой вести записи всего примечательного, что им встретится на пути.

В своём рапорте Сенату Алексей Чириков писал, что «воеводы должны объявить сибирским инородцам, чтобы они во всегдашних переходах своих на месте примечали, не сыщется ли где гор или меж осыпающихся гор же глыб или обломков таких видом, каковы видом же и качеством богатые серебряные и золотые руды, и чтоб они наломав от тех же гор или набрав глыб и в породы и остроги фунта по два по три или сколько надобно для малых проб приносили» (31, с. 221).

Беринг и Чириков вели историко-этнографические наблюдения. В их путевых журналах и отчётах можно найти сведения о быте и нравах аборигенов Якутии. Так, в марте 1730 года, вскоре после возвращения из Первой Камчатской экспедиции Беринг подал донесение императрице Анне Ивановне, в котором содержатся немногие, но важные сведения о

якутах: «якуты имеют у себя скота довольно, лошадей и коров» (36, с. 69). И, как бы подчёркивая натуральный характер их хозяйства, Беринг продолжает писать: «...с пропитанием и одеждою довольствуются все от скота, а которые скота мало имеют, оные рыбою». (Там же).

В отличие от многих испанских, португальских, английских путешественников и мореплавателей, искавших приключений и личного обогащения и грабивших туземцев, Витус Беринг и Алексей Чириков всегда и всюду говорили о необходимости гуманного отношения к коренному населению. Своим морякам Чириков говорил: «С туземцами поступать ласково, и отнюдь никаких обид им не чинить...» (31, с. 217).

Во время Камчатских экспедиций А.И. Чириков неоднократно становился свидетелем взимания с местного населения большого ясака, произвола русских купцов и чиновников, за безделушки приобретающих ценные меха и другие товары. Чириков, считал, что непомерные поборы могут существенно ослабить взаимоотношения русских и аборигенов, выступил с предложением об ограждении прав коренных жителей Сибири и Дальнего Востока, для чего в первую очередь, по его мнению, нужно было упорядочить взимание ясака. Так, Алексей Ильич писал: «Дабы тамошние природные жители якуты, тунгусы, коряки, камчадалы и протчие ясашные люди не были от русских служилых людей напрасно обижены и озлоблены, то надлежить их удержать, дабы в улусы их без указа своей корысти не ездили, а когда пошлются для ясашного сбора от комиссаров для протчих необходимых городских дел, чтоб отнюдь у них ничего не отнимали и самовольно бы не брали, также ничем бы их по тамошним обычаям для своих прихотей против желания ясашных не долгили» (31, с. 212).

В.И. Беринг и А.И. Чириков были поборниками распространения просвещения среди коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Сенат предложил Берингу «подать известие, что в восточном краю признается к пользе государства». В конце 1730 года в ответ на это предложение Беринг представил два «предложения», и одно из них касается просвещения: он предлагает среди якутов «поселить» священников, «чтобы детей их учили в школе», так как «много охотников было отдавать детей в научение» (36, с. 70).

Беринг и Чириков считали необходимым «обучать молодых инородцев всякому морскому обыкновению» и для этого открыть в Якутске, Охотске и на Камчатке навигацкие школы.

В 1736 году Вторая Камчатская экспедиция открыла в Охотске первую навигацкую школу. Вначале она испытывала трудности, связанные с отсутствием кадров. Вскоре, однако, прибыли образованные морские офицеры, которые стали преподавать, и учебная работа школы значительно улучшилась. Будущие специалисты изучали арифметику, черчение, геометрию, геодезию, судостроительное дело и мореходство. Школа готовила специалистов с довольно широким техническим кругозором.

В 1736 году вместе с участниками Второй Камчатской экспедиции прибыл в Якутск протонориус юстиц-коллегии Гендерейх. Беринг поручил ему организовать здесь навигацкую школу для казачьих детей, где все ученики обучались бы арифметике, тригонометрии и навигации. Однако в течение трёх лет в эту школу добровольно никто не поступил. В 1739 году прибывший в Якутск по указанию В.И. Беринга советник Адмиралтейств-коллегии Ларионов распорядился в обязательном порядке собрать 110 детей от 6 до 15 лет. В феврале 1741 года Ларионов, отобрав 25 детей, открыл навигацкую школу (30, с. 108-109).

Якутская навигацкая школа, открытая по инициативе В.И. Беринга, с перерывами проработала 31 год. Несмотря на все недостатки в её работе, она всё же сыграла известную прогрессивную роль, заложив основу профессионального образования в Якутии, и подготовила первых моряков из якутского населения, которые принимали непосредственное участие в открытии и изучении отдельных районов северо-востока Азии.

После окончания Второй Камчатской экспедиции А.И. Чириков прожил недолго. Отправившись в Тихий океан 22-летним офицером, вернулся он в Петербург почти через 20 лет совсем больным, изнурённым морскими и сухопутными походами. В 1746 году Чирикова произвели в капитан-командоры, был назначен директором Морской академии. В конце ноября 1748 года этот замечательный мореплаватель и труженик науки скончался в возрасте всего 45 лет.

Имена Витуса Беринга и Алексея Чирикова заслуженно увековечены на карте северной части Тихого океана. В Дании, на Камчатке и на островах Тихого океана установлены памятники великому русскому первопроходцу и мореплавателю Берингу. В городах Сибири и Дальнего Востока, в том числе в Якутске, есть улицы, носящие имя Беринга.

В созвездии великих путешественников и мореплавателей, которых дала Россия миру, Витус Беринг и Алексей Чириков занимают достойное место. Они считали себя сыновьями России и трудились во имя славы русской науки, во имя усиления могущества государства Российского. Их подвиги останутся навсегда памятными в летописи великих открытий и в сердцах потомков.

Василий и Мария ПРОНЧИЦЕВЫ

В истории исследования и освоения Арктики выдающаяся роль принадлежит Второй Камчатской экспедиции XVIII века. Эта экспедиция явилась первой попыткой в большом государственном масштабе решить

Василий и Мария Прончищевы на борту дубель-шлюпки «Якутск». Гравюра А. П. Журова

проблему Северного морского пути и вплоть до советского времени «не знала равных себе по грандиозности планов, количеству привлечённых людских и материальных ресурсов, по своим научным результатам» (103).

Вторая Камчатская экспедиция должна была описать побережье Северного Ледовитого океана от Архангельска до Чукотки. Это исследование было возложено на особые отряды, выделенные из состава экспедиции, в которые вошли смелые энергичные офицеры — воспитанники основанной Петром 1 Морской академии.

Пять северных отрядов Камчатской экспедиции¹, работавшие в Арктике в течение десятилетия (1733-1743 гг.), охватили исследованием громадную территорию суши и колоссальную акваторию моря. Они впервые нанесли на карту побережье Северного Ледовитого океана от реки Печоры до Чукотского мыса, открыли многочисленные географические объекты, собрали богатый материал о природе Арктики, о жизни и быте народов Севера.

Наиболее трудные задачи предстояло разрешить двум отрядам — Ленско-Хатангскому и Восточно-Ленскому. Они должны были описать побережье Северного Ледовитого океана к западу и востоку от устья

¹ Позже эти пять отрядов получили название «Великая Северная экспедиция».

реки Лены. Командиром (начальником) Ленско-Хатангского отряда Адмиралтейств-коллегия назначила молодого военного моряка лейтенанта Василия Васильевича Прончищева.

Биографические сведения о В.В. Прончищеве, подвиг которого вызывает до сих пор восхищение, очень скудны. Лишь совсем недавно ленинградскому инженеру И.В. Глушанкову и тульскому учителю-краеведу Д.М. Романову, много лет посвятившим серьёзным архивным поискам о полярных исследователях, в Центральном государственном архиве Военно-Морского флота в Ленинграде, удалось обнаружить несколько документов, позволяющих теперь достоверно узнать отчество Прончищева, год его рождения и некоторые другие подробности биографии полярного путешественника.

Василий Васильевич Прончищев родился в 1702 году в Мытском стане Тарусского уезда Калужской провинции. Василий был младшим из пяти сыновей стольника Василия Парфентьевича Прончищева. В 1721 году В.В. Прончищев окончил Морскую академию. Он участвовал в Персидском походе Петра I в 1722 году, плавал на судах Балтийского флота. Когда началось комплектование состава Второй Камчатской экспедиции, Прончищев подал прошение о зачислении его в эту экспедицию. Ему присвоили звание лейтенанта флота и в 1733 году назначили командиром отряда, которому предстояло идти к западу от устья Лены. Сам факт назначения Прончищева командиром отдельного отряда говорит за то, что он был хорошо знающий своё дело и волевой морской офицер.

Незадолго до начала экспедиции Прончищев женился на «талантливой, весёлой, быстрой» девушке Марии. Не желая ждать мужа из далёкого северного похода, Мария выбрала трудную судьбу: быть с ним в отряде. Сам начальник экспедиции Витус Беринг разрешил ей этот выбор. Это был первый случай в мире, чтобы женщина отправлялась в арктическую экспедицию, да ещё полноправным членом экипажа судна. К сожалению, о Марии Прончищевой нет решительно никаких биографических сведений — только дата смерти. Мы не знаем даже её отчества¹.

Полтора года длилось путешествие Прончищевых и других участников Ленско-Хатангского отряда из Петербурга до Якутска. Весной 1734 года в Якутске под руководством А.И. Чирикова начали строить суда для

¹ На самом деле жену В.В. Прончищева звали Татьяной Фёдоровной (в девичестве — Кондырева) (до 1713-1736). Наиболее вероятной причиной её смерти считают пневмонию. — *прим. OCR.*

двух северных отрядов. Прончищеву предназначалась дубель-шлюпка «Якутск» (водоизмещение 100 тонн, длина 21,4 метра, ширина 4,6 метра, осадка 2,1 метра).

Ленско-Хатангский отряд состоял из 57 человек. Кроме Прончищевых в него входили подштурман Семён Иванович Челюскин, геодезист Никифор Чекин, лекарь, квартирмейстер, иеромонах и 50 матросов.

30 июня 1735 года отряд направился из Якутска вниз по Лене, и 2 августа он достиг её устья — острова Столб. Результатом этого плавания явилась карта реки Лены (от Якутска до устья), выполненная на основе инструментальной съёмки. Это была первая навигационная карта Лены на важном её участке.

Чтобы быстрее достичь устья реки Оленёк, «Якутск» двинулся по самой западной протоке дельты Лены. Но протока оказалась сильно обмелевшей и Прончищев решил пройти по другим протокам. После нескольких неудач командир выбрал самую восточную протоку — Быковскую. По ней дубель-шлюпка 13 августа вышла в открытое море, и обогнув громадную ленскую дельту с севера, 25 августа достигла устья реки Оленёк.

В начале сентября начались «великие стужи и морозы», и плавучие льды закрыли дальнейший путь. Так как в судне были обнаружены серьёзные повреждения и время было позднее, Василий Прончищев решил зимовать в устье Оленька. Судно завели в подходящую бухту и поставили на зимовку, а сами путешественники поселились на правом берегу реки в двух избах, выстроенных из плавника. В первый же день остановки приехали гости — якутские и эвенкийские охотники и оленеводы с ближайших стойбищ.

Пришла суровая и длинная арктическая зима, начались метели. Наступила полярная ночь. Но отряд прозимовал благополучно; только к весне, из-за недостатка свежих продуктов в отряде появились больные, среди них сам командир. Однако больной Прончищев не думал о возвращении: он решил после зимовки продолжать плавание.

Слухи о русских, зазимовавших в устье Оленька, быстро распространились по тундре, и всю зиму к морьякам приезжали, иногда из далека якуты и эвенки. Они доставляли свежую рыбу, мясо и дрова, помогали оленьим транспортом. Бывалые охотники рассказывали Прончищеву о

залежах медной руды, которую они обнаружили на Анабаре. В доказательство был принесён образец руды, который вместе с рапортом Прончищев направил в Якутск Берингу.

15 апреля из Якутска прибыл солдат Погодаев (участник отряда) с пакетом от Беринга. Командир приказал Прончищеву зайти в Анабар и заняться поиском месторождения медной руды.

Хотя 21 июня 1736 года река Оленёк вскрылась, густой лёд в её устье не позволял выйти отряду в море до конца лета. Только 2 августа морякам удалось вывести «Якутск» в море, через два дня судно достигло устья Анабара. Для выполнения задания Беринга Прончищев послал в низовье реки небольшую группу матросов во главе с геодезистом Н. Чекиным. Остальные участники отряда занялись описью устья Анабара, съёмкой Анабарской губы и наблюдениями за приливо-отливными течениями. В устье реки было обнаружено промысловое зимовье, в котором жили потомки русских, пришедших сюда ещё в 40-е годы XVII века.

10 августа группа Чекина вернулась и привезла «с собой для пробы оной руды в одном местечке небольшом». Эта проба была отослана Прончищевым в Якутск, где тогда находился академический отряд Камчатской экспедиции. 11 августа командор решил двинуться вдоль берега к берегам Таймыра. Плавание проходило в сложных ледовых условиях («следовали мы между льдами с великою опасностью»).

12 августа «Якутск» достиг юго-восточного мыса острова Бегичева, принятого Прончищевым за низменный материковый берег. Повернув на север и следуя вдоль берегов острова, в тот же день «Якутск» благополучно вошёл в Хатангский залив. Лавируя среди льдов, 14 августа Прончищев направился к восточному берегу залива. Высадившиеся на берег матросы обнаружили здесь зимовье. В журнале судна об этом имеется следующая запись: «Нашли в том зимовье хлеб и собак видели у того зимовья, а хозяина не застали, а знатно, что отлучился на промысел».

Воспользовавшись благоприятной ледовой обстановкой, отряд направился вдоль восточного берега Таймырского полуострова к северу и 17 августа дошёл до залива Фаддея. В заливе и севернее его участники отряда вели инструментальные наблюдения; здесь же они видели множество белух, моржей и чаек. Дальше к северу судно шло крайне медленно из-за крупных ледяных полей. 19 августа «Якутск» достиг рекордной по тем временам широты для свободно плавающего судна

(77°29' с.ш.). В тот же день судно попало в «самые глухие льды», т.е. дальше оно не смогло пройти.

Состояние экипажа судна всё более и более ухудшалось. Тяжело заболел цингой Василий Прончищев. Жена Мария постоянно находилась у его постели. В каюте больного командира собрался совет (консилиум) офицеров, который решил, что за невозможностью продолжать плавание, вернуться назад к устью Хатанги («великие льды не пропускают; того ради наша мнения, что надлежит ныне возвратитца назад и следовать к жилым местам»).

Обратный путь оказался ещё более опасным, трудным. Часто из-за штилевой погоды приходилось на вёслах пробиваться сквозь льды. «Якутск» продвигался со скоростью около двух вёрст в час. 23 августа отряд с большими трудностями достиг Хатангского залива, где посланная на берег партия обнаружила пустое полуразрушенное зимовье. Поэтому Прончищев решил вести судно на место первой зимовки — к устью Оленька.

Уже на подходах к Оленьку, 29 августа, в 8 часов утра, отряд постигло большое горе — скончался 34-летний отважный исследователь, лейтенант Василий Прончищев¹. Командование отрядом «по регламенту и по старшинству» принял на себя подштурман Семён Иванович Челюскин.

Обстоятельства сложились так, что день похорон Прончищева пришлось отложить на несколько дней: наступили холода, дул сильный ветер, шёл густой снег; судно покрывалось льдом, его не успевали скалывать; люди валились с ног от усталости. Вместе со всеми по спасению судна работала из последних сил и Мария Прончищева, хотя в каюте лежало тело самого дорогого для неё человека, а сама она изнемогала от болезни. 2 сентября с огромнейшим трудом удалось ввести «Якутск» в Оленёк.

6 сентября 1736 года моряки, изнурённые ежедневной борьбой с суровой природой, едва державшиеся на ногах от болезней, голода и холода, на высоком берегу Оленька, на мысе Тумул-Хая похоронили своего любимого командира Василия Прончищева — человека непреклонной воли и мужества. В путевом журнале «Якутска» Семён Челюскин сделал такую запись: «... при том погребении все унтер-офицеры и все солдаты

¹ Причина смерти В.В.Прончищева, после вскрытия его могилы в 1999 году, считается жировая эмболия, вызванная переломом большой берцовой кости левой ноги в результате несчастного случая. От цинги в отряде Прончищева вообще никто не умер. — прим. OCR.

были в ружьё и амуниции 24 человека и при погребении была пальба три залпа» (103).

11 сентября, пережив своего мужа на две недели, от цинги умерла и Мария Прончищева, разделившая с мужем все тяготы и невзгоды плаваний в суровой Арктике. Её похоронили рядом с мужем. Отважная путешественница до конца своей жизни оставалась активным членом отряда, верной помощницей мужа: вела довольно сложное хозяйство, помогала лекарю, кормила экипаж, быстро налаживала дружеские отношения с коренными обитателями края — якутами и эвенками.

Отважные моряки не пали духом. Они поклялись приложить все силы к тому, чтобы завершить дело, начатое их командиром. Отослав В. Берингу рапорт об окончании морского похода, Челюскин и Чекин сухим путём прибыли в Якутск. Летом 1737 года боцманмат Василий Медведев привёл дубель-шлюпку из устья Оленька в Якутск.

К приезду нового командира отряда — Харитона Лаптева — судно было приведено в должное состояние, команда после отдыха была готова к новым испытаниям в Арктике.

Ленско-Хатангский отряд, руководимый В.В. Прончищевым, выполнил большую гидрографическую работу. Участники отряда составили три карты: «Реки Лены от г. Якутска до её устья», «Части Ледовитого моря от устья Лены к западу до устья р. Таймура с промером возле берега» и «Восточных берегов Таймыра». Эти карты легли в основу генеральных карт Ледовитого океана, составленных в Морской академии в 1740-1746 годах.

Имена лейтенанта В.В. Прончищева и его жены Марии занесены на карту Арктики; именем командира Ленско-Хатангского отряда названы восточный берег Таймырского полуострова и кряж, протянувшийся вдоль северного берега Якутии от Анабарского залива до низовья Оленька. На восточном же берегу Таймыра есть бухта, носящая имя Марии Прончищевой — первой известной нам русской полярной путешественницы.

Почти 140 лет спустя, могилу Прончищевых с трудом отыскала экспедиция А.Л. Чекановского. Она находилась в селе Усть-Оленёкском, расположенном на правом берегу реки Оленёк. В настоящее время могила Прончищевых взята под охрану и наблюдение местной школы и полярной метеостанции.

Героическое плавание Марии и Василия Прончищевых в суровых водах Северного Ледовитого океана навсегда вошло в историю изучения и освоения Арктики как пример непреклонной воли, высокого мужества и преданности делу. Их замечательный подвиг заслужил вечную признательность потомков.

Дмитрий и Харитон ЛАПТЕВЫ

Восточно-Ленскому отряду Великой Северной экспедиции было поручено произвести опись и нанести на карту берега Северного Ледовитого океана от устья реки Лены до устья реки Колымы и дальше к востоку. Первоначально этим отрядом руководил лейтенант Пётр Ласинус, датчанин по национальности. Его помощником был штурман Василий Алексеевич Ртищев. Но их судьба сложилась печально...

Для Восточно-Ленского отряда в Якутске был построен бот «Иркутск» (длина 18 метров, ширина 5,4 метра, осадка 2 метра), который отправился из Якутска 29 июня 1735 года, имея на борту 52 человека. Инструкция, вручённая Ласиниусу, предписывала боту идти «Леною рекою до устья, а от устья к востоку подле берега морем до устья Колымы реки и оттуда подле берега к востоку до Анадырского и Камчатского устьей», т.е. преодолеть самый трудный, восточный сектор Арктики и выйти в Тихий океан (104, с. 143).

Спустившись по Лене, бот 6 августа вышел в море, и уже на второй день в губе Буор-Хая «Иркутск» встретил сплошные льды. Испытав все средства борьбы со льдами, 12 августа Ласиниус повёл судно на зимовку в устье реки Хара-Улах, куда прибыл 18 августа. На берегу реки моряки обнаружили пять заброшенных якутских изб. Обилие плавника позволило им построить избу (казарму), где разместился весь экипаж.

С наступлением санного пути Ласиниус отправил четырёх матросов в Якутск с рапортом Берингу об окончании плавания в 1735 году. С первых дней зимовки стала ощущаться нехватка свежих продуктов. Началась цинга, и её первой жертвой стал сам Ласиниус, умерший 19 декабря.

Штурман Василий Ртищев, принявший на себя обязанности командира, пытался выйти из создавшегося положения, но всё было тщетно. Все члены экипажа были впервые на Крайнем Севере, и полярная ночь действовала на них подавляюще. Иеромонах Дамаскин исчезновение

солнца принял за предвестие смерти. Состояние экипажа быстро ухудшалось. С января 1736 года люди стали умирать один за другим.

26 марта неожиданно к морякам явился на оленях (в сопровождении якутов), солдат Погодаев из отряда В.В. Прончищева. Он доставил из Якутска пакет с инструкцией Беринга на лето 1736 года. От Погодаева Ртищев узнал о зимовке «Якутска» в устье реки Оленёк. На другой день Погодаев отправился дальше, увозя с собой рапорт Берингу и письмо Прончищеву с просьбой о помощи.

15 мая Погодаев прибыл в свой отряд и рассказал о судьбе «Иркутска». Прончищев не замедлил откликнуться. 1 мая к месту зимовки «Иркутска» прибыла спасательная группа во главе с квартирмейстером Афанасием Толмачевым. К тому времени в живых оставались лишь Ртищев, иеромонах и семь матросов, из которых только двое могли передвигаться.

Получив в конце апреля рапорт Ртищева, Беринг сформировал новую команду бота во главе с лейтенантом Д.Я. Лаптевым.

Дмитрий Яковлевич Лаптев родился в 1701 году. Он происходил из дворян Псковской губернии Великолукского уезда. У него вся жизнь была связана с морем, с военным флотом. Дмитрий Лаптев, как и многие офицеры того времени, получил образование в Морской академии. До назначения в экспедицию он служил на Балтийском флоте. Командуя разными кораблями, Лаптев не раз бывал в заграничных плаваниях.

В 1735 году Д.Я. Лаптев с А.И. Чириковым прибыл в Якутск. В начале он выполнял различные поручения Беринга, в частности, занимался переброской грузов камчатских отрядов экспедиции в Охотск. В начале мая 1736 года Лаптев был назначен командиром (начальником) Восточно-Ленского отряда.

Новый командир начал с того, что отправил санным путём к месту зимовки «Иркутска» отряд из 14 матросов под командованием подштурмана Михаила Щербинина, чтобы помочь оставшимся в живых и приготовить бот к последующим работам. А когда вскрылась Лена, то Лаптев с основным отрядом и всеми грузами, погруженными на три дощаника, 30 мая отправился в путь. Залив Буор-Хая, куда дощаники прибыли 25 июня, оказался забитым льдами. Плыть дальше по морю на них было нельзя. Пришлось до места зимовки судна добираться пешком, по заболоченной тундре, а дощаники оставить в заливе Неелова. Только 15 июля путешественники добрались до «Иркутска». Лаптев узнал о том,

что Щербинин прибыл сюда 9 июня, и на следующий день он принял бот от Ртищева. 17 июня Ртищев с двумя матросами отправился в Якутск. Остальные матросы были ещё очень слабы.

Благодаря огромной энергии Лаптева через несколько дней обмёрзший бот был приведён в порядок. С первым попутным ветром командир привёл его в залив Неелова, к оставленным здесь дощаникам. Погрузив продовольствие и грузы, 11 августа «Иркутск» взял курс в море и пошёл на северо-восток. Лаптев намеревался пройти как можно дальше на восток, но надежды его не сбылись. Судно попало в непроходимые льды и после настойчивых попыток пробиться сквозь ледяные поля, вынуждено было повернуть к берегу. 22 августа «Иркутск» вошёл в Быковскую протоку дельты Лены, поднялся вверх по реке, и в устье речки Борис (правый приток Лены) остановился на зимовку.

Д.Я. Лаптев пришёл к убеждению о невозможности плавания между Леной и Колымой. Об этом он написал Берингу и просил его дальнейших распоряжений. Но Беринг направил рапорт Лаптева в Адмиралтейств-коллегию.

30 мая 1737 года Лаптев на боте отправился в Якутск, куда прибыл 8 июня. Сюда же прибыл штурман дубель-шлюпки «Якутск» Семён Челюскин. Беринг распорядился: Лаптеву выехать в Петербург, чтобы доложить Адмиралтейств-коллегии о результатах плаваний северных отрядов в 1735-1736 годах.

В начале 1738 года Лаптев прибыл в Петербург. Заслушав его сообщение, 3 марта Адмиралтейств-коллегия приняла решение продолжить гидрографические исследования к востоку и западу от Лены. В марте Лаптев вместе с назначенным в Камчатскую экспедицию своим двоюродным братом лейтенантом Харитоном Прокофьевичем Лаптевым отправился в Якутск.

Ещё ранней весной, до приезда в Якутск, Д. Лаптев распорядился отправить по «сухопутью» трёх матросов во главе с Алексеем Лошкиным для описи берега между рекой Яной и мысом Святой Нос и от Индигирки до Алазеи, а также двух матросов во главе с геодезистом Иваном Киндяковым — на реку Индигирку, для описи её с верховий до устья.

Д.Я. Лаптев прибыл в Якутск 25 мая 1739 года и энергично принялся за ремонт бота. 7 июня он повёл «Иркутск» в новое плавание. 20 июля бот вышел в море. Хотя губа Буор-Хая была ещё забита льдом, отряду с большим трудом 31 июля удалось достичь устья реки Омоллой.

7 августа «Иркутск» добрался до устья реки Яны. Здесь к судну приехали на лодках два якута и сообщили о том, что к северу от Яны они видели дрейфующий лёд. Пытаясь в течение почти недели отыскать проход на восток, Д. Лаптев решил принять на борт судна «знающих людей» из местного населения. Это ему удалось осуществить: 10 августа были взяты «вожи» — якуты Фёдор Тимофеев и Инджигин Жан.

15 августа «Иркутск», обогнув мыс Святой Нос, вошёл в воды Восточно-Сибирского моря. Плавание проходило благополучно, при попутном ветре бот быстро шёл на восток. 20 августа Лаптев прибыл в устье Индигирки, где встретился с геодезистом Иваном Киндяковым, который, удачно завершив опись реки, давно ждал прихода судна. Киндяков указал проход в Индигирку. Время было позднее — начало сентября, и дальнейшее плавание связывалось с большим риском. Поэтому Лаптев решил остановиться на зимовку.

Чтобы не терять времени, Лаптев приказал Лошкину заняться описью берега до реки Алазеи, а Щербинину и Киндякову — «тщательно» нанести на карту устье Индигирки. Зимой 1739-1740 года сам Д.Я. Лаптев занимался описью низовьев реки Хромы.

Командир отряда намеревался в будущем году перейти к устью Колымы. С этой целью в январе он отправил Киндякова на Колыму. 6 апреля геодезист вернулся и доложил Лаптеву, что он описал устье Колымы, что на собаках туда езды восемь суток.

31 июля «Иркутск» вышел в плавание на восток и 4 августа достиг дельты Колымы. Воспользовавшись хорошими погодными и ледовыми условиями плавания, Лаптев решил идти дальше на восток. Но у Большого Баранова мыса сплошное ледяное поле преградило путь «Иркутску». Командир решил повернуть к устью Колымы. 23 августа бот встал на якорь у Нижнеколымска. Началась третья зимовка, во время которой Лаптев решил готовиться к последнему этапу действий своего отряда — пройти морем на восток до Анадыря.

Летом 1741 года Д.Я. Лаптев ещё раз попытался пройти на восток от Колымы, но безуспешно. Он созвал совет офицеров судна, на котором пришли к выводу, что «из-за непроходимых льдов прибыть на Анадырь морем невозможно». 10 августа отряд вернулся в Нижнеколымск.

27 октября, когда установился санный путь, Лаптев на 45 собачьих и оленьих нартах вышел из Нижнеколымска в Анадырский острог. Ему удалось успешно совершить плавание по реке Анадырю. Оно длилось

почти год. 9 октября 1742 года Лаптев выехал из Анадыря в Нижнеколымск, куда прибыл 20 ноября. Здесь он не стал дожидаться вскрытия реки и, оставив «Иркутск» с командой, по зимнему пути продолжил путешествие. 8 марта 1743 года Д. Лаптев прибыл в Якутск, а 1 декабря — в Петербург. Вместе с отчётом он передал Адмиралтейств-коллегии журнал бота «Иркутск» и карту походов и плаваний 1739-1742 годов.

После смерти В.В. Прончищева командиром Ленско-Хатангского отряда был назначен опытный морской офицер лейтенант Х.П. Лаптев, двоюродный брат Д.Я. Лаптева.

Харитон Прокофьевич Лаптев родился в 1700 году в небогатой помещицкой семье в Псковской губернии Великолукского уезда. Окончив успешно Морскую академию вместе с А.И. Чириковым и В.В. Прончищевым, служил во флоте, участвовал в заграничных плаваниях. В конце 1737 года Х.П. Лаптев, произведённый из мичманов в лейтенанты, был включён в состав экспедиции Беринга.

Х.П. Лаптев прибыл в Якутск 25 мая 1739 года, а 7 июня повёл подновлённую дубель-шлюпку «Якутск» на север. Ближайшими помощниками командира были Семён Челюскин и Никифор Чекин. Команда состояла из 45 человек, большинство из них — участники первого похода «Якутска» под командованием Прончищева.

В инструкции, вручённой Х. Лаптеву, особо оговаривалось: «Ежели за каким случаем осмотреть и описать всё в одно лето не допустит, то следовать в другое лето... и буде какая невозможность в третье лето, то и в четвёртое лето по крайней ревности и прилежности стараться, что всемерно та экспедиция во окончание приведена была» (29, с. 247). Как видно, срок экспедиции был определён до четырёх лет, а Лаптеву было разрешено провести опись берегов по суше («сухопутно»).

«Якутск» благополучно спустился по Лене и через Крестьяцкую протоку 22 июля вышел в море. Густые ледяные поля встретились близ устья Оленька. Судно медленно продвигалось вперёд. Команде местами приходилось расталкивать льдины, а когда ломались шесты, матросы спускались с судна и скалывали лёд пешнями; выбравшись в полынью, шли на вёслах. На чистой воде, с попутным ветром, плыли под парусами.

28 июня отважные мореходы достигли залива, который Лаптев назвал по-норвежски Нордвик (Северный залив). Геодезист Чекин сделал его описание. При выходе из залива «Якутск» зажали плавучие

льды. Пять суток команде пришлось бороться за судьбу судна. «Спасение с великим трудом получили», — писал в журнале командир.

Следуя дальше на север вдоль берегов Таймыра, «Якутск» смог пробиться лишь до широты $75^{\circ}26'$. Здесь судно затёрло во льдах. Лаптев отдал приказ оставить судно. Люди, переплываясь через полыньи, с большими трудностями добрались до берега Таймыра.

Х.П. Лаптев приступил к исследованию полуострова по «сухопутью». Оно длилось почти три года. Исследование Лаптева и Челюскина Таймыра было одной из самых трудных работ Великой Северной экспедиции, а поход Челюскина к самой северной точке Азиатского материка можно отнести к подвигу. В начале 1743 года Лаптев, через Туруханск и Енисейск, вернулся в Петербург. Адмиралтейств-коллегии были представлены журналы, карты и отчёты Ленско-Хатангского отряда.

Д.Я. Лаптев и Х.П. Лаптев внесли огромный вклад в научное изучение Арктики. Благодаря их морскому искусству, хорошим знаниям, настойчивости, инициативе, мужеству и героизму, в непомерно тяжёлых условиях за сравнительно короткий срок удалось впервые провести инструментальную съёмку и положить на карту арктическое побережье от Таймыра до Чукотки. Впервые сравнительно точно нанесены на карту Хатангский и Оленёкский заливы, губа Буор-Хая, устьевые участки крупных рек — Анабара, Оленька, Лены, Яны, Индигирки и Колымы. Отрядами, руководимыми такими опытными и знающими офицерами, как братья Лаптевы, были открыты многочисленные географические объекты (4, 6, 30).

Ценнейшими картографическими материалами Лёнско-Хатангского и Восточно-Ленского отрядов Великой Северной экспедиции пользовались многие поколения картографов, географов и гидрографов, и все отмечали особую их достоверность и точность.

Походы Дмитрия и Харитона Лаптевых обогатили не только картографию, гидрографию и географию, но историю и этнографию. Многочисленные этнографические материалы, собранные участниками северных отрядов до сих пор представляют большой научно-познавательный интерес (35, 36).

Кроме официальных отчётов Д.Я. Лаптев и Х.П. Лаптев составили весьма содержательные «записки», в которых даны описания природы, хозяйства и населения посещённых ими мест. Исключительный интерес представляет «записка» Х.П. Лаптева под названием «Берег между

Леной и Енисеем». Она была опубликована только в 1851 году известным русским историографом флота А.П. Соколовым (30).

По возвращении из арктических экспедиций Харитон и Дмитрий Лаптевы продолжали служить на Балтике, командуя различными кораблями.

30 апреля 1762 года Д.Я. Лаптев был уволен со службы «за старость и болезнь» в чине вице-адмирала. Дальнейшая судьба отважного полярного путешественника-исследователя нам пока неизвестна.

Из дальнейшей жизни Х.П. Лаптева известно, что он участвовал во многих морских плаваниях. 21 декабря 1763 года он скончался.

Прекрасная и лучшая память об этих путешественниках — географические названия на карте Арктики. Отмечая заслуги братьев Лаптевых, Русское географическое общество в 1913 году назвало одно из крупнейших морей восточного сектора Арктики, ими впервые обследованное, морем Лаптевых. Именем Дмитрия Лаптева названы мысы в дельте Лены и в устье Колымы, пролив между материком и Большим Ляховским островом.

Степан Петрович КРАШЕНИННИКОВ

С. П. Крашенинников

С.П. Крашенинников принадлежит к славной плеяде русских учёных XVIII века. Тернистым был путь солдатского сына Крашенинникова в науку. Он родился 31 октября 1711 года в Москве; в 1724-1732 годах учился в Московской славяно-греко-латинской академии (в той же, что и М.В. Ломоносов), а в 1732 году был зачислен в студенты Петербургской академии. После семимесячных курсов лекций по истории, географии, ботанике, этнографии и другим наукам у известных профессоров И.Г.Гмелина и Г.Ф. Миллера¹ и экстренных экзаменов в августе 1733 года 22-летний Крашенинников в числе пяти наиболее одарённых студентов был включён в состав академического отряда Второй Камчатской экспедиции, возглавляемой В.И. Берингом и А.И. Чириковым.

Экспедиционная деятельность С.П. Крашенинникова охватывает довольно длительное время: с 8 августа 1733 года (отъезд из Петербурга)

¹ И.Г. Гмелин и Г.Ф. Миллер — участники академического отряда Второй Камчатской экспедиции.

до 5 февраля 1743 года (прибытие в Петербург). За эти годы путешествий по Сибири и Дальнему Востоку Крашенинников, по его собственным подсчётам, прошёл 25773 версты.

В пределах Якутии С.П. Крашенинников в общей сложности пробыл около 14 месяцев, в том числе в городе Якутске — почти 11 месяцев (с 11 сентября 1736 года по 5 июля 1737 года и с 24 июля по 23 августа 1741 года).

27 мая 1736 года С.П. Крашенинников в составе академического отряда отправился по Лене. В пути он занимался географическим описанием реки. С 1 по 8 августа Крашенинников вместе с И. Гмелиным, И. Яхонтовым, геодезистом А. Макшеевым и одним проводником-якутом совершил плавание по Витиму (до впадения речки Колотовки) и обследовал месторождение слюды. Об этой поездке он составил «Описание реки Витима от устья до слюдяных промыслов при речке Колотовке». С 19 августа по 1 сентября состоялась новая поездка Крашениникова из Олёкминска на реку Кемпендй¹, чтобы обследовать «соляные ключи» и «соляную гору». Маршрут составил 669 вёрст. Путешественника в этой поездке сопровождали бирюкинские якуты — «знатные и бывалые охотники» и геодезист Александр Иванов.

В инструкции, выданной Крашенинникову, предписывалось «описать обстоятельно соляные ключи, сколь широки и сколь глубоки, всегда ли в них соль садится, не замерзают ли они зимою, какие около них растут травы и прочая, примечания достойная» (40, с. 141).

Итоги своей поездки Крашенинников изложил в рапорте Миллеру и Гмелину от 5 сентября 1736 года (40, с. 141 — 144). В нём даётся подробное описание «соляных ключей» и «соляной горы»: «...Вода соляных ключей очень солона, чиста и светла и запаху никакого особенного не имеет, а соль, которая там родится, как снег бела... Трав около ключей и озёрок, в которые помянутые ключи впадают, иных я не видел, кроме тех, которые обыкновенно растут при соляных местах» (40, с. 143).

«Будучи в дороге, — писал в рапорте Крашенинников, — описывал я речки и озёра, которые ехал, а дорогу данным мне компасом по румбам замечал и расстояние их от урочища до урочища на пример изчислял» (40, с. 144). К рапорту Крашенинников приложил «Описание пути от

¹ Река Кемпендй — правый приток Вилюя. В бассейне реки имеются богатые месторождения каменной соли и связанные с ними выходы мощных соляных источников. Залежи соли были открыты в 1712 году. В настоящее время здесь действует грязелечебный курорт.

Олёкминского острогу до имеющихся у речки Кемпендяя соляных ключей и до соляной горы и оттуду возвратно до Олёкминского острогу», в котором кратко даётся характеристика 40 речек и 30 озёр. Ниже приводим, как пример, описание одного озера и одной речки.

«Мунду озеро от речки Куччюгуй верстах в десяти, а от речки Кемпендяй в одной четверти версты; вокруг версты с четырёх имеет. Из него есть в реку Кемпендяй исток, а в него впала с левой стороны Улахан речка, которая вышла верстах в тридцати из хребта. ...Намана речка, шириною от 10 до 30 сажень, вышла с левой стороны от хребта и впала в Лену верстах в 59 ниже Олёкминского острогу. От вершины, по сказыванию якутов, до сего места течение своё от северо-запада на северо-восток она имеет. Вершина её от сего места верстах в 200, а сошлась она с вершиною впадающей в Вилую реку Ботомы речки» (40, с. 149).

Как видно из этого «Описания...», Крашенинников, на основании собственных наблюдений и опросных сведений, даёт вполне реальную картину гидрографической сети по маршруту Олёкминск-Кемпендяй. Поражает нас значительная точность написания якутских географических названий. Небольшие звуковые изменения, не искажающие до неузнаваемости названия, нельзя, конечно, считать ошибками. Нужно помнить, что информаторами были якуты, а записывали русские. Наоборот, приходится только удивляться той полноте и правильности сведений, какими располагали якуты, и той точности передачи, какую дали русские. В этой работе Крашенинников рассматривает организацию соболиного промысла у якутов, отмечая, что «соболиный промысел у иноземческих народов от промыслу русских людей малым чем отличен». Он подробно описывает шаманское жертвоприношение Бай Баянаю, совершаемое перед отправлением якутов на дальний промысел. Отправившись на охоту осенью, якуты возвращались только в апреле, «и тогда всё, что упромышлено, вместе складывают и между собой поровну делят».

4 сентября 1736 года С.П. Крашенинников вместе с отрядом отправился из Олёкминска вниз по Лене и 11 сентября прибыл в Якутск. Здесь он находился до 5 июля 1737 года и под руководством Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина занимался в Якутском воеводском архиве, интересуясь, главным образом, историей и этнографией края. Весной 1737 года профессора объявили студенту Крашенинникову, что на Камчатку они направятся позднее, а ему надлежит пока ехать туда одному. Он должен

позаботиться, чтобы к их приезду были приготовлены удобные жилища. Самому же Крашенинникову надо, не дожидаясь их, приступить к научным исследованиям. В дальнейшем оказалось, что Гмелин и Миллер, ссылаясь на «худое здоровье», вовсе не захотели ехать на Камчатку. Так Крашенинников отправился в далёкий край не скромным помощником профессоров, а самостоятельным исследователем, которому предстояло заменить собой целый отряд. И это путешествие на Камчатку принесло Крашенинникову мировую славу.

5 июля 1737 года Крашенинников отправился из Якутска в Охотск, оттуда он должен был отплыть на Камчатку. Переправившись через Лену, Крашенинников и его спутники (писец Осип Аргунов и двое «служивых людей») перетащили весь багаж на подводье, так как отсюда (от урочища Ярманка) весь долгий путь до Охотска предстояло совершить на лошадях. 19 июля путешественники добрались до реки Алдан.

Впереди была самая трудная часть путешествия. Путь до Охотска преграждали многочисленные реки и наледи, горы и тайга. Крашенинников признавался, что «эта дорога столь беспокойна, что труднее проезжей дороги представить нельзя». Лошади вязли в трясине болот, срывались с горных круч. Наконец, 20 августа Крашенинников прибыл в Охотск. Путь от Якутска до Охотского побережья, равный 978 вёрстам, был преодолен за 47 дней.

Перед отъездом на Камчатку (1 октября 1737 года) С.П. Крашенинников написал в Якутск рапорт, в котором описал тракт из Якутска в Охотск и дал краткое описание встреченных путешественником рек, озёр, наледей, гор, поселений, зверей и птиц; в рапорте даётся расстояние между реками, озёрами и поселениями.

«От города Якуцка до Охоцкого острогу, — писал Крашенинников, — вёл особый журнал, в котором записывал каждый день ветер и перемену воздуха и погоды...» (40, с. 183), т.е. велись маршрутные метеорологические наблюдения.

В указанном выше рапорте есть такие строки: «...Во 2 пункте данной мне инструкции написано: чтоб мне, едучи от Якуцка, описать наледь, Капитан-Тарын называемую, по се величине и положению, а стужу освидетельствовать данными мне термометрами» (40, с. 187). Исполняя этот пункт инструкции, 3-4 августа 1737 года Крашенинников вёл наблюдения над температурой воздуха на наледи Капитан-Тарын и «на стану, который был саженьях во 100 от наледи»; наледь тянулась «в

длину на три версты и в ширину на одну версту». Аналогичные наблюдения велись и на других наледях. Таким образом, Крашенинникова можно считать пионером научного изучения наледей.

В нелёгких, а подчас в невыносимо трудных условиях Крашенинников жил на Камчатке с октября 1737 года по июнь 1741 года» т.е. около четырёх лет. 12 июня 1741 года отважный и неутомимый путешественник отплыл от камчатских берегов на судне «Охотск». Не приводя здесь сведений об его обратном пути через Сибирь, скажем лишь, что теперь путешествие по Якутии не показалось ему таким трудным, как четыре года назад. В Якутске Крашенинников пробыл почти месяц. Здесь он женился на родственнице местного воеводы Степаниде Ивановне Цыбульской (118, с. 37). Через девять с половиной лет Крашенинников вернулся в Петербург.

Жизнь С.П. Крашенинникова после возвращения с Камчатки длилась недолго — около 12 лет. Но все эти годы были наполнены неустанной творческой деятельностью в Петербургской Академии наук. В 1750 году Крашенинников был избран академиком, приобрёл большую известность как талантливый учёный. Но после непродолжительной болезни 25 февраля 1755 года Крашенинников умер в возрасте 44 лет. Вдова его Степанида Ивановна осталась с шестью малолетними детьми.

С.П. Крашенинников вошёл в историю отечественной и мировой науки как первый исследователь Камчатки. В 1756 году выходит в свет его труд «Описание земли Камчатки». В этом фундаментальном труде есть главы, в которых в той или иной мере освещены природа, хозяйство и люди Якутии. Так, например, одна глава называется: «О разных дорогах, которыми из Якутска на Камчатку ездят». Из неё видно, что на «край земли» в разное время вели четыре дороги (тракта). Конечно, более подробно описывается дорога из Якутска до Охотска (39, с. 528-529).

В «Описании земли Камчатки» содержатся интересные сведения о амгинских крестьянах: «Амга примечания достойна, — писал Крашенинников, — потому, что около тех мест издавна поселены пашенные крестьяне, токмо об успехе пахотного дела ныне ничего неизвестно для того, что потомки поселённых крестьян не токмо пашню, но и российский язык позабыли, а напротив того обычай и язык от якутов приняли, так что их от якутов ни по чему разпознать нельзя, кроме того, что христиане» (39, с. 523 — 524).

Неизменное пристальное внимание к возможностям использования природных условий Сибири и Дальнего Востока, к их естественным богатствам — одна из главных особенностей труда С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Труд этот обессмертил имя его автора. Он принадлежит к классическим произведениям русской науки XVIII века. Крупный этнограф Л.Я. Штернберг назвал Крашенинникова Нестором русской этнографии, а его труд — выдающимся памятником Второй Камчатской экспедиции.

Никита Павлович ШАЛАУРОВ

В связи с исследованием берегов северной части Тихого океана, освоением Алеутских островов и Аляски, а также отсутствием удобных сухопутных или морских путей из Сибири в эти районы, во второй половине XVIII века усилился интерес к проблеме морского сообщения между Леной и Камчаткой в обход Чукотского полуострова. Одним из инициаторов открытия этого пути стал сибирский купец Никита Павлович Шалауров.

В 1754 году Никита Шалауров с купцом Иваном Баховым подали Сенату прошение об отправке их для открытия «новых островов и неведомых берегов в Ледовитом океане». Просьбу купцов поддержал сибирский губернатор Мятлев, который в это время сам выдвигал перед Сенатом план установления морского пути с Лены на Колыму, Анадырь и Камчатку.

Царские власти не прочь были воспользоваться частной инициативой сибирских купцов в интересах Российской империи. 17 апреля 1755 года Сенат разрешил купцу Шалаурову возглавить экспедицию «на собственном их судне из Лены вокруг Чукотского Носа на Камчатку» (6, с. 396).

Экспедиции Шалаурова предписывалось «плыть по Лене-реке к устью, а из Ленского устья в Северное море до реки Колымы, а оттуда вокруг Чукоцкого Носу до Камчатки и до прочих тамошних мест для размножения к приращению и пользе государственного интереса Российского мореплавания и соискания новых незнаваемых до сего островов и земель, и для промыслу на оных всяких зверей и птиц» (6, с. 396). Таким образом, экспедиция Шалаурова имела обширные и конкретные задачи.

Сразу же после решения Сената Шалауров и Бахов приступили к подготовке экспедиции. На свои средства построили в верховьях Лены, у деревни Вишняковой Чечуйской волости, судно, получившее название «Вера, Надежда, Любовь». Экипаж судна состоял из 73 матросов и «рабочих людей». В состав экспедиции вошли морские геодезисты Максим Старков и Филипп Вертлюгов, которым поручалась инструментальная съёмка берегов.

Первое плавание по реке Лене экспедиция совершила поздним летом 1757 года, когда она достигла устья реки Виллой. Здесь в тяжёлых условиях проходила первая зимовка экспедиции. За долгие зимние месяцы она израсходовала запасы продовольствия, так что к началу навигации пришлось позаботиться о пополнении его из Якутска. С этой целью Шалауров предпринял пешее путешествие в Якутск (по тайге свыше 500 вёрст), во время которого он не раз рисковал жизнью. В Якутске он принял дополнительно в состав экипажа ещё 35 человек.

20 июля 1758 года шалауровцы двинулись на север, но смогли добраться лишь до Быкова мыса, где более благополучно прошла вторая зимовка. После ремонта судна и пополнения запасов продовольствия свежим оленьим мясом, 12 августа 1759 года Шалауров вывел судно в море, имея на его борту 53 человека. С большими трудностями судно обогнуло мыс Буор-Хая и 5 сентября достигло устья реки Яны, и здесь руководитель экспедиции решил остановиться на зимовку.

Третья по счёту зимовка началась в очень трудных условиях: не хватало съестных припасов, от постоянных лишений создался нездоровый дух среди «рабочих людей», начались болезни. Ждать конца зимовки Никита Шалауров не стал. С группой верных ему людей в ноябре он оставил судно и отправился на собачьих нартах в Нижнеколымск.

На Колыме Шалаурова ожидали ещё большие трудности. Местные власти относились неприязненно к его экспедиции и создавали всякого рода препятствия. Шалауров безуспешно пытался организовать ремонт бота «Иркутск», оставленного там Д.Я. Лаптевым. Весьма огорчённый неудачей, Шалауров отправился назад к своему судну и, достигнув низовья Индигирки, решил выждать здесь прихода «Веры, Надежды и Любви». Но ожидание оказалось напрасным, так как Иван Бахов ещё зимой самовольно уехал в Якутск, бросив на произвол судьбы судно и его

экипаж. Перейдя с большими трудностями с Индигирки на Яну, Н. Шалауров застал на судне только лишь 17 полуголодных матросов. Продовольствия почти не осталось.

В этой сложной обстановке отважный мореход Шалауров не растерялся, показал волю и настойчивость к достижению поставленной цели. С большим трудом ему удалось снова скомплектовать состав экипажа из 29 человек. Каждый из них давал Шалаурову письменное обязательство — беспрекословно подчиняться его приказу, его воле.

29 июля 1761 года из устья Яны началось плавание. Продвижение около мыса Святой Нос замедлилось из-за плотных плавучих льдов, через которые приходилось проталкиваться, помогая судну шестами. 6 сентября Шалауров, находясь севернее Святого Носа, увидел в море совершенно чётко гористый остров (очевидно, остров Большой Ляховский). Только 18 сентября судно вошло в устье реки Колымы, где началась четвёртая зимовка.

Как и в первый раз, Шалаурову на Колыме пришлось преодолеть значительные трудности. Местные власти опять отказали в выдаче продовольствия и транспортных средств. Чтобы добиться получения 200 пудов муки, Шалаурову пришлось дважды ездить зимой в Анадырск за ордером. По ордеру, выданному анадырским прапорщиком, нижнеколымский комендант выдал Шалаурову лишь 131 пуд муки.

21 июля 1762 года, когда Колыма окончательно очистилась ото льда, Никита Шалауров вышел в море и взял курс на восток. При благоприятных ледовых и погодных условиях судно 25 августа достигло Чаунской губы, а далее плавание значительно затруднилось «мятыми льдами» и сильными встречными ветрами. После двух неудачных попыток пройти за Шелагский мыс Шалауров решил зимовать на Колыме, куда судно прибыло 11 сентября.

В Нижнеколымске Шалауров потребовал от тамошнего начальства помощи продовольствием для продолжения плавания на восток летом 1763 года, но получил решительный отказ. Тогда, оставив экипаж судна в одной из протоков дельты Колымы на пятую зимовку и пообещав вернуться к июню 1763 года, Шалауров с двумя матросами пешком отправился вдоль морского берега, намереваясь достичь Якутска.

Это невиданное пешее путешествие протекало в суровых зимних условиях. Не раз отважные люди находились на краю гибели. Однажды, во время сильной пурги, они два дня «пролежали в снегу, их платье всё

обмокло, руки, ноги познобило, едва не умерли». Преодолев колоссальные расстояния, невероятные трудности и огромные препятствия, 19 февраля 1763 года Шалауров со своими двумя вернейшими спутниками прибыл в Якутск.

У якутского воеводы Шалауров также не нашёл поддержки. Тогда на последние свои деньги, пешком и на лошадях, Шалауров 12 марта отправился из Якутска в Тобольск.

Сибирский губернатор Ф.И. Соймонов, в то время увлечённый перспективой промысла китов и моржей на берегах Северного Ледовитого и Тихого океанов, разделял взгляд Шалаурова на возможность и целесообразность открытия морского пути из устья Лены на Камчатку. Он отпустил морехода в Москву, в Сенат, куда выехал и сам. По прошению Н.П. Шалаурова и при энергичной поддержке Ф.И. Соймонова 22 ноября 1763 года Сенат вынес решение об оказании материальной помощи Шалаурову, выдаче ему необходимого хлеба и другого продовольствия. Шалаурову был дан открытый лист, который должен был оградить его от препятствий, чинимых местными властями. Таким образом, Сенат взял экспедицию Шалаурова под своё наблюдение, превратив её из частного мероприятия в государственное.

«Отпуская Никиту Шалаурова в морское плавание, — пишет М.И. Белов, — Сенат рассчитывал содействовать оживлению связей с Америкой и укреплению позиций России в районе Тихого океана» (6, с. 400).

Шалауров, будучи в Москве, передал Сенату два документа, составленных им самим. Один из них — проект организации на Северо-Востоке частных и государственных китобойных и звероловных компаний, другой — «Известие о чукотском народе», написанное им по просьбе Сената.

26 декабря 1763 года, удовлетворённый и вдохновлённый успехами, Шалауров выехал с сержантом Зуевым из Москвы. В марте 1764 года он прибыл в Нижнеколымск и немедленно приступил к подготовке судна в плавание. 17 июля «Вера, Надежда, Любовь», имея на борту 53 человека, вышло из Нижнеколымска и взяло курс к устью Колымы, а далее на восток. Перед выходом в море Никита Шалауров был серьёзно болен.

Обогнув Шелагский мыс, Шалауров и его спутники безвестно пропали. По одним предположениям, судно Шалаурова было затёрто льдами, и экипаж утонул; а по другим, наиболее верным, шалауровцы

умерли от голода и холода во время зимовки у Шелагского мыса, где была найдена последняя стоянка экспедиции.

О месте гибели экспедиции Никиты Шалаурова впервые сообщил И.И. Биллингс, путешествовавший по Чукотке зимой 1791-1792 года. В журнале Биллингса имеется следующая запись: «Чукчи сказывали нам, что несколько лет тому назад, в зимнее время, они нашли при устье сей реки (Веркунь. — С.М.) избу, покрытую парусиной, и что в той избе было множество костей человеческих и что те остовы принадлежали промышленникам российским Шалауровой компании, которых судно тут зазимовало; что тела совершенно были съедены песцами и лисицами, которых там бывает великое множество; и что остались одни только от костей обглодыши. Они также в избе находили образа, котлы медные и железные...» (6, с. 401).

Писатель Олег Куваев справедливо заметил о Шалаурове: «Сей неистовый человек изменил купеческому предназначению ради морской гидрографии и открытия новых земель. Для географической науки он сделал достаточно много» (42, с. 48). И, действительно, вклад Шалаурова в научное познание восточного сектора Арктики значителен.

Подвиг Н. Шалаурова обогатил знания об Арктике важными новыми данными. Им и его помощниками были составлены карты берега между устьем Лены и мысом Шелагским, дано первое схематическое изображение (на основе фактических наблюдений) острова Большого Ляховского и Медвежьих островов, Чаунской губы и её островов. О карте Н. Шалаурова Ф.П. Врангель справедливо писал, что она выполнена «с геодезической верностью, делающей немалую честь сочинителю» (6, с. 402).

Огромнен также вклад Н.П. Шалаурова в изучение быта и социального строя чукчей. Он делит чукчей на три большие группы: сидячие, оленные и чаунские. Н. Шалауров правильно рассматривал вопрос о взаимоотношениях чукчей со своими соседями (юкагирами, коряками, ламутами) и русскими. В военных столкновениях между этими народами, по его мнению, повинна была верхушка анадырских чукчей, «вносившая разлад своей ненасытной алчностью».

Никита Шалауров выполнил труднейшую задачу, совершив плавание с верховьев Лены до Шелагского мыса с пятью тяжелейшими зимовками. Такой подвиг мог совершить человек с неистощимой энергией, целеустремлённостью и бесстрашием.

Свое судно Шалауров обдуманно, с глубоким смыслом назвал «Верой, Надеждой и Любовью». Он твёрдо верил в возможность открытия морского пути из устья Лены на Камчатку, очень надеялся на успех своей экспедиции и глубоко любил свою Родину, был её истинным патриотом.

Именем Никиты Шалаурова названы острова в Чаунской губе и в устье Колымы, мыс на юго-востоке острова Большой Ляховский.

**Степан АНДРЕЕВ, Иван ЛЕОНТЬЕВ,
Иван ЛЫСОВ, Алексей ПУШКАРЁВ**

К северу от устья Колымы, в Восточно-Сибирском море, расположен архипелаг Медвежьих островов. Он состоит из шести небольших островов: Крестовского, Андреева, Леонтьева, Лысова, Пушкарёва и Четырёхстолбового.

Во время походов на Колыму во второй половине XVII века ленские мореходы не раз видели Медвежьих островов. В 1655 году торговый человек мореход Яков Вятка достиг острова Крестовского. В его караване было девять кочей, из которых три, не доходя до Колымы, отнесло к северу, к острову. Спустив на воду карбас, мореходы осмотрели остров, на берегу они обнаружили следы «какого-то скота и зверя, а людей не видели» (37, с. 222).

Летом 1669 года судно морехода Никифора Малгина, при плавании с Лены на Колыму, «не дошёл до Колымского устья», унесло к северу, и он, «де Никифор, с товарищами в море видели остров». Вполне вероятно, мореходы увидели первый Медвежий остров.

В первой половине XVIII века нижнеколымские казаки и промышленники предпринимали ряд походов к Медвежьим островам. Около 1720 года промышленник Иван Вилегин вместе со своим товарищем Санкиным на нартах отправился по льду к северо-востоку от устья реки Чукотской и в конце дня достиг первого из Медвежьих островов (Крестовского), где путешественники обнаружили следы давнего пребывания чукчей — старые юрты и места стоянок.

Через четыре года, летом 1724 года, для обследования Медвежьих островов был послан сын боярский Фёдор Амосов, утверждавший, что он, во время плавания с Индигирки на Колыму, лично видел остров.

Вначале Амосов вышел в поход из Нижнеколымска на судне, но, встретив сплочённые льды, вернулся назад. В ноябре того же года он

повторил поход, на этот раз на собаках, и достиг первого из Медвежьих островов. По словам Амосова, этот остров находится в дне езды от устья реки Чукочьей, на нём есть высокие горы¹, заметные даже с материка, а его берег можно обойти за один день.

Но подлинное географическое открытие всей группы Медвежьих островов произошло во второй половине XVIII века, и оно связано с именами Степана Андреева, Ивана Леонтьева, Ивана Лысова и Алексея Пушкарёва.

В 1763-1764 годах, по приказу начальника Анадырского гарнизона подполковника Ф.Х. Плениснера сержант Анадырского гарнизона Степан Андреев возглавил два похода из Нижнеколымска на Медвежьи острова. Поводом к этому послужил слышанный Плениснером во время пребывания в Нижнеколымском остроге рассказ казака-промышленника Фёдора Татаринова и крещёного юкагира Ефима Коновалова о их поездке к островам, расположенным против устья реки Колымы. В «скаске» от 29 ноября 1762 года Татаринов и Коновалов показали, что, занимаясь промыслом песцов в низовьях реки Крестовской (впадает в Восточно-Сибирское море, примерно в 250 км западнее устья Колымы. — С.М.) в марте 1756 года они посетили острова, расположенные недалеко от побережья, к северу от устья реки Крестовской.

Первый поход Степана Андреева на Медвежьи острова состоялся с 4 марта по 2 мая 1763 года. Его сопровождали Е. Коновалов, Ф. Татаринов и ещё три казака. На собаках Андреев посетил пять островов и впервые дал их географическое описание. Природные условия пятого острова (Четырёхстолбового) Андреев описал так: «Гора на нём высокая, выше многим первого острова. Земля на нём серая с песком, каменья сини так, как на Колыме реке, в горах наносного лесу весьма довольное число; лес здоровый как свежий, также трёх родов; сучьев нет, все стёрты; следов звериных медвежьих и песцовых весьма много» (6, с. 410). Множество медвежьих следов на островах дало повод Ф. Плениснеру в 1764 году назвать эти острова Медвежьими.

Во время пребывания на пятом острове Андреев заметил на северо-востоке от него «синь синяя или назвать, какая чернь, а что такое, земля или полое море, о том обстоятельно донести не можно» (6, с. 410). Виденный якобы Андреевым остров получил название «Земли Андреева». Ей предстояло стать одной из загадок Арктики.

¹ Действительно на острове Крестовском есть невысокая гора Шапка (высота 27,3 м).

О своём походе С. Андреев 6 мая 1763 года представил Плениснеру рапорт и «подённый путевой журнал». Ознакомившись с ними, Плениснер пришёл к выводу о том, что к северу от Медвежьих островов находится «Большая земля». Он приказал Андрееву готовиться к новому походу, к поискам «Земли Андреева».

Во второй поход Андреев выехал из Нижнеколымска на собаках 16 марта 1764 года. 7 апреля он достиг первого из Медвежьих островов, 10 апреля — четвёртого, а 16 апреля с пятого острова Андреев отправился в море, на северо-восток.

Двигаясь по припайному льду, через шесть дней, утром 22 апреля Андреев разглядел впереди остров, о котором писал: «Увидели остров весьма не мал, гор, стоячего лесу на нём невидимо, низменной, одним концом на восток, а другим на запад, и в длину так например быть имеет 80 вёрст» (6, с. 412). На следующий день обеспокоенный тяжёлой болезнью проводника-каюра Ефима Коновалова, Андреев повернул обратно, не дойдя до «острова» 20 вёрст. 29 апреля Андреев вернулся на Медвежьих острова, а 8 мая — в Нижнеколымск.

После походов Степана Андреева следующим поколениям перешло представление о какой-то «Земле Андреева» к северу от Медвежьих островов. Её безуспешно искали: в 1810 году — М.М. Геденштром, в 1821-1823 годах — Ф.П. Врангель, в 1822 году — П.Ф. Анжу, в 1878-1879 годах — А.Э. Норденшельд, в 1880 году — Дж. Де Лонг, в 1913-1914 годах — ледоколы «Таймыр» и «Вайгач», в 1933 году — Ледокол «Челюскин». Разведки «Земли Андреева» совершались и советскими морскими лётчиками, пока, наконец, не было твёрдо установлено, что никакой земли к северу от Медвежьих островов нет.

Но что же видел Степан Андреев? Ошибался он или нет? В последние годы выдвигаются различные версии о «Земле Андреева». Одни считают, что С. Андреев увидел «ледяную землю», которая впоследствии разрушилась в результате таяния и размыва слагающих её мёрзлых пород; другие предполагают, что Андреев принимал за остров мощные торосистые льды; по мнению третьих, Андреев ошибся, приняв за остров густой туман, поднимающийся иногда над чистой водой — полыньёй и кажущейся синевой, напоминающей издалека очертания гористой суши.

Андреев осуществил картирование всей группы Медвежьих островов и дал их первое топографическое и геолого-географическое описание. «В заслугу Андреева, — пишет М.И. Белов, — надо поставить также и то, что он первым попытался проникнуть к северу от Медвежьих островов к белому пятну Восточно-Сибирского моря. Поэтому путешествия Андреева являются выдающимся событием в истории исследования полярных стран XVIII века» (6, с. 413).

Именем Степана Андреева в 1912 году назван один из островов в группе Медвежьих островов.

Опись Медвежьих островов Степан Андреев сделал недостаточно точно. Хотя в его путевых журналах содержались ценные наблюдения, указанные им расстояния между островами и размеры самих островов были иногда далеки от истинных величин. Кроме того Андреев из-за отсутствия приборов астрономических наблюдений не производил. И, главное, оставался весьма неопределённым вопрос о «Земле Андреева».

Эти обстоятельства послужили поводом к снаряжению сибирским губернатором Д. Чичериным экспедиции «для разведывания дальнейших мест». По его указу в 1767 году из Якутска в Охотск, а далее в Нижнеколымск были отправлены геодезисты — прапорщики И. Леонтьев, И. Лысов и А. Пушкарёв с поручением снять на карту Медвежий остров. Прибыв в конце года в Охотск, начальник экспедиции Иван Леонтьев приобрёл геодезические и астрономические инструменты. На переезд экспедиции из Охотска в Нижнеколымск ушёл весь 1768 год.

Начальник Анадырского гарнизона подполковник Ф.П. Плениснер вручил И. Леонтьеву инструкцию, где было сказано о целях экспедиции: «Велено тем островам (Медвежьим. — С.М.) аккуратное учинить описание и положить на карту. Да и с того пятого острова простираться к изысканию американской матёрой, со стоячим лесом земли» (6, с. 414).

В весенние месяцы 1769-1771 годов Леонтьев и его спутники совершили три похода из Нижнеколымска на Медвежий остров. В первом году геодезисты произвели сравнительно точную и подробную опись островов и сделали попытку пройти с пятого острова (Четырёхстолбового. — С.М.) на север. Однако, из-за недостатка продовольствия и «неизвестности расстояния до матёрой земли» путешественники вынуждены были повернуть обратно.

В марте следующего года Леонтьев, Лысов и Пушкарёв повторили поездку на север от острова Четырёхстолбового. Им удалось дойти по

льду до 74°05' с.ш., что является для своего времени рекордом продвижения на север по льду.

В третий раз на Медвежьих острова геодезисты ходили весной 1771 года. От острова Четырёхстолбового они двигались строго на восток. Пройдя около 80 вёрст и не заметив никаких признаков новой земли, геодезисты круто повернули на юг — к Большому Баранову мысу и скоро достигли берега. Затем вдоль берега Леонтьев проехал до Чаунской губы и вернулся на Колыму, в Нижнеколымск.

По материалам трёх походов И. Леонтьевым была составлена карта Медвежьих островов.

«Необходимо отметить почти современную точность карты И. Леонтьева, — пишет М.И. Белов, — что делает ему немалую честь. В отличие от карты С. Андреева, на которой Медвежьих острова показаны цепочкой, вытянутой от реки Крестовки до Шелагского мыса, на карте Леонтьева они положены... с предельной точностью» (6, с. 414).

Дальнейшая судьба трёх отважных геодезистов нам неизвестна. Известно только то, что в 1773 году Леонтьев с материалами экспедиции и составленной им картой Медвежьих островов выехал из Якутска в Петербург.

По справедливости именами Ивана Леонтьева, Ивана Лысова и Алексея Пушкарева в 1912 году названы три центральных острова Медвежьих островов.

Меркурий ВАГИН, Иван ЛЯХОВ, Степан ХВОЙНОВ

В начале XVIII века от русских казаков-промышленников, совершавших плавание между устьями Лены и Колымы всё чаще стали поступать вполне достоверные сведения о том, что к северу от мыса Святой Нос, недалеко от материка, видны острова. Так, летом 1710 года якутский казак Яков Пермяков¹, не раз ходивший в морской поход на Колыму, видел против мыса Святой Нос «большой остров».

Официальное открытие Ляховских островов произошло в первой половине XVIII века и принадлежит оно отважным якутским казакам и

¹ Яков Пермяков принадлежал ко второму поколению якутских казаков, отцы которых открывали Лену, Яну и другие северо-восточные реки. Он был участником морских походов на Колыму, служил в Анадырском остроге. Пермяков был внуком известного землепроходца Ивана Реброва.

промышленникам. В поисках новых территорий, богатых пушным зверем и мамонтовой костью, они часто посещали побережье Северного Ледовитого океана. Идя по следам песцов и диких оленей, а иногда из любознательности якутские промышленники нередко проникали далеко на север, открывали там острова и посещали их в надежде на хороший промысел.

Первооткрывателем Ляховских островов считается верхоянский приказной человек, казак Меркурий Вагин.

Якутский воевода Дмитрий Траурнихт, ссылаясь на указ царя, направил устьянскому приказчику Ивану Львову наказ «о проведывании с великим прилежным радением про остров», якобы лежащий против устья Яны. В 1711 году Иван Львов снарядил для поисков новых островов экспедицию во главе с казаком Меркурием Вагиным. В состав отряда вошли 11 верхоянских казаков и три устьянских якута-промышленника. Проводником («вожем») и переводчиком согласился быть вышеупомянутый Яков Пермяков.

В мае 1712 года отряд Вагина вышел на собачьих нартах из Усть-Янска к морю. От мыса Святой Нос Пермяков провёл отряд через покрытый прочным льдом пролив прямо на север и вскоре оказался на безлюдном острове. «И на том острове, — рассказал участник похода Алексей Дементьев, — олени и песцы и волки есть, а иного зверя никакого нет». Путешественники назвали остров Ближним. Это был один из южных островов Новосибирского архипелага, позднее названный Большим Ляховским.

С острова Ближнего (Большого Ляховского) Вагин и его спутники увидели на севере небольшой остров, очевидно, Малый Ляховский остров. Но перейти на этот остров на собачьих нартах было очень рискованно, так как приближалось лето, к тому же съестные припасы и собачий корм были на исходе, и Вагин вынужден был вернуться на материк, к Святому Носу, и остановиться на зимовку.

С начала зимы путешественники сильно голодали, поели всех собак. Попытка поохотиться в окрестных местах закончилась неудачей. Вагин решил идти через тундру на реку Хрому, где по словам промышленников, должна быть рыба. Но, к сожалению, казаки «ходили многие дни, Хромы реки не сыскали, ели мышей и всякую гадину».

Весной 1712 года Вагин, его сын Василий и Пермяков собирались снова начать поиски островов. Но остальные участники похода, узнав об

этом намерении руководителей экспедиции, воспротивились этому. Заговорщики напали на Меркурия Вагина с сыном и на Якова Пермякова, когда они рыбачили на Святом Носе, вдали от лагеря, и убили их, а вернувшись в лагерь, зарезали одного промышленника, но пощадили двух других. Те их и выдали властям после возвращения в Усть-Янск. Убийцы были приговорены к смертной казни, но двоим из них виселицу заменили гнутом.

В память о Меркурии Вагине место его трагической гибели — длинный полуостров, отделяющий Омулляхскую губу от Восточно-Сибирского моря — названа Меркушиной Стрелкой.

К числу первооткрывателей Ляховских островов по праву можно отнести якута Этэрикэна. Бывалый промышленник (по И.П. Магидовичу — с низовьев Лены, по Ф.П. Врангелю и С.В. Бахрушину — из Усть-Янска. — С.М.) переходил с материка на ближайшие острова и успешно промышлял зверя. Около 1760 года Этэрикэн открыл на острове Ближнем (Большом Ляховском) залежи мамонтовых бивней, а перейдя неширокий пролив, первым из исследователей посетил лежащий дальше к северу остров Малый. Открытие островов, богатых мамонтовой костью, высоко оценивалось современниками отважного промышленника. В 60-х годах XVIII века остров Ближний назывался именем Этэрикэна, но позднее, по указу Екатерины II, этот остров и лежащий за ним были наименованы Малым и Большим Ляховскими в честь якутского промышленника Ивана Ляхова, занявшегося спустя 10 лет сбором мамонтовых бивней и промыслом песцов на этих островах. Однако Этэрикэн не забыт. Советские полярники называли его именем пролив, отделяющий Большой Ляховский остров от Малого Ляховского, две крупные реки на Большом Ляховском острове (Малый Этэрикэн, Большой Этэрикэн).

В марте 1770 года, занимаясь песцовым промыслом в районе мыса Святой Нос, энергичный и предприимчивый купец из Усть-Янска Иван Ляхов обратил внимание на то, что с севера на юг переправляется большое стада оленей. Решив выяснить, откуда могли они идти, Ляхов поехал по их свежим следам в обратном направлении и в 70 верстах от материка вышел на остров, ещё 10 лет назад посещённый Этэрикэном. На следующий день, углубившись к северу ещё на 20 вёрст, Ляхов посетил второй (ныне Малый Ляховский). Оленьи следы вели и дальше, но про-

движение стало невозможным из-за торосов. Ляхову пришлось повернуть назад. Как оказалось позднее, оба эти острова были очень богаты мамонтовой костью и песцами. В некоторых местах мамонтовых костей и клыков на поверхности земли торчало столько, что, казалось, будто весь остров состоит из этих остатков вымерших гигантов.

В своей челобитной, адресованной якутскому начальству, Ляхов сообщил о природе посещённых им островов и просил закрепить за ним для промысла как эти острова, так и те, которые он может открыть в дальнейшем. Когда Екатерина II получила донесение Якутской воеводской канцелярии об этом открытии якутского промышленника, то приказала назвать новые острова Большим и Малым Ляховскими, а Ляхову предоставила исключительное право промысла на землях, открытых им, и тех, которые он может открыть в будущем.

Окрылённый таким успехом в 1733 году И. Ляхов вторично отправился на острова, названные его именем. С ним был якутский купец Протодьяконов и 5 якутов-гребцов. Плыли на лодке. С Малого Ляховского острова путешественники в солнечный день увидели вдали что-то, похожее на землю. Продолжив своё плавание, они вскоре ступили на неизвестный гористый остров, названный островом Котельным (один из промышленников, сопровождавший Ляхова, нашёл на нём старинный медный котёл). Этот остров также оказался богат мамонтовой костью. На открытых островах Ляхов поставил три зимовья, между ними, а также между Святым Носом, Усть-Янском и островом Котельным устроил несколько станов (изб для ночёвок). Успешная деятельность компании Ляхова и значительные таможенные сборы натурой привлекли внимание русского правительства. Оно потребовало от якутских властей подробной описи вновь открытых островов и заодно поисков новых земель для пушного промысла. В феврале 1775 года Якутская воеводская канцелярия направила на Ляховские острова землемера Степана Хвойнова, сопровождаемого самим Ляховым. Им следовало проследить за приёмом в казну 1/10 части добытой мамонтовой кости и песцов, описать остров, где производилась их добыча, а также попытаться обнаружить новые острова и места для промысла.

Хвойнов прибыл из Якутска в Усть-Янск в конце марта 1775 года и оставался там до начала мая, занимаясь сбором расспросных сведений

об островах, заготовкой оленьего мяса и собачьего корма, транспортных средств, а также приёмом от промышленников в казну пушнины. Хвойнову оказал существенную помощь Ляхов.

8 мая Степан Хвойнов, Иван Ляхов и несколько якутов-промышленников отправились на север, к Святому Носу. Отсюда 16 мая путешественники на собаках переехали через пролив Дмитрия Лаптева. Ширину пролива Хвойнов определил примерно в 60 вёрст (по современным данным 63 км).

С 17 по 26 мая Степан Хвойнов и Иван Ляхов с группой промышленников на собачьих нартах обошли кругом Большой Ляховский остров, пройдя 364 версты. Они открыли и описали несколько мысов и небольших заливов, позднее названных именами русских путешественников и исследователей. Из-за нехватки продовольствия и собачьего корма путешественники вынуждены были вернуться с острова в Усть-Янск.

В мае 1776 года Хвойнов с прежними спутниками снова отправился на Ляховские острова, но вскоре вернулся на материк «за неимением харчевых припасов и сильной вьюги». В конце февраля 1777 года неутомимый землемер в третий раз отправился на острова и, благополучно достигнув Большого Ляховского острова, 1 мая приступил к описи его северного берега. Отсюда Хвойнов дважды попытался попасть на Малый Ляховский остров, но каждый раз возвращался назад из-за сильной пурги.

В июне 1778 года Хвойнов вернулся в Якутск, где по материалам своей описи и по расспросным источникам составил «План части берега Ледовитого моря от устья Яны до островов Ляховских».

Именем землемера Степана Хвойнова назван мыс, расположенный на севере острова Малый Ляховский.

В 1800 году Иван Ляхов умер. После его смерти право промысла на открытых им островах перешло к якутским купцам Семёну и Льву Сыроватским. «Передовщик» (начальник) их артели Яков Санников стал первооткрывателем четырёх островов Новосибирского архипелага.

Иосиф Иосифович БИЛЛИНГС, Гавриил Андреевич САРЫЧЕВ

Г. А. Сарычев

Открытия русских людей в северной части Тихого океана в первой половине XVIII века всё больше становились предметом особого внимания иностранцев. Они всё чаще стали появляться в русских водах. Владычица морей Великобритания направила сюда своего знаменитого мореплавателя Джемса Кука. Сюда шли корабли Ост-Индской компании. Серьёзные политические соображения заставляли русское правительство обратить самое пристальное внимание на свои дальневосточные владения.

В 1785 году Россия отправила в северную часть Тихого океана Северо-восточную географическую и астрономическую экспедицию, руководителем которой был назначен 24-летний капитан флота Иосиф Иосифович Биллингс, его помощником — 22-летний лейтенант Гавриил Андреевич Сарычев.

Иосиф Иосифович Биллингс родился в 1761 году в Англии, в семье рыбака. С малых лет плавал он на судах. Несмотря на молодость Биллингс обладал серьёзными морскими знаниями. До службы в России, в 1776-1780 годах, талантливый моряк участвовал в третьей кругосветной экспедиции Дж. Кука. Биллингс принадлежал к числу тех иностранцев, которые, находясь на русском флоте, служил России «честно и с пользой дела».

Гавриил Андреевич Сарычев родился в 1736 году в Кронштадте. Когда мальчику исполнилось семь лет, родители отдали его в Кронштадтский морской корпус, который он успешно окончил в 1778 году. Сарычев начал морскую службу на Балтике, участвовал в походе в Италию.

Активное участие в Северо-восточной экспедиции явилось наиболее важным периодом в жизни Г.А. Сарычева. Впоследствии Сарычев выдвинулся как выдающийся учёный-географ, гидрограф и картограф. Он был инициатором кругосветного путешествия и плавания в Антарктику шлюпов «Восток» и «Мирный» под командованием Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева. Сарычев принадлежал к той замечательной плеяде отечественных учёных, имена которых чтит благодарный народ.

В указе Екатерины II Адмиралтейств-коллегии от 8 августа 1785 года об организации Северо-восточной экспедиции Биллингса-Сарычева с

исчерпывающей полнотой были определены её научные задачи. Экспедиция организовывалась «для определения степеней долготы и широты устья реки Колымы, положения на карту берегов всего Чукотского носа до мыса Восточного (Дежнёва. — С.М.), також многих островов, в Восточном (Тихом. — С.М.) океане к Американским берегам простирающихся, и совершенного познания морей между матёрою землёю Иркутской губернии и противоположными берегами Америки» (3, с. 38). Таким образом, экспедиции предстояло действовать на огромнейших просторах суши и моря — от Лены до берегов Северной Америки.

Экспедиции Биллингса-Сарычева предписывалось пройти морем из Нижнеколымска в Тихий океан, где начать научные исследования на Алеутских островах, в Аляскинском архипелаге, у северо-западных берегов Америки на судах, построенных в Охотске или на Колыме. В случае же, если бы плавание из Нижнеколымска оказалось неудачным, то Биллингсу и Сарычеву надлежало перебраться в Камчатку и отсюда начать исследовательские работы, по окончании которых требовалось повторить попытку описать северо-восточное побережье Азии.

И.И. Биллингсу поручалось также постараться, «сколько возможно, сведать о земле чукчей, силе и нравах сего народа, а при случае потрудитесь своим поведением склонить к утверждению сего народа в зависимость от России...» (6, с. 422). Ему же поручалось «дойти по суку, по льду и водою до самого главного мыса Чукотского», а оттуда начать путешествие по Чукотскому полуострову, с целью установления дружеских отношений с «немирными чукчами».

Северо-восточная экспедиция — одна из значительных по численности участников: в её составе было 141 человек. Сюда не входит большое число местных жителей (проводников, каюров, подсобных рабочих и других) и солдат, привлечённых Биллингсом и Сарычевым на места. Участниками экспедиции были: лейтенанты флота Роберт Галл и Христиан Беринг, штурманы Гаврил Прибылов и Сергей Бронников, геодезисты Алексей Гилев и Осип Худяков, натуралист Карл Мерк, художник Лука Воронин, лекарь Михаил Роббек, учёный самоучка чукча Николай Дауркин, сотник Иван Кобелев и другие. Участникам экспедиции были даны большие привилегии. По достижении устья Колымы все офицеры производились в следующий чин, а по прибытии к берегам Северной Америки — в следующий. Кроме того им выплачивалось двойное жалованье и предусматривалось особое денежное вознаграждение.

Северо-восточная экспедиция Биллингса — Сарычева была хорошо снаряжена астрономическими, навигационными, метеорологическими, геодезическими и другими приборами, имела все новейшие карты и описания районов плавания и путешествия, а также другое снаряжение. Все планы экспедиции держались в строжайшем секрете.

Вкратце остановимся на маршрутах Северо-восточной экспедиции.

Передовой отряд экспедиции во главе с Г.А. Сарычевым отбыл 12 сентября 1785 года из Петербурга в Иркутск. Отсюда в начале декабря отправился в Якутск, куда и прибыл 10 января 1786 года.

В январе-марте 1786 года участники экспедиции совершили переход из Якутска в Охотск. Поскольку нужных для экспедиции судов в Охотске не оказалось, Сарычев занялся поисками леса для их постройки. Но вскоре последовало распоряжение Биллингса строить суда в Верхнеколымске, куда и направились экспедиция в конце июля — начале августа 1786 года.

Добравшись до Оймякона, путешественники пошли на северо-восток через хребты «отменной высоты», спустившись по рекам Моме и Зырянке и в середине сентября прибыли в Верхнеколымский острог. Здесь, в устье реки Ясачной (Ясашной) — левого притока Колымы, были построены два судна («Паллас» и «Ясашная»). На них в конце мая 1787 года Биллингс и Сарычев спустились по Колыме к морю. В июле они трижды пытались пройти морем на восток, но из-за тяжёлых льдов продвинулись лишь немногим дальше мыса Большого Баранова.

Суда поднялись вверх по Колыме до Среднеколымска. Отсюда в конце сентября экспедиция направились в Якутск. Перезимовав в Якутске, участники экспедиции вновь отправились в Охотск по рекам Мае и Юдоме. Между прочим, в январе-июне 1788 года Сарычев, Бронников и ещё несколько участников экспедиции были заняты описью рек Май и Юдомы, постройкой лодок для перевозки грузов и людей к Охотску.

Зиму и весну 1789 года экспедиция провела в Охотске. Сарычев описывает побережье Охотского моря и составляет план города Охотска. В конце августа на судне «Слава России» Биллингс и Сарычев ушли в плавание, ставшее историческим и длившееся почти три года. 13 августа 1791 года у Берингова пролива, в заливе Лаврентия, Биллингс сдал командование судном Сарычеву, а сам, согласно предписанию Екатерины II, отправился сухим путём исследовать Чукотский полуостров.

Сухопутный отряд Биллингса зимой 1791-1792 года благополучно прошёл на оленях через всю землю «немирных чукчей» до Нижнеколымска, и осенью 1792 года достиг Якутска. Морской отряд экспедиции, возглавляемый Сарычевым, успешно обследовав берега северной части Тихого океана, 18 августа 1792 года прибыл в Охотск. 6 августа 1793 года оба отряда встретились в Якутске, затем все участники экспедиции возвратились. 16 апреля 1794 года в Петербург.

Экспедиция Биллингса-Сарычева является одним из крупнейших научных предприятий XVIII века. На огромнейших пространствах северо-востока Азии и северо-запада Северной Америки нет ни одного крупного географического региона на суше и на море, который не был бы охвачен географическими, астрономическими, гидрографическими и историко-этнографическими исследованиями этой экспедиции. Это — Восточная Якутия, Охотский край, Чукотка, Камчатка, Алеутские и Курильские острова, Аляска; это — Охотское, Берингово, Чукотское и Восточно-Сибирское моря. Особенно много было сделано Биллингсом и Сарычевым на северо-востоке Азиатского континента.

Участниками Северо-восточной экспедиции были открыты, обследованы и положены на карты многочисленные географические объекты — острова и мысы, проливы и заливы, горы и хребты, плоскогорья и низменности, реки и озёра. Немало было сделано ими на морях и океанах: определения глубин и грунтов, наблюдения над течениями, приливами и движениями льдов, измерения температуры и солёности воды и т.д.

Во время путешествий и плаваний участники экспедиции, особенно Биллингс и Сарычев, систематически делали астрономические определения и производили метеорологические наблюдения. Они собрали исключительно разнообразный историко-этнографический материал о народах северо-востока Азии. Биллингс, Сарычев и другие участники экспедиции относились к аборигенам с большим уважением, указывая, в частности, на их исключительное гостеприимство.

Научные результаты Северо-восточной экспедиции отражены в трудах её руководителей — Биллингса и Сарычева. Первый подготовил к печати весьма солидную рукопись в трёх частях (на 1722 страницах). К сожалению, она не была опубликована и до сих пор хранится в Центральном государственном архиве Военно-Морского флота в Ленинграде.

То, что не сумел реализовать Биллингс, было сделано научным руководителем экспедиции — Г.А. Сарычевым. Он добился издания своих трудов, благодаря чему научные результаты экспедиции стали достоянием учёных мира. В 1802 и 1811 годах вышли в свет замечательные книги Г.А. Сарычева¹.

Путь Северо-восточной экспедиции Биллингса и Сарычева к северным берегам Тихого океана проходил через всю Восточную Якутию. Якутск, Усть-Мая, Верхнеколымск, Оймякон и другие населённые пункты Якутии стали опорными и перевалочными базами экспедиции. Якутское население оказывало ей существенную помощь во всём.

Путешествие по неизведанным и труднодоступным просторам Якутии на лошадях, оленях и собаках было весьма трудным. Сильные морозы, высокие горы, топкие болота, бурные реки и прочие природные препятствия были для Биллингса, Сарычева и их спутников суровыми испытаниями. Как отмечает Сарычев «тяжелейшими» были переходы из Якутска в Охотск (с 22 января по 27 марта 1786 года, т.е. путешествие длилось 65 дней) и из Среднеколымска в Якутск (с 28 сентября по 24 ноября 1787 года, т.е. 58 дней).

В Якутске местные власти говорили Сарычеву о трудностях пути в Охотск через Оймякон — полюс холода («зимой туда никто не ездит») и советовали дожидаться весны. Но молодой Сарычев был полон сил и энергии, смел и предан порученному ему делу: «Я, не хотя упустить времени, решился непременно ехать, каковые бы, впрочем, ни могли повстречаться со мной трудности и беспокойства» (107, с. 18).

По поводу «необычайно трудного» путешествия из Среднеколымска в Якутск, Сарычев писал, что «всё наше прежнее до сих пор путешествие было ничто в сравнении с тем, что претерпели мы, едучи далее к вершине Яны, между гор почти безлесными местами, где пронзительные ветры при жесточайших морозах нас до крайности доводили. Хотя и было на нас тёплое тройное оленьё платье, но стужа казалась несносной и едва не останавливала движение крови... Лица наши так изуродовало

¹ Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжение восьми лет при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса, с 1785 года по 1793 год, ч. 1-II. СПб., 1802. Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне — «Чёрном орле» по северо-восточному океану в 1791 году. СПб., 1811. С некоторыми сокращениями они были переизданы в одном томе (107).

морозом, что почти не оставалось места, где бы не видно было действия его лютости» (107, с. 48).

Большим испытанием для путешественников был переход через Верхоянский хребет. «Поднимались на хребет, — пишет Сарычев, — несколько отлогою стороною, но спуск был крутизны чрезвычайной: прямо бы по оному сходить было невозможно, есть ли бы не была проложена дорога многими изгибами; но и тут страх видеть под ногами неизмеримую пропасть принуждал нас спускаться иногда ползком» (107, с. 112).

Сарычев впервые дал подробное описание горных хребтов Восточной Якутии. Вот описание одного из хребтов: «Хребет отменной высоты против виденных нами хребтов, простирается грядою от юго-востока к северо-западу: снизу до половины только покрыт мхом, верх его состоит из голого камня». (Там же).

Этот хребет, по мнению Сарычева, находился в 25 верстах от Оймякона. Теперь на карте он носит имя Сарычева.

Г.А. Сарычев пересёк Оймяконское и Янское нагорья и сообщил первые сведения о их природных особенностях. Он дважды пересёк Колымскую низменность и доставил первые достоверные сведения о географии Яно-Индигирской низменности. Учёный дважды посетил Оймякон — полюс холода северного полушария, описал Алдан, Маю, Юдому, Мому, Зырянку, Колыму и другие реки Восточной Якутии.

Сарычев впервые удачно заметил особенности якутских морозов: «В январе морозы доходили до 43 градусов и стужа была несносная, так что захватывало дыхание, выходящий изо рта пар мгновенно превращался в мельчайшие льдинки, которые от взаимного трения производили шум, подобный небольшому треску» (107, с. 67). Он правильно отметил, что при жестоких морозах в Якутии почти не бывает ветра, а как только начинается ветер, так уменьшается мороз.

Во время следования из Среднеколымска в Якутск; Сарычев осмотрел остатки мамонта, сохранившиеся в размытом берегу реки Алазеи. Отвергая различные примитивные догадки о причинах появления в таких холодных местах мамонтов, Сарычев говорит, что «лучше приписать это великой перемене земного шара... и верить, что в сих местах был некогда тёплый климат, сродный натуре сих животных» (107, с. 106).

Г.А. Сарычев впервые ввёл в географическую литературу якутский термин «тары́н». Им установлено важное гидрологическое явление — связь тарынов с родниками.

В работах Г.А. Сарычева отражены также этнографические наблюдения над образом жизни, обычаями и верованиями якутов, чукчей, юкагиров и других народов северо-востока Азии (35, 36, 130).

Сарычев является первым исследователем, производившим на территории Якутии археологические раскопки. 22 июля 1787 года недалеко от устья реки Колымы он раскопал древнее жилище, где обнаружил орудия каменного века, фрагменты керамики и кости северных животных. Советские археологи придают большое значение археологическим изысканиям Г.А. Сарычева. Характеризуя их, академик А.П. Окладников писал: «Раскопки Сарычева представляют собой замечательную страницу в истории мировой археологической науки. Они явились первыми раскопками древних памятников Арктики, предпринятые с научной целью, и положили начало полярной археологии как науке» (74, с. 17).

Таковы вкратце основные итоги научной деятельности И.И. Биллингса и Г.А. Сарычева в Якутии.

Хребет Сарычева, пролив Сарычева, вулкан Сарычева, посёлок Сарычева, мыс Сарычева, сопка Сарычева. Мыс Биллингса, гора Биллингса, посёлок Биллингса. Эти названия на географической карте северо-востока Азии — благодарная память потомков о выдающихся русских мореплавателях и путешественниках И.И. Биллингсе и Г.А. Сарычеве.

Матвей Матвеевич ГЕДЕНШТРОМ

В начале XIX века продолжались открытия островов в Северном Ледовитом океане. Промышленнику из Усть-Янска Якову Санникову удалось открыть четыре острова Новосибирского архипелага: Столбовой (1800), Фаддеевский (1805), Новая Сибирь (1806) и Землю Бунге (1811).

Промышленник Николай Бельков в 1808 году обнаружил ещё один остров к западу от острова Котельного, названный впоследствии именем первооткрывателя.

Новые географические открытия якутских промышленников в Новосибирском архипелаге заинтересовали правительство. Летом 1808 года государственный канцлер Н.П. Румянцев запросил из канцеляции иркутского губернатора подробные сведения о Новосибирских островах и их природных богатствах.

Недостаток сведений о Новосибирских островах побудил губернатора организовать специальную экспедицию. Возглавил её находившийся в Тобольске чиновник Матвей Матвеевич Геденштром (1780-1845 гг.).

Согласно инструкции М.М. Геденштром должен был начать опись Новосибирского архипелага с острова Новая Сибирь. Ему было поручено нанести на карту «вернейшим образом», основываясь на астрономических наблюдениях. Кроме того, Геденштрому предлагалось «описывать все предметы, относящиеся до естественной истории и, в особенности, те, которые могут составить отрасль народной промышленности» (27, с. 34).

Геденштром и его помощник геодезист Пётр Пшеницын выехали из Иркутска летом 1808 года и в сентябре прибыли в Якутск. Здесь Геденштром собрал некоторые дополнительные сведения об островах и включил в состав экспедиции уездного землемера И.Е. Кожевина, десятника И. Безносова, унтер-офицера И. Решетникова, сведущего в ружейном и кузнечном деле, сотника Татаринова, плотника Ф. Обухова и промышленника И. Ширяева, знающего якутский и юкагирский языки.

5 февраля 1809 года экспедиция прибыла в свою основную базу — Усть-Янск. Здесь Геденштром встретился с зимовавшими на Новосибирских островах промышленниками, среди которых были Яков Санников и Николай Бельков. От них он получил много ценных сведений об островах, где предстояло работать экспедиции.

Экспедиции требовалось «знатное количество» транспортных средств и продовольствия. Геденштром обратился за содействием к местным властям. При активной помощи жителей Усть-Янска Геденштром собрал 120 собачьих упряжек, 48 лошадей, 63 оленя, 29700 штук рыб, 306 пудов говядины, 100 пудов масла. В состав экспедиции вошли устьянские жители Яков Санников с сыновьями Андреем и Романом,

Г. Горохов, Г. Гулимов, А. Мухоплев и другие, всего 20 человек. В Усть-Янске Геденштром обучил Санникова, Решетникова и Татаринова обращению с компасом и глазомерной съёмке местности, причём первый из них стал его ближайшим помощником по экспедиции.

Встретив в лице Якова Санникова и других опытных промышленников надёжных помощников, Геденштром решил расширить район работ экспедиции. Если первоначально он предполагал весной 1809 года сосредоточить все силы лишь на исследовании острова Новая Сибирь, то теперь нашёл возможным заняться описью и других островов Новосибирского архипелага.

Экспедиция выехала из Усть-Янска 8 марта 1809 года. Чтобы охватить исследованиями возможно больший район, Геденштром разделил участников экспедиции на три группы, поручив землемеру Кожевину описать и положить на карту остров Фаддеевский, а Санникову — обследовать пролив, отделяющий остров от Котельного. Сам Геденштром возглавил третью группу, чтобы выполнить наиболее трудную задачу, являвшуюся основной целью экспедиции — дать описание острова Новая Сибирь.

План весенних работ 1809 года экспедиция выполнила успешно. Группа Геденштрома обследовала остров Новая Сибирь и составила опись его южного берега. Кожевин заснял западный, южный и восточный берега острова Фаддеевского, обошёл вокруг острова Большой Ляховский и определил положение острова Малого Ляховского. Санников пересёк во многих местах пролив между островами Котельным и Фаддеевским.

Летом 1809 года Геденштром обследовал окрестности Усть-Янска и морской берег вплоть до реки Индигирки. В ходе этих работ выяснилось, что на генеральной карте 1792 года с большими ошибками изображался берег между Яной и Святым Носом.

В рапорте, посланном иркутскому губернатору 16 января 1810 года, Геденштром предпринял попытку обосновать необходимость сосредоточения основного внимания экспедиции не столько на Новой Сибири, сколько к востоку от неё. 2 марта на 22 собачьих нартах Геденштром и Санников вторично отправились на Новосибирские острова и с середины марта приступили к продолжению описи Новой Сибири. Продолжая опись южного берега, 16 марта Геденштром с высокого Каменного мыса увидел на северо-востоке «синеву, подобную отдалённой земле».

Эту же синеву заметил и Санников, выйдя на северный берег Новой Сибири.

Геденштром решил достичь «синевы». Однако после суток езды по торосистому льду он решил повернуть обратно, записав в дневнике: «Убедились в обмане, мнимая земля превратилась в гряду ледяных гор от 15 и более сажен высоты» (27, с. 9).

После непродолжительного отдыха Геденштром снова отправился на поиски «земли», выйдя с острова Новая Сибирь на восток, в направлении к реке Колыме. Пройдя по льду около 80 вёрст и встретив обширную полыню, 30 марта он вынужден был повернуть на юг, к берегам Сибири. Экспедиция достигла устья реки Колымы. В Нижнеколымске Геденштром достал 5 нарт и корму на 20 дней и 18 апреля выехал на северо-восток от Баранова Камня. В 250 верстах от материка он обнаружил на льдинах земляные глыбы. Одновременно Геденштром наблюдал полёт гусей на северо-запад. Эти наблюдения ещё больше утвердили его в догадке, что впереди должна быть земля. Вскоре Геденштром встретил разводье шириной 30 метров. Не имея возможности преодолеть препятствие, он возвратился на материк.

Своими поездками по льду на восток от Новой Сибири Геденштром раньше Врангеля и Анжу установил, что Северный Ледовитый океан не скован вечными льдами.

Остаток весны и лета 1810 года Геденштром и его спутники провели в низовьях Колымы. Только 18 сентября экспедиция вышла из Нижнеколымска к Индигирке, производя по пути опись берега. На Индигирке Геденштром встретился с Пшеницыным. Через тундру по санному пути путешественники возвратились в Усть-Янск. Геденштром поджидал Санникова с Бельковым, недавно вернувшихся с острова Котельного.

Находясь на северо-западном побережье острова Котельного, Санников увидел вдали на северо-западе, примерно в 70 верстах, «высокие каменные горы». Это известие привлекло внимание Геденштрома, и он намеревался подробно их обследовать. На основании этого рассказа Санникова Геденштром обозначил в верхнем левом углу своей итоговой карты берег неведомой суши, на которой написал «Земля, виденная Санниковым»¹.

¹ Эту «Землю Санникова» напрасно искали более ста лет, пока советские моряки и лётчики в 1937 — 1938 годах не доказали окончательно, что такой земли нет. Вероятно, Яков Санников видел «ледяной остров».

Осенью 1810 года Геденштром был отозван против своей воли иркутским губернатором в Иркутск. Но прежде чем покинуть Усть-Янск, он сделал все приготовления к дальнейшему исследованию новооткрытых земель, которые должны были осуществить Пшеницын и Санников.

В марте 1811 года экспедиция возобновила исследования. Пшеницын с сотником Татариновым объехали Новую Сибирь и положили на карту всю береговую линию протяжённостью 470 вёрст. Татаринов пытался проехать по морю на север от мыса Каменного, чтобы узнать, нет ли там «предполагаемой земли», но в 25 верстах от Новой Сибири встретил «открытое волнующееся море».

После того как была завершена опись Новой Сибири и составлена карта, Пшеницын отправился на остров Фаддеевский, исследованием которого занимался с 30 мая по 11 июня. Санников весной 1811 года с северного берега Новой Сибири видел «на севере землю с высокими горами». Геденштром писал, что проехал Санников «не более 25 вёрст, как был удержан полыньёю... Земля же ясно была видима, и он полагает, что она тогда в 20 вёрст от него отстояла» (101, с. 281).

Летом 1811 года Санников и его спутники обошли весь остров Котельный. В глубине острова Санников нашёл на возвышенных местах множество черепов и костей быков, лошадей, буйволов и овец, а на западном побережье острова не раз видел китовые кости, из чего Геденштром сделал вывод, что «от Котельного острова к северу простирается обширный Ледовитый океан, не покрывающийся льдами».

4 октября Санников отправился на остров Фаддеевский, где вели исследования Пшеницын и его спутники, и нашёл их в самом бедственном положении: все сильно голодали, некоторые болели цингой, в живых оставалось только несколько собак, но и те уже не годные для езды.

10 октября Пшеницын и Санников выехали с Фаддеевского острова и 13 октября прибыли на остров Котельный. Здесь, расположившись в зимовье, Пшеницын по собственным материалам и наблюдениям Санникова составил описание и карту Котельного и всего Новосибирского архипелага. 27 октября 1811 года они отправились на материк, и 12 ноября все участники экспедиции прибыли в Усть-Янск. 15 января 1812 года Санников и Решетников прибыли в Иркутск. Так закончилась экспедиция М.М. Геденштрома.

Благодаря трудам Геденштрома, Кожевина, Пшеницына, Санникова и их верных спутников из числа коренного населения Северной Якутии

впервые была создана общая географическая карта Новосибирских островов, ранее изображавшихся крайне схематично, и собраны сведения, характеризующие в общих чертах природу островов; выполнена опись материкового побережья между устьями Яны и Колымы.

В своих трудах Геденштром оставил немало интересных наблюдений о природе Сибири, об её разнообразных природных богатствах, о хозяйстве, быте и нравах населяющих её народов. Он дал описание ряда археологических и палеонтологических находок на островах, высказал правильные суждения о границе распространения лесов на Севере. Геденштром высказал некоторые свои представления о климате Восточной Сибири, отметив влияние на него Северного Ледовитого океана. Большую ценность имели его сведения о том, что Северный Ледовитый океан даже зимою не покрыт сплошным льдом. Тем самым Геденштром проложил путь к открытию Ф.П. Врангелем и П.Ф. Анжу Великой Северной полыньи (26, с. 54).

Геденштром дал довольно обстоятельное описание рельефа Северной Якутии. По-видимому, впервые в его работе встречается название Орулганского хребта. Он же впервые упоминает о том, что «Омекон в верховье Индигирки — холоднейшее место во всей Якутской области» (25, с. 118).

По окончании экспедиции М.М. Геденштром был назначен верхнеудинским исправником, но продолжал интересоваться географией и историей Сибири. В 1819 году он переехал в Петербург, где написал три книги (25-27). В 1831 году Геденштром вернулся в Томск, там и умер 20 сентября 1845 года. Перед смертью Геденштром подготовил два тома «Материалов для описания Сибири», но эти рукописи пока не обнаружены.

Многие географические объекты на карте Новосибирского архипелага носят имена участников экспедиции М.М. Геденштрома 1808-1812 годов — залив Геденштрома, хребет Геденштрома, бухта Пшеницына, река Санникова...

Пётр Фёдорович АНЖУ

П. Ф. Анжу

В начале XIX века, в 1814-1815 годах, якутский мещанин Н.С. Бельков и его передовщик якут Усть-Янского улуса Максим Ляхов обнаружили два небольших острова (Васильевский и Семёновский), лежащие к западу от острова Столбового. Впервые остров Васильевский был посещён Н.С. Бельковым 26 апреля 1822 года, а остров Семёновский — 27 апреля того же года.

Адмиралтейский департамент предполагал, что в этом районе должно быть ещё много неоткрытых островов. В ноябре 1819 года он принимает решение направить на север Якутии две гидрографические экспедиции. Одну экспедицию — Янскую — возглавил молодой лейтенант морского флота Пётр Фёдорович Анжу, другую — Колымскую — 24-летний лейтенант Фердинанд Петрович Врангель.

Янской гидрографической экспедиции, помимо описи материкового берега на запад и восток от устья Яны, департамент поручил уточнить карту Новосибирского архипелага и предпринять поиски земель, виденных якутским промышленником Яковом Санниковым к северо-западу от северной оконечности острова Котельного и к северо-востоку от острова Фаддеевского.

В состав Янской экспедиции входили штурманские помощники Илья Автономович Бережных и Пётр Иванович Ильин, натуралист врач Алексей Евдокимович Фигурин, матрос-плотник В. Игнашев и слесарь А. Воронков.

Пётр Фёдорович Анжу родился 15 декабря 1796 года в селе Вышний Волочёк (ныне город в Калининской области). В 1808 году он был принят в Морской корпус, в 1812 году произведён в гардемарины, а в 1820 году — в лейтенанты, служил на кораблях Балтийского флота.

25 марта 1820 года экспедиция П.Ф. Анжу отправилась из Петербурга на север Якутии, на побережье Северного Ледовитого океана. Путь был долгий, утомительный. Он проходил через всю Сибирь и Якутию. После 190-дневного путешествия все сотрудники экспедиции прибыли в Усть-Янск. Здесь им пришлось обстоятельно готовиться к предстоящим трудным арктическим походам.

Местные власти Якутии имели предписание сибирского губернатора М.М. Сперанского всячески содействовать путешественникам, и они действительно не имели недостатка ни в провизии, ни в транспортных средствах, ни в запасах корма для собак. В Жиганском и Зашиверском улусах к октябрю 1820 года, т.е. ко времени прибытия Анжу, было собрано от приморского населения и приготовлено в Усть-Янске 90 пудов сушёного оленьего мяса, 19 пудов копчёных оленьих языков, 36 нарт, 468 собак, 41300 сельдей для корма собак, около 100 оленей; был построен домик с башней для жилья и астрономических наблюдений, подобраны 36 каюров — «здоровых, расторопных и хорошего поведения». Проводниками Анжу и его спутников были назначены эвенки Иван Шумахов, Иван Соловьев, якуты Кирилл Корякин. Никита Портнягин и многие другие, всего 16 человек.

В первые же дни пребывания в Усть-Янске на долю Анжу выпадает немало неожиданностей. Так, в конце октября внезапно распространяется «поветрие собак». Они гибнут сотнями на огромном пространстве Севера. Лишь один район (дельта Лены) миновал этой участи, и туда, на остров Зимовьялах, Анжу и его спутники упрятали своих четвероногих друзей.

В конце февраля 1821 года экспедиция покинула Усть-Янск и двинулась на оленях вдоль побережья на запад, к устью Лены. 4 марта П.Ф. Анжу прибыл в губу Буор-Хая, поблизости от которой находились упрятанные собаки. Спустя неделю экспедиция направилась на север на 34 нартах, из которых каждая была запряжена 12 собаками.

Из устья Лены (с Быковского мыса) экспедиция взяла курс на северо-восток, к острову Столбовому. После описи этого острова и небольшого отдыха — снова в путь дальше на северо-восток по направлению к южному берегу острова Котельного. Здесь путешественники разделились на две партии. Одну из них возглавил штурман И.А. Бережных. Ему предстояло заниматься описными работами на островах Котельный и Фаддеевский. Второй партией руководил П.Ф. Анжу, взявший на себя часть работ по описи островов Котельный, Фаддеевский и Новая Сибирь, а также поиски земли, виденной, но не открытой его предшественниками.

Экспедиции П.Ф. Анжу было поручено отыскать в океане и положить на карту три таинственные земли, виденные Яковом Санниковым в

1810-1811 годах¹ при исследовании Новосибирских островов, но не достигнутые ни им самим, ни М.М. Геденштромом.

Анжу со спутниками успешно производил опись западного берега острова Котельный. 5 апреля 1821 года он достиг 75°36' с.ш., и прекратив описные работы, решил отправиться на поиски земли, виденной Яковом Санниковым одиннадцать лет назад.

Путь Анжу лежал на северо-запад по льду. Преодолев значительные трудности (морозы, сильные ветры, торосы, трещины, полыньи и пр.) 7 апреля, Анжу достиг 76°36' с.ш. Ехать дальше было рискованно из-за тонкого льда. Впереди виднелось облако тумана, по-видимому, державшееся над открытой водой. Через некоторое время туман рассеялся, и «...горизонт совершенно очистился, но предполагаемой земли не было видно» (78, с. 101).

В это время Пётр Фёдорович находился в 70 верстах к северо-западу от острова Котельного, как раз в том самом районе, где видел вторую загадочную землю Яков Санников. 8 апреля партия Анжу приступила к описи северного берега острова Котельного.

12 апреля путешественники переправились на собачьих упряжках на остров Фаддеевский, где состоялась встреча с партией И.А. Бережных. У помощника начальника экспедиции дела шли хорошо. Им успешно была проведена опись части берегов островов Фаддеевского и Котельного.

После короткого отдыха экспедиция отправилась по льду на север для поисков неизвестных островов. Пройдя 12 вёрст, путешественники встретили тонкий, недавно образовавшийся лёд. Оставив нарты, Анжу пошёл пешком, но, убедившись, что «лёд не переставал быть тонким», возвратился на базу экспедиции. Но эта неудача не смутила Анжу. Он решил отправиться на остров Новая Сибирь и оттуда предпринять поиски третьей Земли Санникова. Пройдя по льду через Благовещенский пролив, Анжу и его спутники вышли к мысу Высокому. Но и здесь их ждала неудача: неподвижный припайный лёд держался лишь на небольшом расстоянии, дальше виднелось открытое море с плавающими ледяными полями. Предпринимать поездки для поисков земли не имело значения.

¹ Яков Санников «видел» контуры трёх земель: первой — к северо-востоку от мыса Каменного на Новой Сибири, второй — к северо-западу от острова Котельного, третьей — к северу от западной оконечности Новой Сибири.

Чтобы не тратить времени зря, Анжу приступил к описи берегов Новой Сибири. Достигнув мыса Рябого на северо-восточной оконечности острова и видя, что море в этом районе покрыто сплошным льдом, отважный путешественник попытался отыскать первую Землю Санникова. Пройдя к северо-востоку от острова около 25 вёрст, Анжу встретил открытую воду и повернул обратно. «Близость талого моря, — писал он, — усталость собак, малое количество оставшегося у нас корма, позднее время для езды на собаках и препятствие от впереди стоящих густых торосов — всё сие заставило пуститься с сего места через Новую Сибирь в Усть-Янск» (78).

Производя по пути опись части берегов Новой Сибири, Пётр Фёдорович Анжу направился по льду к берегам Якутии. «Во время сего пути, — отмечал он, — часть собак была в такой усталости, что принуждены были их возить на нартах». (Там же).

8 мая 1821 года экспедиция вернулась в Усть-Янск. После непродолжительного отдыха Анжу начал готовиться к описи побережья Северного Ледовитого океана между реками Яной и Индигиркой. По опросным сведениям он убедился, что берега в этой части океана отмелы, и было решено выполнить описные работы по сухопутью.

29 июня экспедиция тронулась в путь. Всё имущество её, включая приборы, было навьючено на лошадях. Провизии захватили очень немного, рассчитывая охотой на гусей, уток и диких оленей пополнять скудные запасы. Экспедицию сопровождали два якута, казачий урядник и крестьянский староста.

Почти два месяца Анжу, Бережных и их верные спутники путешествовали по тундре. Им удалось нанести на карту многочисленные объекты (губы, заливы, острова, речки и пр.).

22 августа 1821 года экспедиция довела опись берегов до селения Русское Устье на Индигирке. Таким образом, это задание Адмиралтейского департамента Анжу было выполнено успешно. В своём донесении о весенних работах 1821 года Анжу сообщал Адмиралтейскому департаменту, что не обнаружил Земель Санникова, но не отрицал их возможного существования. Ещё весной в Усть-Янске Анжу встретился с Санниковым, который «словесно изъяснил, что виденные им земли видны бывают только летом и в расстоянии 90 вёрст, а зимой и осенью не видать» (69, с.94). Сам же Анжу писал департаменту: «Может быть, что песок, от-

деляющий Котельный остров от Фаддеевского, простёрся далеко к северу,, и потом, заворотясь к западу, оставил отмель, отчего море так далеко и замёрзло; или, может быть, что тут и находится земля, которая по низкости своей нам не была видна» (78, с. 103-104).

Адмиралтейский департамент принял решение ограничить последующие задачи Янской экспедиции дальнейшей описью известных островов Новосибирского архипелага. Поиски земель Санникова было приказано не производить, поскольку, по мнению морского министра Траверсе, Санников «видел не землю, а туман, похожий на землю».

Однако другого мнения был губернатор Сибири М.М. Сперанский. Он считал первейшей задачей Янской экспедиции 1822 года поиски земель в Северном Ледовитом океане. Сперанский писал Анжу: «Несмотря на предположение, что виденная мещанином Санниковым с северной стороны Котельного острова масса не есть земля, а густой туман, весьма желательно разрешить сей предмет с точностью: в том токмо и могут состоять новые открытия в обозреваемой вами части Ледовитого моря, а потому и надлежит не оставлять сего предприятия без крайних и непреодолимых препятствий.

Сколько можно судить о сём предмете из Ваших донесений, не теряется ещё надежда на успех, потому что вы положительно не отрицаете существования сих земель; мещанин же Санников и ныне о том утверждает, объясняя, что земли сии невидимы в то время года, когда предпринимали вы свои поиски, и что расстояние оных должно быть около 90 вёрст, между тем как по тонкости льда вы не могли проникнуть далее 65 с одной стороны, а с другой 15 вёрст; наконец вы уже имеете запас продовольствия на северной стороне Котельного острова.

Я не могу определить, каким образом возможно будет достигнуть сей цели, то есть следованьем ли на собаках весною по льду или оставшись на лето на Котельном острове, пуститься туда в удобное время на байдаре...» (78, с. 104-105).

П.Ф. Анжу, имея поддержку со стороны Сперанского, решил продолжить поиски новых земель в 1822 году. Осень и зиму он употребил на подготовку к предстоящим поисковым работам. Сотрудники экспедиции хорошо перенесли полярную ночь и вторую зимовку в Арктике. Все были здоровы и жизнерадостны. С наступлением светлого времени Анжу поручил штурманскому помощнику П.И. Ильину произвести опись побережья Северного Ледовитого океана между реками Яной и

Оленьком. Основная часть экспедиции под руководством Анжу отправилась на Новосибирские острова и дальше к северу от них на поиски земель Санникова.

28 февраля 1822 года Анжу, Бережных и Фигурин покинули Усть-Янск и направились к Новосибирским островам. В их распоряжении было 156 собак, запряжённых в 12 нарт.

19 марта неутомимые путешественники приступили к описи берегов и исследованию природы Большого и Малого Ляховских островов. Они тщательно наносили на карту бухты, заливы, прибрежные острова, мысы и реки, вели разнообразные географические наблюдения и астрономические определения, посещали зимовья промышленников, которые ежегодно охотились на этих островах на песца и собирали мамонтовую кость.

После окончания описи Малого Ляховского острова Анжу отправил штурмана Илью Бережных и трёх проводников-якутов обратно на материк, поручив ему произвести опись дельты Лены. Сам же Анжу в сопровождении матросов и якутов отправился к острову Фаддеевскому. По пути он пересёк низменную песчаную равнину. Это была центральная часть нынешней Земли Бунге, которую Анжу очень близко к действительности нанёс на карту.

22 марта путешественники достигли северо-западную оконечность острова Фаддеевского и заметили к северо-западу от него «синеву, совершенно подобную виденной отдалённой земле; туда же был виден и олений след». На следующий день Анжу и его спутники двинулись на северо-запад, придерживаясь оленьих следов. Но, пройдя 15 вёрст, они вынуждены были остановиться из-за полыньи. Исчезли оленьи следы и на месте таинственной синевы Анжу «ясно различил в подзорную трубу гигантское нагромождение льдов» (78, с. 106).

На обратном пути путешественники открыли небольшой остров, длиной около четырёх вёрст. После короткого отдыха они приступили к описи острова, которому было присвоено имя врача экспедиции, пытливого исследователя-натуралиста Алексея Евдокимовича Фигурина.

Анжу пред|принял несколько «покушений к отысканию Земли Санникова» к северу от острова Котельного, но всякий раз встречал открытое море. В конце марта-начале апреля экспедиция занималась обследованием западного и южного берегов острова Фаддеевского и северного берега острова Новая Сибирь.

9 марта Анжу со своими спутниками совершил ещё одну поездку по льду для поисков земли, которую Яков Санников и Матвей Геденштром видели на северо-востоке от острова Новая Сибирь. Проехав 60 вёрст, они были остановлены тонким льдом. Чтобы не поставить экспедицию в трудное положение, Анжу решил прекратить поиски земель и повернуть на юг. 27 апреля путешественники вступили на материк, к устью реки Крестовой, а оттуда направились в Походск, где намечалась встреча с участниками Колымской экспедиции Ф.П. Врангеля.

Через семь дней состоялась долгожданная встреча Анжу с Врангелем, который писал об этом в своём дневнике: «Мая 4-го приезжали мы в Походск, где нас встретил друг и сослуживец лейтенант Анжу. Он прибыл сюда со своей экспедицией с Новой Сибири, чтобы через Нижнеколымск возвратиться на Яну берегом. Неожиданное свидание в отдалённых ледяных пустынях доставило нам великую радость. Она была, однако ж помрачена видом бедствий и недостатков, нас окружавших. Шесть тунгусских семейств, умирая с голода, оставили свои степи и, напрягая последние силы, пришли в Походск, в надежде найти здесь какую-нибудь помощь... Мы разделили весь остаток нашей провизии между несчастными и утешались мыслью, что спасли хоть немногих от голодной смерти» (23, с. 255).

Вместе с Врангелем Анжу выехал в Нижнеколымск, где прожил до установления летнего пути. 22 июня 1822 года экспедиция выехала на лошадях из Нижнеколымска в Усть-Янск. Вскоре туда прибыли Илья Бережных и Пётр Ильин, производившие опись побережья Северного Ледовитого океана от Яны до реки Оленёк и обследовавшие бухту Тикси и устье Лены. Осенью они же продолжили опись Лены до селения Жиганск и нанесли на карту устье Индигирки.

П.Ф. Анжу приступил к подготовке нового путешествия в Северный Ледовитый океан. Ещё будучи в Нижнеколымске он отправил донесение генерал-губернатору М.М. Сперанскому о результатах своих работ в 1822 году. Одновременно Анжу писал: «Попытки экспедиции в отыскании земель, виденных Санниковым, показали, согласно сего и прошлого года, равно, как и проезды геодезиста Пшеницына в 1812 году, что в той стороне и в недалёком расстоянии от берега островов Котельного, Фаддеевского и Новой Сибири находится море, по коему несётся лёд течением воды от прилива и отлива, почему нельзя ожидать успеха от новых попыток, по льду на нартах. Следовательно, остаётся одно средство —

пустить в летнее время на шлюпке через море, от северного берега Котельного или Фаддеевского острова» (28, с. 15). Этот смелый проект Анжу не получил одобрения Сперанского. В своём письме морскому министру Траверсе генерал-губернатор считал проект Анжу рискованным и убеждал ограничить задачи Янской экспедиции на 1823 год описью острова Бельковского и осмотром прилегающего к нему района моря, а поисков новых земель к северу от острова Котельного и Новой Сибири больше не производить. Предложение Сперанского было поддержано Адмиралтейств-коллегией, и Анжу получил строгое предписание про- извести ещё раз по льду осмотр моря к западу от острова Бельковского.

10 февраля 1823 года Анжу и Фигурин на четырёх нартах выехали из Усть-Янска к Быковскому мысу в устье Лены, где местными жителями был заготовлен корм для собак экспедиции. Захватив с собой около 1750 вяленых и сырых муксунов и 10 пудов дров, экспедиция направилась по морскому льду на север. Примерно в 140 верстах от берега Анжу встретил очень тонкий лёд, и повернул на восток. Со 2 по 4 марта он занимался описью островов Васильевского и Семёновского. 5 марта Анжу направился к северу по льду, но признаков новой земли не обнаружил. 14 марта он приступил к исследованию острова Бельковского. 23 марта экспедиция возвратилась в Усть-Янск.

Работы Янской экспедиции были закончены как только установился зимний путь и участники экспедиции выехали на лошадях в Якутск. В январе 1824 года Анжу и его верные помощники благополучно прибыли в Якутск. Вскоре туда прибыла экспедиция Врангеля. Около месяца участники Янской и Колымской экспедиций прожили в Якутске, основательно отдохнув перед дальней дорогой. 15 августа 1824 года Анжу и Врангель прибыли в Петербург.

Задача, поставленная перед Янской экспедицией, была чрезвычайно трудна. Этого не скрывали ни в Морском министерстве, ни в Адмиралтейском департаменте. Однако руководитель экспедиции П.Ф. Анжу был полон светлой веры в то, что он со своими верными спутниками выдержит арктические испытания и маленький отряд русских моряков совершит дела, которыми будет гордиться родной русский флот. Участники Янской экспедиции прошли с описью свыше 15 тысяч километров на собаках, оленях и лошадях, показав, что опись берегов можно вести с моря и со льда в зимнее время.

«Благодаря неустанным трудам Петра Фёдоровича Анжу, Ильи Автономовича Бережных, Петра Ивановича Ильина, слесаря Воронкова, матроса Игнатьева и нескольких якутов и эвенков на карту России было достоверно положено северное побережье Азии от реки Оленёк до реки Индигирки, обследована река Лена на значительном протяжении, произведена опиравшаяся на многочисленные астрономические пункты опись Семёновского, Васильевского, Бельковского, Котельного, Фаддеевского, Большого и Малого Ляховских островов, а также острова Новая Сибирь и Земля Бунге. Моряки обследовали десятки заливов, бухт, мысов, устьев рек, мелких островов, исправили многие неточности прежних карт и предприняли изумительные по своей смелости и трудности санные поездки по льду для поисков новых земель к северу от Новосибирских островов. Во время этих поездок Анжу впервые выяснил границу наибольшего распространения неподвижных припайных льдов и установил, что за нею находится открытая вода», — так подытоживает деятельность Янской экспедиции В.М. Пасецкий (78, с. 113-114).

Анжу и его спутники вели не только гидрографические и астрономические, но и производили океанографические, метеорологические, геолого-географические и этнографические наблюдения, материалы и результаты которых до сих пор сохраняют большую научную ценность.

Имена участников Янской экспедиции 1820-1824 годов, проявивших в суровых условиях Арктики мужество и терпение, немало подвигов и беззаветного труда, заслуженно увековечены на карте Новосибирского архипелага: острова Анжу, мыс Анжу, мыс Бережных, мыс Ильина, остров Фигурина.

Какова же дальнейшая судьба П.Ф. Анжу?

В 1825-1826 годах Анжу активно участвовал в описи северо-восточного берега Каспийского моря и западного берега Аральского моря. В 1827 году Анжу, служа на корабле «Гангут», отличился в знаменитом Наваринском сражении с турками.

Свободное от морских походов и служебных дел время П.Ф. Анжу посвящал составлению записок о своих славных и незабываемых путешествиях и плаваниях. В 1829 году, когда многолетняя работа над дневником и записями подходила к завершению, в доме Анжу возник большой пожар. Пётр Фёдорович едва успел выскочить с семьёй на улицу.

Военно-морской историк А.П. Соколов на основе отчётов и журналов Янской экспедиции, сохранившихся в Гидрографическом управлении,

составил описание экспедиции, которое было опубликовано только в 1849 году (111).

В 1844 году П.Ф. Анжу был произведён в чин адмирала и назначен командиром Кронштадтского порта. Сорок лет жизни Анжу отдал службе в Балтийском флоте и Морском ведомстве. Выдающийся исследователь и моряк умер на 74-м году жизни 12 октября 1869 года в Петербурге.

Фердинанд Петрович ВРАНГЕЛЬ, Федор Фёдорович МАТЮШКИН

Ф. П. Врангель

Ф. Ф. Матюшкин

В начале XIX века всё чаще стали распространяться слухи о «матёрой земле», которая якобы лежит к северу от Чукотки. В ноябре 1819 года морской министр И. И. Траверсе потребовал от Адмиралтейств-коллегии организовать экспедицию для поисков и описи этой «земли» к северу и востоку от Медвежьих островов. Решено было отправить туда новую экспедицию. Начальником этой «чрезвычайно ответственной и серьёзной Колымской экспедиции» назначался 24-летний моряк Ф.П. Врангель. В состав Колымской экспедиции входили мичман Фёдор Фёдорович Матюшкин, штурман Прокопий Тарасович Козьмин, доктор медицины Август Фёдорович Кибер, слесарь С. Иванников и матрос М. Нехорошков.

Фердинанд Петрович Врангель родился 9 января 1797 года в Пскове. Рано осиротевший, он был взят на воспитание родственниками, которые, следуя склонностям мальчика, отдали его в Морской корпус. В 1817 году Врангель отправился в кругосветное плавание на шлюпке «Камчатка» под командованием В.М. Головнина. Спустя два года он возвратился в Кронштадт опытным моряком. Через несколько месяцев Головнин предложил своему ученику возглавить Колымскую экспедицию. Ближайшим помощником Врангеля стал Ф.Ф. Матюшкин.

Фёдор Фёдорович Матюшкин родился 10 июля 1799 года в Штутгарте. В 1817 году он окончил Царскосельский лицей, где был ближайшим товарищем А.С. Пушкина. В 1817-1819 годах, поступив добровольно на флот, Матюшкин с Врангелем участвовал в кругосветном плавании В.М. Головнина.

В предписании, полученном Ф.П. Врангелем от Адмиралтейств-коллегии, указывалась основная задача Колымской экспедиции: «...отправляемая экспедиция назначается для описи берегов от устья реки Колымы к востоку до Шелагского мыса, и от одного на север, к открытию обитаемой земли, находящейся по сказанию чукчей в недалёком расстоянии» (4, с. 174). Экспедиция была снабжена самыми совершенными для того времени приборами и инструментами для астрономических, магнитных, гидрометеорологических наблюдений и геодезическо-географических работ. Основной базой экспедиции был избран Нижнеколымск.

25 марта 1820 года экспедиция покинула Петербург. В начале ноября того же года она прибыла в Нижнеколымск. На дорогу через Иркутск, Якутск и Верхоянск экспедиции потребовалось восемь с половиной месяцев.

Вся зима до февраля ушла на подготовительные работы к походам. С 19 февраля по 15 марта 1821 года Врангель и Козьмин выполнили съёмку берега от устья Колымы до мыса Шелагского. 26 марта, после десятидневного отдыха в Нижнеколымске, Врангель, Матюшкин и их спутники отправились на нартах во второе путешествие по льду.

29 марта экспедиция достигла небольшого острова, где имелись «четыре величайшие каменные столбы». Врангель назвал его Четырёхстолбовым. 1 апреля путешественники снова двинулись в путь на север, но вскоре встретили открытую воду — полынью. После безуспешных попыток найти благоприятный путь Врангель решил возвратиться. Во время обратного похода была выполнена опись Медвежьих островов. 28 апреля экспедиция вернулась в Нижнеколымск, пройдя более 1200 километров среди нагромождений льдов, трещин, разводьев и полыней.

Летом 1821 года Врангель занимался астрономическими и географическими наблюдениями в устье реки Колымы, а остальные участники экспедиции исследовали бассейн Большого Анюя, произвели съёмку берега от устья реки Малой Чукочьей до реки Индигирки.

С 10 марта по 5 мая 1822 года состоялось третье путешествие Врангеля по льду на север и снова для открытия «матёрой земли». Путешественникам удалось пройти около 300 километров. «Трудность этого путешествия, — записал Врангель в своём дневнике 24 марта 1822 года, — превосходила все доселе нами испытанные. С помощью пешней пробивались мы через гряду плотных торосов неимоверной вышины. Лёд их был чрезвычайно твёрд. Местами он был смешан с голубоватой глиной и крупным песком. Почти на каждом шагу ломались нарты и рвалась упряжь. Несмотря на все предосторожности, сани скользили с гладких хребтов торосов и падали в промежутки, подобные оврагам. Вытаскивать оттуда нарты, держась на узкой скользкой полосе льдины, стоило несказанных трудов» (23, с. 246).

Летом этого же года Врангель, Матюшкин и Козьмин отправились в третье путешествие. Они обследовали морской берег между Колымой и Чауном, совершили поход на лошадях и оленях по Чукотке. В Нижнеколымск Врангель вернулся в августе, а Матюшкин — в сентябре. Путешественники произвели описание чукотских поселений.

Весной 1823 года Врангель в четвёртый раз предпринял поиски неизвестной земли, попутно ведя опись берега к востоку от Шелагского мыса. 16 апреля он достиг Колючинской губы. По пути, расспрашивая чукчей, Врангель услышал много рассказов, подтверждавших, что действительно в ясную погоду к северу от мыса Якан виден гористый остров. Обобщив все собранные сведения об этом острове, Врангель нанёс на карту, составленную тремя участниками экспедиции, его предполагаемое местоположение со следующей надписью: «Горы видятся с мыса Якан в летнее время» (6, с. 507).

Впоследствии (в 1867 году) остров был открыт на этом месте американским китобойным судном под командой Томаса Лонга и получил название острова Врангеля. «Я назвал эту землю именем Врангеля, — писал Лонг, — чтобы принести должную дань уважения человеку, который ещё 45 лет тому назад доказал, что полярное море открыто» (53, с. 567). И, конечно, ещё потому, что именно Врангель нанёс его на карту.

10 мая 1823 года экспедиция возвратилась в Нижнеколымск, а в августе 1824 года — в Петербург.

Колымская экспедиция Врангеля — Матюшкина внесла существенный вклад в исследование географии северо-востока Азии. Она впервые точно положила на карту берег Северного Ледовитого океана от устья

реки Индигирки до Колючипской губы. С исключительной достоверностью были описаны Медвежьи острова.

Итоги Колымской экспедиции 1820-1824 годов были обобщены в книге Ф.П. Врангеля «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю», изданной в 1841 году. Этот труд Врангеля дал науке ценные материалы для последующего решения многих географических проблем, в том числе вопросов распространения и особенностей проявления многолетней (вечной) мерзлоты, условий захоронения остатков вымерших животных мамонтовой эпохи, особенностей климата и растительности тундры и лесотундры, определения линии северной границы леса, ледового режима морей в разное время года и т. п. Всё это было сделано Врангелем и Матюшкиным попутно с основными работами по составлению топографических карт побережья и ряда островов.

Географы, этнографы и историки и сейчас читают с большим интересом книгу Ф.П. Врангеля. Это несомненный вклад в науку первой половины XIX века.

В книге Ф.П. Врангеля немало интересных наблюдений об особенностях природных условий Якутии. Так, Врангелем впервые охарактеризованы наледи, наблюдавшиеся им по дороге из Верхоянска в Нижнеколымск, и указано на связь их с подземными водами.

Врангелем и его спутниками наблюдались многочисленные обнажения подземного льда, иногда с костями мамонта и остатками деревьев, свидетельствующими о существовании многолетнемерзлой почвы, долгое время оспаривавшейся рядом учёных Западной Европы.

В результате работ Колымской экспедиции гораздо лучше стал известен рельеф Северо-Востока Сибири. Ф.Ф. Матюшкин впервые изобразил на схеме его общую картину. «За верность её схемы не отвечаю, — писал он. — ...Горы не везде на ней проведены так, как на других картах, делая их, я руководствовался слухами и собственными наблюдениями» (17, с. 370).

Основной горной системой Северо-Востока, согласно Ф.Ф. Матюшкину, является Верхоянский хребет. Между Яной и Индигиркой, в северо-западном направлении, тянутся два параллельных хребта (Тас-Хаяхтах и Момский. — С.М.). Они несколько ниже, чем Верхоянский. В Зашиверске Матюшкин слышал от местного священника, что в одном из этих хребтов находится «огнедышащая гора». На схеме Матюшкина

между Индигиркой и Яной с запада на восток тянутся два параллельных хребта, которые обрываются у Индигирки к югу и северу от Зашиверска.

Врангель и Матюшкин пришли к выводу о том, что Верхоянский хребет является северо-восточным пределом сосны и ели. Матюшкин кроме того, описал изменение растительности на пути от Якутска до Нижнеколымска. Согласно Врангелю, граница леса идёт от 71°15' у Лены к юго-востоку, проходит через Усть-Янск, пересекает Индигирку под 70°, Колыму — под 69°20'.

В поисках «матёрой земли» Колымская экспедиция исследовала «огромную площадь юго-восточной части Восточно-Сибирского моря. Ею была установлена граница распространения припая и сделан чрезвычайно важный вывод о том, что море к северу от берегов Восточной Сибири не только не сковано вечным льдом, но даже в конце зимы при жестоких морозах остаётся открытым и по нему ветры и течения носят льды» (77, с. 90).

«Выдающимся вкладом, — пишет В.М. Пасецкий, — в изучение климата северо-востока России явилась организация Врангелем и Матюшкиным систематических метеорологических наблюдений в Нижнеколымске (с декабря 1820 г. по март 1823 г.), которые были использованы в трудах Веселовского, Вильда и Берга. Они сохраняют исключительное научное значение до настоящего времени. Ни один автор современных крупных работ по Северной Сибири не может не отдать дани уважения и восхищения широте, новизне и достоверности наблюдений Колымской экспедиции». (Там же, с. 92).

Интересно замечание Врангеля о временах года на Колыме. Он пишет, что здесь существуют только лето и зима, вопреки утверждениям местных жителей, которые считают весной то время года, когда солнечные лучи начинают замечаться над горизонтом, что случается обычно в середине марта, но и тогда часто по ночам морозы бывают до 30°; осень считается с того времени, когда замёрзнут реки, именно с первых чисел сентября и до ноября, хотя в это время нередко бывает до 35° мороза.

Ф.П. Врангель и Ф.Ф. Матюшкин внесли громадный вклад в изучение истории и этнографии северо-востока Азии (35, с. 129-136).

Колымской экспедиции удалось выполнить столь сложную задачу благодаря исключительному упорству и самоотверженной работе каждого участника экспедиции, большим организаторским способностям

Врангеля и Матюшкина, бескорыстной помощи представителей местного населения. Их опыт и знания широко использовались и во многом способствовали успешной работе экспедиции (60, с. 89-95).

Перенесённые во время Колымской экспедиции трудности сплотили её участников. Ф.П. Врангель, Ф.Ф. Матюшкин, П.Т. Козьмин и А.Ф. Кибер в 1825-1827 годах вместе совершили кругосветное плавание на шлюпе «Кроткий».

Заслуги Ф.П. Врангеля перед Родиной далеко не исчерпываются его деятельностью на морском поприще, его двумя кругосветными плаваниями, его знаменитой Колымской экспедицией. Врангель был также и учёным, и выдающимся государственным и общественным деятелем. В 1829-1835 годах он был главным правителем русских поселений в Америке, в 1840-1849 годах — директором Российско-американской компании.

В начале 1829 года Врангель во время следования в Америку, посетил Якутск и встретился с Фёдором Шергиным. С июля 1828 года несколько рабочих, нанятых Шергиным, начали рыть колодец (шахту) в мёрзлой породе. Встретившись с Шергиным и признав его опыт весьма важным для науки, Врангель посоветовал продолжать проходку колодца, а связанные с ней расходы обещал взять на бюджет компании, которая, действительно, и финансировала их до 1835 года. Вернувшись в Петербург в 1836 году, Врангель сообщил о шахте Шергина и его наблюдениях геологу Г.П. Гельмерсену, по просьбе которого Шергин доложил о результатах своих наблюдений Академии наук.

Выдающийся мореплаватель и исследователь, адмирал, почётный член Российской и Французской академий наук, один из учредителей Русского географического общества Ф.П. Врангель прожил почти семьдесят три года. Он умер 6 июня 1870 года в городе Тарту.

Фёдор Фёдорович Матюшкин долго служил на Черноморском и Балтийском флотах, командовал различными военными кораблями. С 1867 года — адмирал. Умер 16 сентября 1872 года в возрасте 73 лет в Петербурге.

Всю многогранную деятельность Ф.П. Врангеля и Ф.Ф. Матюшкина одухотворяла глубокая вера в могущество России, для которой они сделали так много.

Александр Фёдорович МИДДЕНДОРФ

А. Ф. Миддендорф

10 октября 1841 года в Петербурге состоялась конференция Академии наук, обсудившая вопрос об организации научных исследований в Сибири. Конференция отметила важный для науки факт — открытие «вечной мерзлоты» в шахте, вырытой Ф.Е. Шергиным в Якутске на глубину 116 метров (60, с. 153). В шахте была измерена температура мёрзлой почвы на различных глубинах. Однако многие иностранные учёные высказывали недоверие к наблюдениям Шергина, что они «не производились с довольною осмотрительностью, чтобы на них можно было основать заключения о физике земного шара, потому что он не принимал мер для устранения в своём обширном колодезе влияния наружного воздуха» (77, с. 193).

В 1840 году Англия направила своих наблюдателей над вечной мерзлотой в Северную Америку. Русские учёные не хотели уступать ведущее место в изучении вечной мерзлоты и ставили на конференции вопрос о снаряжении экспедиции не только в Якутию, но и на Таймыр. «Если дальнейшее исследование о температуре почвы в Якутском колодезе, — говорилось в представлении конференции, — не будет ныне же принято академиею, то без всякого сомнения иностранцы примутся за это дело и на академию падёт упрёк равнодушия и неисполнения одной из главных обязанностей». (Там же).

Конференция Академии наук создала специальную комиссию по исследованию вечной мерзлоты во главе со знаменитым биологом и географом, академиком К.М. Бэр. Он собрал сведения русских промышленников и учёных о вечной мерзлоте и обобщил их в своей работе «Материалы к познанию нетающего почвенного льда в Сибири», изданной в 1842 году. По рекомендации Бэра Петербургская Академия наук в 1842 году организовала Сибирскую экспедицию, руководителем которой был назначен А.Ф. Миддендорф.

Александр Фёдорович родился 6 августа 1815 года в Прибалтике, в местечке Эльву. В 1832 году, после окончания Петербургской гимназии, Миддендорф поступил на медицинский факультет Дерптского университета. В 1837 году он защитил диссертацию, стал доктором медицины

и, чтобы углубить свои научные знания, направился в Германию и Австрию, где работал у крупнейших естествоиспытателей Европы того времени. По возвращении в Россию Миддендорф в 1839 году стал профессором зоологии Киевского университета. Летом 1840 года он участвовал в Новоземельской экспедиции академика К.М. Бэра. В 1842 году 27-летний Миддендорф возглавил Сибирскую экспедицию.

Сибирская экспедиция Академии наук должна была решить две задачи: во-первых, выяснить распределение живых организмов на Севере Сибири и, во-вторых, изучить феноменальное явление природы — вечную мерзлоту и распространение её на территории Сибири. Для выполнения этих задач Миддендорф должен был вначале заняться изучением Таймырского полуострова в зоологическом, геолого-географическом и картографическом отношениях, затем перебраться в Якутию и там заняться изучением вечной мерзлоты. «Другим назначением моего путешествия, — пишет Миддендорф, — являлось производство точных наблюдений над температурой земли в Шергинской шахте, в Якутске» (58, с. 22). Заключительным этапом путешествия Миддендорфа должен был стать малоизвестный Охотско-Приамурский край.

В состав Сибирской экспедиции вошли 22-летний топограф В.В. Ваганов (присоединился в Омске), лесничий Ф. Брандт, препаратор М. Фурман. Василию Васильевичу Ваганову экспедиция была обязана «богатыми географическими приобретениями» в виде карт.

14 ноября 1842 года экспедиция выехала из Петербурга по маршруту Москва — Красноярск — Туруханск — озеро Таймыр — Красноярск — Иркутск — Якутск — Удский острог — Шантарские острова — Амур — Иркутск — Петербург.

После успешного путешествия на Таймыр, продолжавшегося почти год, экспедиция направилась в Якутск, куда прибыла 18 февраля 1844 года. Здесь Миддендорф с присущей ему энергией, настойчивостью, «совершенно по совести» (по собственному выражению Миддендорфа. — С.М.) взялся за организацию геотермических наблюдений в Шергинской шахте. В течение почти семи недель (с 6 января по 20 февраля) Миддендорф вёл эти наблюдения, которые оказались весьма трудоёмкими. Термометры были заложены в скважинах, сделанных перпендикулярно к одной из стенок шахты. Самый нижний термометр был установлен на глубине 116 метров. Наблюдателя в бадье спускали в шахту, и он с фонарём производил отсчёты по термометрам.

А.Ф. Миддендорф не ограничивался геотермическими наблюдениями в Якутске и в шахте Шергина. Используя бур и шурф, он вёл наблюдения за оттаиванием почвы в окрестностях города — в Мархе, Магане, Табаге и других местах.

В Якутске Миддендорф познакомился с якутским купцом Александром Николаевичем Неверовым, который по собственному почину в течение трёх десятков лет (1825-1854 гг.) производил ежедневно трёхразовые наблюдения за температурой воздуха в Якутске. 21 января 1838 года, в 7 часов утра, Неверовым была отмечена температура - 59,1°C. Учёный внимательно ознакомился с «самодельной метеостанцией» Неверова, порекомендовал ему и впредь продолжать наблюдения, оказывать большую услугу науке и дал ряд ценных указаний о том, как и в какие сроки следует вести метеорологические наблюдения.

Миддендорф с признательностью отмечал заслуги исследователя-самоучки перед метеорологической наукой. Он писал: «Простой якутский купец или даже, судя по нынешним состояниям людей, торгаш, человек без всякого предварительного образования, воздвиг себе вечный памятник в истории науки, сам того не подозревая.

Достопочтенному гражданину Якутска мы обязаны касательно этой замечательной местности рядом ценных метеорологических наблюдений в течение почти тридцати лет, и они не перестанут служить твёрдой точкой для всех сравнений даже в далёкой будущности, когда станут пользоваться и точнейшими наблюдениями. Честь благородному простолюдину за то, что он исполнял дело, им самим на себя возложенное, ради самого дела, и выполнял так совестливо потому, что не гнался за вещественными выгодами» (58, с. 318-319).

Миддендорф считал, что имей Неверов образование, его многие почли бы гениальным учёным, а русское правительство отказало в просьбе о награде Неверова за его большой вклад в науку (71, с. 45).

До последнего дня своей жизни, до конца апреля 1854 года, Неверов (всего лишь месяц он прожил после отъезда Миддендорфа из Якутска. — С.М.) производил метеорологические наблюдения и делал аккуратные записи в журнале¹.

¹ Вызванный смертью Неверова перерыв в метеорологических наблюдениях в Якутске продолжался недолго. По просьбе Р.К. Маака, возглавлявшего Вилюйскую экспедицию, с мая 1854 года продолжил наблюдения ветеринарный врач А. Гольман.

В Якутске Миддендорф встретился ещё с другим интересным человеком — учителем естествознания, инспектором местного училища Д.П. Давыдовым, который параллельно с Неверовым производил метеорологические наблюдения. Миддендорф привлёк его к геотермическим наблюдениям в Шергинской шахте. За короткий срок Миддендорф обучил Давыдова основным приёмам и методам работы и, убедившись в его надёжности и образованности, оставил ему приборы и оборудование. Давыдов вёл геотермические наблюдения в шахте с 1 апреля 1844 года по 22 июня 1846 года, пока не заболел¹. Пребывание в Якутске Миддендорф использовал также для работы в городском архиве, для историко-этнографических наблюдений, для записи фольклора и языка якутов. Здесь же он расспрашивал бывалых людей о тропах, идущих на восток, к Охотскому морю, подбирал участников экспедиции, знатоков края. Он привлёк к участию в экспедиции двух казаков (Решетникова и Долгого) и двух якутов — опытных проводников.

6 апреля экспедиция Миддендорфа отправилась вьючным путём из Якутска далее на восток. 9 апреля около Амгинской слободы Миддендорф провёл геотермические наблюдения и нашёл на глубине 18 метров температуру $-2,2^{\circ}$. 11 апреля она выехала из Амги. 27 апреля путешественники перешли через Алдан по льду. За Алданом экспедиция вступила в «страну пушных зверей». Нелёгкой была дорога по Учтуру. В первых числах мая отважные путешественники перевалили через хребет Джугджур и 9 июня прибыли в Удский острог. С июля по декабрь экспедиция исследовала Охотское побережье, Шантарские острова и Приамурье. 5 марта 1845 года экспедиция благополучно возвратилась в Петербург.

Сибирское путешествие А.Ф. Миддендорфа длилось 841 день. За это время он и его спутники прошли на лошадях, на собаках, на оленях, на лодке и пешком около 30 тысяч километров. И это по труднодоступным тундрам Таймыра, по таёжно-горным дебрям Якутии, Охотского побережья и Приамурья.

Сибирская экспедиция Миддендорфа выполнила все задачи, которые были на неё возложены. Миддендорф и его помощники привезли

¹ Отчёт о своих наблюдениях Д.П. Давыдов представил в 1848 году Академии наук, которая напечатала его в своих «Известиях» по математическому отделению» (т. VI, № 17). С июня 1846 года долгое время в шахте никакие наблюдения не велись и возобновились только в 1934 г. Ныне геотермические наблюдения ведутся регулярно сотрудниками Института мерзлотоведения Сибирского отделения АН СССР.

богатейшие коллекции — зоологические, ботанические, минералогические, палеонтологические, путевые дневники и записи наблюдений, картографические материалы и многое другое. Крупнейшие специалисты охотно взялись за обработку собранных Сибирской экспедицией коллекций и материалов. Бóльшая часть их приходилась на долю географов и натуралистов, но языковеды и этнографы нашли в них тоже немало ценного. Так, например, записи по языку и фольклору якутов «подали повод такому знаменитому филологу, как Бетлингу, своротить с главного пути исследований... и посвятить несколько лет подробному изучению якутского языка» (58, с. 621).

Российская Академия наук дала блестящую оценку деятельности Сибирской экспедиции: «Одна собственно учёная добыча, которую мы обязаны чрезвычайной деятельности, осмотрительности и обширным основательным познаниям путешественника, сопровождаемого столь малым числом спутников, так значительна, что по убеждению Академии наук ни одна из всех арктических экспедиций, снаряжённых Англиею и Россиею и стоивших нередко весьма значительных издержек, не принесла столько пользы науке, как Миддендорфова» (77, с. 197).

«Путешествие Миддендорфа, — писал знаменитый путешественник и учёный П.П. Семёнов, — включает в себе столько новых и важных приобретений для географической науки, что по обилию результатов своих может стать наряду с самыми важными из учёных путешествий нынешнего века» (112, с. 39-40).

В 1861 году Русское географическое общество удостоило А.Ф. Миддендорфа своей высшей награды — Константиновской медали.

Результаты Сибирской экспедиции Миддендорф изложил в своём монументальном труде «Путешествие на север и восток Сибири», изданном в 1860-1878 годах в двух частях (58).

А.Ф. Миддендорф доказал учёным мира, что на обширных пространствах севера и востока Сибири, начиная с 0,5-2 м и до глубины в десятки и сотни метров залегают беспрестанно мёрзлые (льдистые) слои, массивы и толщи горных пород. Кстати, отметим, что термин «беспрестанно мёрзлый грунт», предложенный А.Ф. Миддендорфом, не был известен мерзлововедам. «Этот термин, — отмечает видный советский мерзлововед и гидрогеолог П.Ф. Швецов, — гораздо точнее выражает понятие, которое впоследствии обозначалась как «вечная мерзлота» или «многолетняя мерзлота» (126, с. 23).

На основании собственных наблюдений в шахте Шергина и строгого анализа таких же наблюдений, сделанных самим Шергиным, Миддендорф теоретически вычислил вероятную мощность вечной мерзлоты в районе Якутска, считая её равной в среднем 204 метрам. Эта величина оказалась очень близкой к величине, установленной в наше время в процессе бурения скважины, прошедшей в Якутске через всю толщу мерзлоты, а именно: 210-214 м.

Геотермические наблюдения Ф.Е. Шергина и А.Ф. Миддендорфа стали неопровержимыми доказательствами наличия мощной толщи вечной мерзлоты на большей части территории Сибири и вызвали у многих учёных мира огромный интерес к этому природному явлению. Эти наблюдения явились стимулом к дальнейшему развитию мерзловедения (геокриологии). Крупный советский мерзловед М.И. Сумгин называет А.Ф. Миддендорфа «Ермаком вечной мерзлоты».

Велик вклад А.Ф. Миддендорфа в изучение климата Сибири и, в частности, Якутии. На основании многолетних наблюдений Неверова, Шергина, Давыдова и других «добровольных метеонаблюдателей» Миддендорф впервые высказал о «мировом полюсе холода» в Якутии: «Климат Якутска оказался средоточием для метеорологии всего земного шара. Там самая холодная зима на всей земле» (58, с. 318). Для того времени это было совершенно справедливо. А далее Миддендорф подчёркивает, что «Якутск, этот совершенный образец собственно сибирского климата, есть также недостижимый образец материкового климата вообще». (Там же, с. 329).

Миддендорф задаёт себе вопрос: «Ужели случаю было угодно, по какой-то странности, поместить главный город на Лене в самом холодном месте Сибири? Нет ли, напротив, другого, нам неизвестного и самого холодного места в Сибири?» Миддендорф отвечает, что «в горной стране, градуса на два к северу от Якутска, может быть ещё холоднее». (Там же). Как это потом подтвердилось, «полюс холода» северного полушария находится не в Якутске, а в Верхоянской «горной стране». Какой же глубокой эрудицией и примечательной широтой научного мышления обладал А.Ф. Миддендорф!

Миддендорф, как биогеограф, интересовался животным и растительным миром Якутии. Его зоогеографические и экологические соображения по этому региону Сибири не утратили интереса до наших дней. На пути из Якутска в Уду Миддендорф собрал значительную коллекцию

птиц, хранящуюся в настоящее время в Зоологическом музее Академии наук СССР в Ленинграде. В труде «Путешествие...» приводится 78 видов птиц, встречающихся в Якутии.

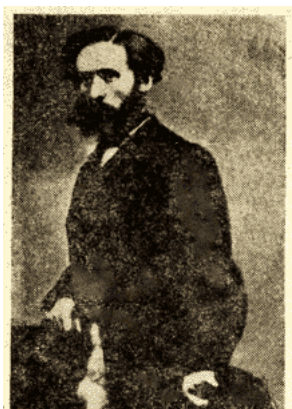
Огромен вклад А.Ф. Миддендорфа в изучение истории и этнографии народов Якутии (34). У якутов он обнаружил «довольно значительное» скотоводство; оно составляло «весьма существенную часть их пищи и сбыта» (58, с. 784). Распределение лошадей до берегов Северного Ледовитого океана, а рогатого скота — до «Крайнего полярного предела скотоводства», по мнению Миддендорфа, было исторической заслугой якутов.

Изучив факты приобщения к земледельческой культуре якутов, А.Ф. Миддендорф подчеркнул положительное значение земледелия в жизни скотоводов и охотников края. Он пишет: «Мы встречаем якутов как во главе земледелия, так и скотоводства северной Сибири» (58, с. 783).

Сибирская экспедиция А.Ф. Миддендорфа в 1842-1845 годах дала очень много для исследования Якутии не только благодаря трудам самого путешественника, но и тем, что она послужила серьёзным толчком к дальнейшему научному изучению Якутии.

Последние годы жизни А.Ф. Миддендорф тяжело болел и умер 16 января 1894 года в своём имении в Эстонии — Хелленурме. Смерть его была тяжёлой утратой для науки. Он был сыном своей страны, большим патриотом Родины. Советский народ бережно хранит память о выдающемся путешественнике и учёном-энциклопедисте А.Ф. Миддендорфе.

Ричард Карлович МААК

Р. К. Маак

В середине XIX века в изучение Сибири включаются местные научные учреждения, которые координировали исследовательскую и краеведческую работу. Первым таким учреждением стал открытый 1 декабря 1851 года в Иркутске Сибирский отдел Русского географического общества (СОРГО).

В 1852 году геолог Н.Г. Меглицкий и учитель естествознания Иркутской гимназии Р.К. Маак представили СОРГО проект экспедиции для исследования Ви-

люйского округа Якутской области. «Уже давно носились слухи, — писал Маак, — или, лучше сказать, предположения, что Вилюйский округ богат железными и соляными залежами и драгоценными камнями, а реки его изобилуют золотыми россыпями. Вот это-то, главным образом, и было побудительной причиной снарядить экспедицию для ознакомления с этим столь малоизвестным округом» (51, ч. I, с. 3).

Проект Меглицкого и Маака СОРГО был одобрен. Средства для осуществления экспедиции давал иркутский золотопромышленник С.Ф. Соловьев. На Р.К. Маака было возложено руководство этой экспедицией, получившей название Вилюйской. Эта экспедиция была первым научным предприятием СОРГО.

Ричард Карлович Маак родился 23 августа 1825 года в Эстонии, в с. Аренсбург (ныне г. Кингисепп). Он учился в местном училище, затем в гимназии в Петербурге и по её окончании — на естественном факультете Петербургского университета. В 1851 году, окончив университет, Маак поступил на службу в Главное управление Восточной Сибири, которое направило его на должность старшего учителя естественных наук в Иркутскую гимназию. В 1853 году Маак возглавил Вилюйскую экспедицию СОРГО, которой предстояло выполнить за короткий срок сложную задачу: исследовать Вилюйский округ в «естественно-историческом, картографическом, этнографическом, статистическом и метеорологическом отношениях».

В состав Вилюйской экспедиции входили молодой военный топограф Александр Кондратьевич Зондгаген, коллектор-препаратор М. Фурман и учитель естествознания А.П. Павловский, присоединившийся в Якутске.

Первоначально предполагалось начать полевые исследования экспедиции в 1853 году, однако, из-за позднего приезда из Петербурга Зондгагена отъезд экспедиции из Иркутска был отложен до следующего года. Пользуясь этим обстоятельством, в 1853 году Маак послал Зондгагена из Иркутска для топографической съёмки реки Вилюя. Летом он перевалил с Нижней Тунгуски на Чону (крупнейший правый приток Вилюя), по ней спустился со съёмкой до устья и выяснил, что эта река неверно обозначалась на Генеральной карте Азиатской России 1825 года: Чона — не исток Вилюя, а его правый приток.

От устья Чоны Зондгаген провёл съёмку Вилюя до города Вилюйска и, из-за холодов прервав работу, прибыл в Якутск. 28 марта 1854 года

Маак и его спутники прибыли в Якутск, где приступили к заготовке припасов и тёплой одежды для предстоящего долгого путешествия. В Якутске Маака задержало ещё два обстоятельства. Во-первых, на его долю выпала возможность переписывать данные многолетних метеорологических наблюдений купца А.Д. Неверова, который он вёл до конца своей жизни, последовавшей за несколько дней до приезда Маака; во-вторых, в шергинской шахте Маак произвёл геотермические наблюдения, чтобы установить, какие изменения произошли в вечномёрзлом слое со времён путешествия А.Ф. Миддендорфа. По просьбе Маака ветеринарный врач Гольман приступил к производству метеорологических наблюдений.

16 апреля Маак и его спутники выехали из Якутска верхом на лошадях и через несколько дней добрались до устья Вилюя. Сначала волоком на лодке с бечевою, а потом на лошадях отряд поднялся к Вилюйску. Зондгаген приступил к съёмке Вилюя — от устья до Вилюйска.

После того, как Зондгаген успешно окончил съёмку низовьев Вилюя, в начале июля экспедиция отправилась из Вилюйска к урочищу Тас на реке Ханья (левый приток Мархи). Здесь экспедиция разделилась: Маак, Зондгаген и Фурман отправились к Оленьку, а Павловский — к среднему течению Мархи. Оба отряда должны были вновь соединиться в селении Сунтар на Вилюе. Живущие на Тасе якуты снабдили путешественников ездовыми оленями.

Отряд Маака двинулся в северном направлении через плоскую возвышенность. За 66° с.ш. местность стала «неравномерно холмистою» и на пути отряда постоянно встречались «мрачные, большею частью голые утёсы», что повлияло на скорость передвижения; к тому же некоторое время болели олени. И только в конце сентября путешественники достигли Оленька у $68^{\circ}15'$ с.ш. Время было позднее, Маак спешил, так как «холод шёл... навстречу с грозной ужасающей бодростью». Отряд двинулся на юго-запад к верховьям Вилюя через верхние правые притоки Оленька и Оленёкско-Вилюйский водораздел. Под влиянием старых карт Маак принял его за широтный хребет, якобы достигающий на востоке Лены; сопки его имеют вид «развалин старых замков, колонн, обелисков и пирамид, как будто нарочно построенных». Но Маак ошибся — это были отдельные возвышенности.

Далее отряд двигался по местности, «представляющей плоскую возвышенность, разделённую пологими скатами». В конце октября он достиг верхнего Вилюя, уже покрывавшегося льдом. Начались сильные морозы, и Зондгаген отморозил руки. К тому же у озера Сюрюнга путешественники не нашли эвенков, чтобы воспользоваться их жильём и пищей.

По глубокому снегу Маак и его верные спутники проходили в сутки 11-16 километров. Тёплых брезентовых юрт (палаток) у них не было; дни и ночи они проводили под открытым небом. «Я уверен, — писал Маак, — что каждый из нас, смыкая от усталости очи, не надеялся более открыть их». К тому же не хватало провизии.

Вилюй протекал в общем на восток, но делал много крутых излучин, вполне оправдывая своё название. Морозы всё усиливались, достигая иногда -40° ; с трудом проследив все изгибы реки примерно на 100 километров, путешественники решили идти прямо на юго-запад. В ноябре, перевалив «высокий скалистый хребет» (ныне возвышенность Лаврушка), они достигли реки Улахан-Вава (правый приток Вилюя). Спустившись по ней примерно до 64° с.ш., отряд перешёл на левый берег Вилюя, двинулся на юго-восток и в конце декабря вновь достиг Вилюя против устья Чоны. Здесь уже два месяца отряд Маака ожидали якуты с продуктами и тёплой одеждой, присланные Павловским из Сунтара.

В начале января 1855 года Маак и его спутники достигли Сунтара, когда Павловский потерял уже надежду их увидеть. Отдохнув в Сунтаре, участники Вилюйской экспедиции через невысокий Лено-Вилюйский водораздел прошли в Олёкминск, а оттуда — в Иркутск.

Вилюйская экспедиция Р.К. Маака (1854-1855 гг.) имела огромное значение в познании географии, истории и этнографии Вилюйского бассейна. Материалы экспедиции обрабатывались в течение 30 лет. Третья (последняя) часть описания её научных результатов под названием «Вилюйский округ Якутской области» вышла уже после смерти исследователя, в 1887 году.

Первая часть труда Маака «Вилюйский округ Якутской области» вышла в свет в 1883 году. Она фактически была издана в 1877 году, но почти весь тираж погиб во время пожара, поэтому потребовалось напечатать эту часть вновь.

Вторая часть фундаментального труда Маака была издана в 1886 году. Причину такой задержки автор объясняет отсутствием средств на издание и «равнодушием местной администрации, которую я первоначально старался заинтересовать изданием описания Вилюйского края». Третья часть труда посвящена истории и этнографии края.

Маак был первым исследователем природы центральной части Восточной Сибири. Он дал первое подробное описание геологии и орографии этого региона. Маак впервые показал, что большая часть бассейна Вилюя представляет плоскую возвышенность; он первым указал границы Центрально-Вилюйской низменности. Мааку удалось установить, что левобережье Вилюя на 100-150 километров, «подобно правобережью от устья до Вилюйска, представляет усеянную множеством озёр низменность» (Центрально-Якутская равнина).

Маак первым из исследователей выделил широкое развитие силурийских и мезозойских отложений и внёс ясность в геологическое строение бассейна Вилюя. Он дал описание выходов бурых железняков на правом берегу Вилюя в 30 километрах ниже устья Мархи.

Несмотря на трудности маршрута, экспедиция Р.К. Маака вела регулярные путевые метеорологические наблюдения и открыла несколько метеорологических станций (Олёкминск, Киренск, Якутск, Сунтар). В первой части своего труда, изданной в 1877 году, Маак опубликовал результаты метеорологических наблюдений как станций своей экспедиции, так и 11 станций, позднее установленных, и пришёл к ряду интересных климатических выводов. Он отметил некоторые особенности климата Якутии: частые температурные аномалии, преобладание западных и северо-западных ветров, увеличение количества безморозных дней к югу и др. Маак установил, что полюсом холода в Якутии нужно считать не Якутск, как полагал до него А.Ф. Миддендорф, а Верхоянск. «Верхоянск, — писал Маак, — почти с уверенностью можно сказать, оставляет Якутск далеко за собой и в отношении суровости зимней стужи отнимает у него пальму первенства» (51, ч. 1, с. 222).

Р.К. Маак, вернувшись в Иркутск, не переставал заботиться о расширении сети метеорологических станций в Якутии. Известно, что в 1862 году, во предложению Маака, к тому времени вернувшегося из Амурской экспедиции, были начаты метеорологические наблюдения в Якутске Киренским, в Среднеколымске — Анотовским.

Р.К. Маак впервые описал гидрографию Вилюя и низовьев Оленька. Им же был собран и систематизирован довольно большой материал по вскрытию и замерзанию рек и озёр Якутии. Во время экспедиции он измерял толщину льда на реках и озёрах, считая, что это необходимо для выяснения возможности существования рыбы зимой.

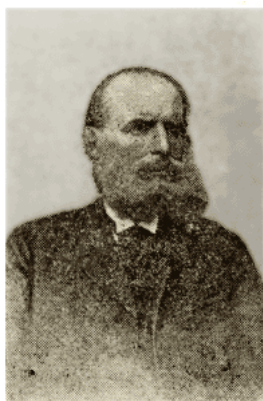
Исключительно ценны картографические материалы Вилюйской экспедиции. Они принесли большую пользу в уточнении географического содержания карты Азиатской России 1883 года. И в этом огромнейшая заслуга топографа А.К. Зондгагена. Им было снято 52 листа маршрутных карт.

Особенную ценность до сих пор имеют историко-этнографические материалы Вилюйской экспедиции Маака. «Необходимо отметить, — пишет якутский историк В.Н. Иванов, — что значение проделанной Мааком работы возрастает в связи с тем, что вилюйская группа якутов до того оставалась малоизвестной в научной литературе. Автор определил состав и распределение населения, дал блестящую характеристику его занятий, быта, обычаев, нравов и верований» (35, с. 150).

Среди огромного количества материалов, собранных Р.К. Мааком, имеются записи сюжетных схем двух якутских эпосов — олонхо, а также тексты 21 загадки и одной старинной клятвы якутов. Материалы Р.К. Маака до сих пор остаются самыми ранними записями фольклора якутов Вилюйского региона.

Р. К. Маак — один из крупных исследователей Сибири и Дальнего Востока. В 1855-1856 годах он возглавил Амурскую экспедицию СОРГО, а в 1859 году — исследовал долину реки Уссури, пройдя по ней около 1000 км. В 1865 году Маак был назначен директором училищ Иркутской губернии, а в 1868 году — главным инспектором училищ Восточной Сибири. В 1879 году Маак по состоянию здоровья оставил службу в Иркутске и уехал в Петербург, где умер 13 ноября 1886 года.

Гергард Людвигович МАЙДЕЛЬ

Г. Л. Майдель

Нужды административного управления, развитие торговли, а также растущий интерес к природным богатствам и народам крайнего северо-востока Сибири побудили Сибирский отдел Русского географического общества снарядить в 1868-1870 годах так называемую Чукотскую экспедицию. Её возглавил Г.Л. Майдель.

Гергард Людвигович Майдель родился 19 апреля 1835 года в г. Дерпте (ныне г. Тарту). В 1859 году он успешно окончил историко-филологический факультет Дерптского университета и был включён в состав экспедиции для изучения Приамурского края. Прибыв в Иркутск, Майдель тяжело заболел и не смог принять участие в экспедиции. В 1860 году он стал чиновником по особым поручениям при Иркутском губернаторе.

В 1862-1870 годах Г.Л. Майдель — исправник Колымского и Вилюйского округов Якутской области, и по делам службы много ездил по области. Так, в 1862 году Майдель собирал растения в Вилюйском округе, в 1866 году — совершил поездку по Верхоянскому и Колымскому округам и в 1867 году побывал в Витимо-Олекминском крае. Г.Л. Майдель выделялся широким кругозором, интересовался ботаникой, зоологией, геологией, географией и этнографией.

Целью Чукотской экспедиции были: налаживание отношений между чукчами и местной администрацией, уточнение карты края, сбор разнообразных коллекций, проведение астрономических, метеорологических и других наблюдений (4).

В состав экспедиции вошли: астроном К.К. Нейман, топограф П.А. Афанасьев, якутский фельдшер Н. Антонович, переводчик-юкагир Е. Лыгчин, хорошо знавший чукотский язык, и казаки Якутского полка З. Божедонов, И. Котельников и В. Киприянов.

В середине августа 1868 года экспедиция отправилась из Иркутска в Якутск, куда прибыли 25 сентября. Через несколько дней путешественники тронулись в далёкий и трудный путь. 25 ноября Майдель и его спутники прибыли в Верхоянск. Здесь Майдель организовал метеорологическую станцию, поручив вести наблюдения ссыльному И.А. Худякову. Тот добросовестно отнёсся к порученному делу, и в течение 14 месяцев в Верхоянске велись ежечасные метеорологические наблюдения.

На основе этих наблюдений известный русский климатолог Г.И. Вильд вычислил средние температуры для всех месяцев и определил, что именно в Верхоянске находится «полюс холода» земного шара.

В Верхоянске Майдель услышал о том, что на небольшой речке между Алазеей и Индигиркой охотники обнаружили труп мамонта. Он распорядился, чтобы местный исправник узнал подробности и подготовил сообщения к его обратному проезду.

5 декабря экспедиция двинулась на восток. Путешественники перевалили хребет Тас-Хаяхта, на оленях пересекли Абыйскую низменность и через Алазейское плоскогорье достигли 28 декабря Среднеколымска. Проехав на собаках вниз по Колыме, экспедиция весной 1869 года добралась до устья реки Малый Анюй. Перебравшись на Большой Анюй, Майдель вышел к его истокам. Осенью 1869 года он достиг Анадырского залива.

В обратный путь Майдель двинулся прямо на запад. В селе Марково на Анадыре экспедиция разделилась на отряды. Нейман и Афанасьев вернулись на Малый Анюй. Оттуда Нейман проехал к устью Колымы и предпринял на собаках поездку на Медвежьих острова. Афанасьев через горы вышел к среднему течению Омолона. Построив лодку, он спустился до Колымы.

Майдель из Маркова двинулся на юго-запад, переправился через реку Пенжину и вышел в декабре 1869 года к Гижиге. К началу 1870 года он вернулся в Марково тем же путём. Отдохнув здесь около месяца, Майдель прошёл на запад, перевалил Анюйский хребет, достиг Малого Анюя и по нему вышел к Нижнеколымску, где 13 мая встретился с остальными участниками экспедиции.

В Нижнеколымске Майдель провёл около месяца, побывал в устье Колымы, где вёл гидрометеорологические наблюдения. 13 июня он отправился в Среднеколымск, где состоялась встреча с Афанасьевым и Антоновичем. Здесь экспедиция вновь разделилась на отряды. Майдель двинулся к северо-западу, пересёк «озёрную страну» (Колымскую низменность), открыл и нанёс на карту невысокий хребет Улахан-Сис. Перевалив его, Майдель спустился к Индигирке и прошёл около 100 километров вверх по её течению.

От Индигирки Майдель прошёл на запад к озеру Ожогоино и открыл за ним невысокий кряж, названный им Полоусным. Нейман и Афанасьев

поднялись по Колыме до села Зырянка и через верховья Омулёвки и Неры вышли к Оймякону.

В ноябре экспедиция возвратилась в Якутск.

Во время этого трудного путешествия Майдель и его помощники вели разнообразные наблюдения и сбор коллекций. К сожалению, из-за крайне неточных астрономических наблюдений, производившихся Нейманом, ценность собранного картографического материала оказалась невысокой. Подробное описание путешествия, естественно-исторических наблюдений и других результатов деятельности экспедиции дано в двухтомном труде Г.Л. Майделя, который вышел в свет лишь спустя четверть века после окончания экспедиции (52). Большая часть коллекции, собранная экспедицией, сгорела в 1879 году при пожаре в Иркутске. Орнитологические и зоологические коллекции были переданы в 1872 году в Зоологический музей Академии наук.

Труд Майделя «Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868-1870 годах» был значительным вкладом в историю географического и этнографического изучения северо-востока Сибири. По мнению известного советского географа и геолога С.В. Обручева труд Майделя «до конца 20-х годов нашего века являлся единственным научным полным орогидрографическим обзором Северо-Восточной Якутии».

Майдель оставил немало интересных наблюдений о природе и климате Северо-Восточной Якутии и Чукотки, об их ископаемых богатствах, по истории края, о хозяйстве, быте и нравах коренного населения.

Майдель существенно уточнил орографическую схему водораздела рек Яны, Индигирки и Колымы. Он открыл широтный невысокий кряж Полоусный, впервые нанёс на карте несколько хребтов и плоскогорий. Майдель выяснил, что хребет Улахан-Сис отделён от Алазейского плоскогорья широкой — около 50 км — низменностью реки Шангиной (правый приток Индигирки).

Майдель впервые описал Кыра-Нехаранский тарын у подножия восточного склона хребта Тас-Хаяхта. Он оставил карту-схему, судя по которой площадь тарына достигала колоссальной величины — приблизительно 100 кв. км. Науке тогда не было известно существование тарынов и даже горных ледников такой площади. По окончании экспедиции Г.Л. Майделя назначили прокурором Иркутска, затем главным инспектором школ Забайкальской области в Чите. Более двадцати лет прожил

Майдель в Сибири. В 1883 году он вернулся на родину в Эстонию. Г.Л. Майдель скончался 5 августа 1894 года в Бадене (Швейцария), где он находился на лечении.

Александр Лаврентьевич ЧЕКАНОВСКИЙ

А. Л. Чекановский

К плеяде выдающихся русских путешественников-исследователей Якутии несомненно принадлежит Александр Лаврентьевич Чекановский.

Хозяйственное оживление в Сибири в 60-70-х годах XIX века вызвало рост научных исследований природных условий и естественных ресурсов. Сибирский отдел Русского географического общества, объединивший вокруг себя прогрессивную часть интеллигенции — политических ссыльных и учёных — организовал несколько экспедиций для исследования различных районов Восточной Сибири в естественно-географическом отношении. Наиболее результативными из них были экспедиции, возглавляемые А.Л. Чекановским.

Александр Лаврентьевич Чекановский родился 12 февраля 1833 года в небольшом местечке Кременец в Волынской губернии (ныне город Кременец Тернопольской области УССР). С детства его окружали люди, посвятившие свою жизнь изучению природы. Не случайно ещё студентом Киевского и Дерптского университетов Александр Чекановский проявил живой интерес к геологии, палеонтологии, географии и опубликовал первые свои научные сообщения.

За активное участие в польском восстании 1863 года Александр Чекановский был арестован, бежал из Киевской тюрьмы, но был пойман и осуждён на бессрочную ссылку в Забайкалье. Его отправили пешком по этапу из Киева в Тобольск. По дороге Чекановский не оставил своих любимых занятий: ухитрился собрать довольно большую коллекцию насекомых; определения он выполнял с помощью самодельной лупы, отшлифованной им из осколка графина.

В Томске А.Л. Чекановский заболел тифом, последствием которого было периодическое психическое расстройство. Ещё не оправившегося от болезни Чекановского отправили дальше на восток, к месту ссылки.

Осенью 1866 года он прибыл в глухие места — в село Падун на реке Ангаре. Живя в тяжёлых условиях, Чекановский находил время заниматься геологией и географией края.

Бывший его приятель по Дерптскому университету Ф.Б. Шмидт, теперь уже ставший академиком, добился перевода Чекановского в Иркутск, где он принял участие в работе Сибирского отдела РГО. По заданию отдела в 1869-1872 годах А.Л. Чекановский исследовал геологическое строение Иркутской губернии. Эти исследования политссылного были отмечены малой золотой медалью РГО (1870 г.) и Золотой медалью на Международном географическом конгрессе в Париже (1875 г.).

В 1872 году А.Л. Чекановский предложил РГО исследовать территорию между Енисеем и Леной. Он отмечал, что эта «страна, незабвенная в истории географических открытий по количеству труда, энергии и самоотвержения, потраченных на её познание», практически представляет собой «белое пятно»: очень мало были изучены её гидрография, ещё менее — рельеф. Географическое общество поручило Чекановскому возглавить небольшую экспедицию, рассчитанную на два-три года. На неё из средств общества ежегодно выделялось по три тысячи рублей. В состав экспедиции вошли астроном Фердинанд Фердинандович Миллер, коллектор В. Ксенжопольский и топограф Г. Нахвальных.

В марте-ноябре 1873 года экспедиция прошла по Нижней Тунгуске до Енисея. Полевые условия оказались трудными. Не хватало транспортных средств, продовольствия, в разгар работ сошёл с ума Ксенжопольский, тяжело заболел Нахвальных. Но благодаря самоотверженности А.Л. Чекановского и активного участия эвенка-проводника Петра Голе Каплина экспедиция завершилась успешно.

Казалось бы, после столь трудной экспедиции нужно было отдохнуть. Однако А.Л. Чекановский вместе с Ф.Ф. Миллерам уже через полтора месяца после возвращения в Иркутск отправились в новое, ещё более трудное путешествие — на реку Оленёк.

Оленёк до работ Чекановского был почти не исследован: его устье определила экспедиция П.Ф. Анжу (1820 г.), а среднего течения между устьями рек Силигир и Алакит лишь коснулась Вилюйская экспедиция Р.К. Маака (1854).

В конце декабря 1873 года Оленёкская экспедиция А.Л. Чекановского выехала из Иркутска. Её маршрут пролегал по совершенно неизведанным местам. Путешественники на оленях прошли почти весь отрезок

верхнего течения Нижней Тунгуски. Здесь в состав экспедиции вошли братья Пётр Голе и Пётр Увачан Каплины.

Тяжело пришлось А.Л. Чекановскому в марте-апреле 1874 года, когда он переходил с Нижней Тунгуски на Оленёк. Ещё в предыдущей экспедиции, плывя по Нижней Тунгуске, Чекановский с помощью Петра Голе Каплина собирал опросные сведения у местных жителей-эвенков о возможных путях перехода с Нижней Тунгуски на Оленёк и по этим данным он составил эскизную карту Оленекско-Нижнетунгусского водораздела. Следуя этой карте, А.Л. Чекановский в начале апреля достиг истоков Вилюя. Затем экспедиция вышла к озеру Яконгна, где в соответствии с расспросными данными должны были быть верховья Оленька. Однако ни реки, ни жителей, у которых можно было бы что-нибудь узнать у озера Яконгна не было.

Посоветовавшись с Петром Голе Каплиным, путешественники решили направиться далее к северу. Медленно продвигаясь по глубокому снегу, отряд вышел на большую реку, текущую на север. Ни у кого не было сомнений — наконец добрались до долгожданного и неведомого Оленька. 27 апреля было выбрано удобное место для остановки, и началась подготовка для плавания по реке. За полтора месяца А.Л. Чекановский и его спутники построили карбас, совершили экскурсии вокруг лагеря и полностью подготовились для дальнейшего путешествия.

6 июня А.Л. Чекановский распрощался с Петром Увачаном Каплиным, который с оленями двинулся в обратный путь. В тот же день Чекановский, Миллер и Пётр Голе Каплин начали сплав по Оленьку. Однако через несколько часов от случайно встроенного 90-летнего охотника-эвенка путешественники узнали, что они вышли не на Оленёк, а на реку Мойеро — правый приток Котуя, а до настоящего Оленька ещё километров двести к северо-востоку. Чекановский немедленно отправил Петра Голе Каплина вдогонку за братом, и тот привёл его обратно с оленями через два дня. Вновь пришлось переложить весь груз на оленей. Через неделю отряд достиг реки Велингне и, следуя по ней вниз, дошёл до реки Верхней Томбы — правого притока Оленька, по которой спустился до её устья. 28 июня путешественники добрались до Оленька. Здесь они распрощались со своими верными проводниками, наскоро изготовили небольшой плот и 2 июля начали трудное плавание по Оленьку, где до них не был ни один исследователь.

Путешествие по Оленьку было трудным — мешали многочисленные мели и пороги, часто дул сильный встречный ветер, наступили осенние морозы. Неприятное ощущение оставляло безлюдье берегов реки. 30 сентября закончилось плавание по Оленеку: река стала. Для дальнейшего передвижения пришлось снова строить нарты, искать оленей. К счастью, путешественники встретили якутов-охотников, которые оказали неоценимую помощь. 20 октября А.Л. Чекановский по льду достиг устья Оленька. Затем, вернувшись прежним путём (по Оленьку) до 70°30' с.ш., Чекановский поднялся по одному из правых притоков реки и направился на реку Лену, к селу Сиктях, и далее к Верхоянску, куда прибыл 14 ноября. Несколько дней было потрачено на геологические экскурсии вблизи города, а затем участники экспедиции отправились в Якутск, куда прибыли 9 декабря. 5 января 1875 года экспедиция благополучно вернулась в Иркутск.

Русское географическое общество предложило А.Л. Чекановскому руководить в 1875 году новой экспедицией в бассейны рек Хатанги и Анабара. Однако неутомимый путешественник считал свои геолого-географические исследования в низовьях Оленька и Лены незаконченными и предложил обществу организовать экспедицию в эти районы. Так как на эту поездку Общество средств не ассигновало, А.Л. Чекановский занял 1700 рублей и на собственные деньги организовал экспедицию на север Якутии.

А.Л. Чекановский намеревался отправиться в новое путешествие ещё в апреле 1875 года, но поездке помешала болезнь и выехать он смог только 15 мая. В спутники Чекановский взял Зигмунда (Сигизмунда) Венгловского, также политического ссыльного, жившего в то время в Иркутске.

А.Л. Чекановский, не желая терять времени, ехал днём и ночью и за 14 дней проделал путь в 2848 вёрст: 1 июня экспедиция была уже в Якутске. Согласно предписанию генерал-губернатора Восточной Сибири якутский губернатор В.П. Витте прикрепил к экспедиции двух проводников — казака Якутского казачьего полка А. Большева, «хорошего знатока якутского языка и якутского севера», якута Павла Хатыгина, более 20 лет сплавлявшего суда из Якутска в низовья Лены.

Представляет интерес и следующее обстоятельство. Во время своей третьей экспедиции А.Л. Чекановский надеялся встретиться со знаменитым революционным демократом и писателем Н.Г. Чернышевским,

который в те годы содержался в заточении в Вилуйске. Чекановский должен был передать узнику двести рублей от сочувствующих лиц в Иркутске. Однако эта встреча не состоялась из-за запрета тюремного начальства в Якутске, хотя Чекановский в апреле 1875 года был освобождён от гласного полицейского надзора.

Дальнейшее путешествие Чскаиовского по Лене началось 7 июня, и через 50 дней, преодолев значительное расстояние от Якутска, экспедиция прибыла в Булун. «Булун, — писал в своём дневнике З. Венгловский, — куда мы с таким нетерпением спешили с первого дня своего выезда из Якутска, представляет собой туземный посёлок — самое северное поселение в долине Лены. Отсюда до берега моря всего 180 вёрст. Этот посёлок является очень важным перевалочным пунктом для всех, кто едет на север. Здесь легче всего можно достать проводников, хорошо знающих тундру и полярные реки; кроме того, жители посёлка всегда снабдят вас всем необходимым для северной экспедиции» (120, с. 288).

31 июля путешественники простились с Леной и отправились на запад к долине реки Оленька. Достигнув её, экспедиция выполнила значительную часть своей задачи. «Чекановский был доволен и работал без устали, — свидетельствует Венгловский. — По дороге мы находим многочисленные обнажения слоёв, лежащих почти горизонтально в их первоначальном положении. Только здесь геолог может надеяться разрешить те трудные загадки, которые остались неразрешёнными во время предыдущих экспедиций» (120, с. 292).

26 августа экспедиция достигла побережья Северного Ледовитого океана. А через два дня в устье Оленька Чекановский обнаружил могилу Марии и Василия Прончищевых и восстановил её. Участники экспедиции посетили несколько якутских поселений (Буолкалаах, Джанкир, Буор-Сыр и др.) и простились «с симпатичными, любезными и услужливыми жителями Оленька» (120, с. 297).

«Знакомые Чекановского, — писал Венгловский в своём дневнике, — прощались с ним с искренней сердечностью, ибо он умел привлечь сердца этих почтенных людей своей вежливостью и своими врачебными знаниями. Он давал больным лекарства из походной аптечки и снискал репутацию превосходного доктора, возвращения которого все будут ждать с нетерпением. И он сам не раз мечтал о том, чтобы ещё побывать на Оленьке при возвращении из экспедиции на Анабар и Хатангу». (Там же).

6 сентября А.Л. Чекановский вместе с большой группой якутов (60 человек) отправился в обратный путь, в третий раз пересёк водораздел Лены и Оленька, и 20 сентября был вновь в Булуна. Здесь участники экспедиции приступили к подготовке предстоящего путешествия в Иркутск. Сам же Чекановский на оленях на две недели вновь отправился на запад, в тундру, чтобы собрать у местного населения сведения о наиболее удобном пути на реки Анабар и Хатангу.

16 октября путешественники выехали из Булуна. «Выезжая из Булуна, — писал З. Венгловский, — мы распорядились, чтобы обоз с коллекциями, состоявший из 30 нарт, всегда шёл на 12 часов впереди нас. Когда мы прибывали в юрту на ночлег, он выступал в дальнейший путь к следующему месту ночлега; поэтому юрта всегда была обогрета, наши проводники заготавливали для нас дрова» (120, с. 300).

Миновав невысокие горы Кулар, экспедиция 27 октября прибыла в Верхоянск. Чекановский и Венгловский нашли радушный приём у якута Никиты Горохова. «Этот просвещённый, довольно начитанный человек, патриот Якутии, горячо любящий свой родной край. — Писал в своём дневнике З. Венгловский. — У него была библиотека, состоявшая преимущественно из популярных книг по природоведению. Он занимался метеорологией, устроил у себя небольшую обсерваторию, старательно уже в течение нескольких лет вёл дневник наблюдений, записывая предания, рассказы, сказки якутского народа. Свои работы он посылал Географическому обществу в Иркутск... Он помог нам в организации нового обоза для дальнейшей перевозки собранных коллекций. Ему мы обязаны также множеством практических указаний, касающихся путешествия зимой... 1 ноября наши термометры и термометры Горохова показывали 41°. В этот день вечером мы выехали из Верхоянска в Якутск» (120, с. 301).

При сильных, 40-50-градусных морозах А.Л. Чекановский и его спутники 1 декабря добрались до Якутска. Упаковка собранных коллекций и материалов, сдача их на почту, оборудование больших саней и покупка продовольствия для дальнейшего пути заняли у путешественников пять дней, так что из Якутска они выехали на лошадях 6 декабря. Через 15 дней непрерывной езды днём и ночью, езды без остановок для ночлега на станциях А.Л. Чекановский и З. Венгловский 21 декабря 1875

года прибыли в Иркутск. Так окончилось третье путешествие А.Л. Чекановского на север Якутии, длившееся более семи месяцев. Путь, проделанный за это время, составляет около 12000 вёрст.

Трёхлетние исследования А.Л. Чекановского на севере Восточной Сибири (1873-1875 гг.) дали для науки так много нового, что составили эпоху в изучении этого обширного региона. «Можно утвердительно сказать, что эта экспедиция, — писал академик Ф.Б. Шмидт, — самая богатая геологическими результатами, которая когда-либо действовала в Сибири. Богатые содержанием донесения его Географическому обществу во время пути переведены на многие языки и сделались достоянием науки, а карты, составленные им, значительно изменили и дополнили карту Азиатской России» (121, с. 1).

Страстная любовь к природе, неукротимость духа, беспредельная выносливость и редкая трудоспособность помогли А.Л. Чекановскому проделать огромную работу по изучению края. За три года общая длина его маршрутов составила более 25 000 вёрст, из них 9000 — с геологическими маршрутами и 6000 — с глазомерной съёмкой. С двумя-тремя помощниками Чекановский выполнил весьма широкий комплекс научных наблюдений — геологических, географических, ботанических, зоологических, геодезических, астрономических, этнографических и лингвистических. Им собрано около 4000 образцов ископаемой флоры и фауны, 1800 экземпляров насекомых и позвоночных, 900 экземпляров различных растений. Среди них было много новых видов, ещё неизвестных в то время науке.

Но основным предметом научных занятий А.Л. Чекановского была геология. Острый наблюдатель, он внимательно фиксировал факты и очень осторожно, на основе большого материала делал выводы.

А.Л. Чекановский дал первое общегеографическое и геологическое описание большей части междуречья Енисея и Лены. Фактически он совершил подлинное научное открытие Среднесибирского плоскогорья. «Своими исследованиями, — писал академик В.А. Обручев, — Чекановский доставил первые более определённые данные по геологии... среднего течения р. Лены и первые данные вообще по геологии берегов р. Оленька, нижнего течения р. Лены и окрестности г. Верхоянска» (72, с. 22). Чекановский первый описал большие поля силурийских отложений в бассейне р. Оленька. Ему принадлежит честь открытия меловых отложений в низовьях Лены.

А.Л. Чекановский — первооткрыватель огромной трапповой провинции Сибирской платформы. Он впервые применил термин «трапп». Ему впервые удалось дать границы траппов в бассейне Оленька.

На основе глазомерной и топографической съёмок, 108 астрономических и магнитных определений А.Л. Чекановским впервые были составлены географические и геологические карты бассейнов Нижней Тунгуски, Оленька и Лены. «Экспедиция А.Л. Чекановского 1873-1875 гг., — писал Р. Маак, — может считаться драгоценным вкладом в картографию Восточной Сибири» (112, с. 155).

А.Л. Чекановский — первоисследователь реки Оленька почти на всём её протяжении (от 150 км ниже истока до самого устья). Ещё задолго до Оленёкской экспедиции А.Л. Чекановского на картах изображалась река Оленёк. Однако только две точки её были определены достоверно: это местоположение устья реки и участок верхнего течения у устья реки Силигер, куда в 1854 году добралась экспедиция Р.К. Маака. Чекановский составил первую карту реки Оленька. По его определению, длина реки — около 2350 (по современным данным — 2292 км). Чекановским же впервые было выяснено взаимное расположение крупных рек Западной Якутии — Хатанги, Анабара, Оленька, Вилюя и описан водораздел этих рек.

В экспедициях по Оленеку, Лене и Яне А.Л. Чекановский проводил комплексные географические наблюдения. Он описывал рельеф, гидрографию, климат, мерзлоту, почвы и растительность посещённых территорий. Чекановский совершил первое пересечение Среднесибирского плоскогорья в северо-восточном направлении, дал подробное описание Хара-Улахского, Верхоянского и других гор и хребтов Северной Якутии, Лено-Оленёкского и Вилюйско-Оленёкского водоразделов. Он впервые указывает на отсутствие в бассейнах Оленька и Нижней Тунгуски высоких хребтов, впервые для этих районов широкое развитие столовых гор на траппах, намечает границы их распространения.

А.Л. Чекановский собрал богатую коллекцию ископаемой флоры и фауны Якутии, среди которых было много новых видов и родов, что послужило основой для большого числа палеонтологических работ. Ему принадлежат также коллекции современной флоры и фауны, собранные в самых различных районах Западной Якутии и Верхоянья, что позволило сделать первые выводы о характере растительного и животного

мира этих территорий. А.Л. Чекановским была уточнена северная граница леса в бассейнах Оленька и Лены.

Путевые дневники и письма А.Л. Чекановского полны интересных и ценных сведений о жизни, быте и чертах характера эвенков и якутов. Ему принадлежит первое указание и описание больших кочеваний эвенков и первая характеристика их межгрупповых связей. Очень образно и документально точно описывал А.Л. Чекановский быт коренного якутского населения в низовьях Оленька.

Говоря об отдельных чертах характера эвенков или якутов, А.Л. Чекановский отмечал их исключительную честность и бескорыстие, а также превосходное умение ориентироваться на местности даже в совершенно незнакомых местах. Проведя в скитаниях на севере Якутии три года, Чекановский с восхищением отмечал, что «приветливостью, радушием и услужливостью сыны тундры располагают к себе путешественника, и мы не упускали случая, чтобы знакомиться и сблизиться с ними» (9, с. 168). Участник экспедиции А.Л. Чекановского З. Венгловский пишет: «Не раз, видя бескорыстную доброжелательность наших товарищей-проводников, мы задавали себе вопрос, откуда у них эта любовь к ближнему, этот альтруизм, такой искренний и широкий, не стеснённый ни религиозным, ни национальным, ни социальным фанатизмом. Они любят всех людей, всегда спешат помочь и рады каждого видеть счастливым» (120, с. 298).

Коренные жители Севера — эвенки и якуты повсеместно тепло встречали А.Л. Чекановского и его спутников и содействовали успеху их работ. В дневниках и отчётах Чекановского часто упоминаются имена якутов и эвенков, особенно двух эвенков-братьев Голе Увачана и Петра Увачана Каплиных. О первом из них А.Л. Чекановский пишет: «...мне удалось завербовать в спутники экспедиции прекрасного охотника и проводника Голе Каплина, который стал руководителем каравана. Храбрость этого тунгуса, особенно умственные способности и прекрасная ориентировка в этих неизведанных донине краях являлись, несомненно, одной из предпосылок успеха экспедиции» (121, с. 150).

Чекановский просил Совет Русского географического общества представить его верных спутников Каплиных к награде. 22 ноября 1874 года вице-президент общества П.П. Семёнов просил министра внутренних дел наградить их парадными кафтанами, так мотивируя это ходатай-

ство: «Успех экспедиции Чекановского в значительной мере обязан проводникам, двум местным тунгусам Голе Каплину и Петру Каплину». В 1876 году из канцелярии Александра II пришло извещение, весьма характерное в смысле отношения царских чиновников к «инородцам». В нём говорилось: «Его Императорское Величество всемилостивейше пожаловал двум тунгусам Голе и Петру Каплиным... парадные крестьянские кафтаны наименьшей стоимости», причём их стоимость взыскивали из субсидии, отпускаемой Географическому обществу.

В результате постоянного общения с эвенками, А.Л. Чекановский составил словарь эвенкийского языка, который затем был обработан и издан на немецком языке академиком А.А. Шифнером. Он явился первым в истории словарём эвенкийского языка.

Заслуги А.Л. Чекановского в биологии или этнографии менее значительны, чем в геологии или географии. Но всё это вскрывает многогранную деятельность неутомимого исследователя и необычайную широту его научных интересов.

В начале 1876 года под давлением общественности Александр II вынужден был «даровать» опальному учёному свободу: после двадцати лет ссылки А.Л. Чекановский получил разрешение переехать в Петербург. Здесь его назначают хранителем Минералогического музея Академии наук. Он начал обрабатывать материалы своих экспедиций. Однако «сидячая» жизнь не удовлетворяет А.Л. Чекановского. Он стремится к близкому общению с природой, с Севером. Чекановский предлагает Академии наук организовать новую экспедицию на Хатангу и Анабар. Но ему отказывают в средствах — разразившаяся война с Турцией поглотила ресурсы, выделенные для Академии наук.

«Утратив последнюю надежду на осуществление своей единственной мечты, — пишет в своих воспоминаниях З. Венгловский, — и всего того, чего страстно желал, Александр вёл в Петербурге одинокую жизнь, не имея никаких средств, ибо для уплаты долга, сделанного ради экспедиции, он был вынужден отдать свои последние гроши, вырученные от продажи прежних коллекций» (120, с. 304). Осенью 1876 года психическая болезнь, которой много лет страдал А.Л. Чекановский, обострилась, и 18 октября во время нового приступа душевной депрессии он покончил жизнь самоубийством. Вот что пишет З. Венгловский о последних днях жизни своего дорогого и близкого друга: «В трудных условиях жизни того времени, не имея вокруг себя никого, с кем его соединяли

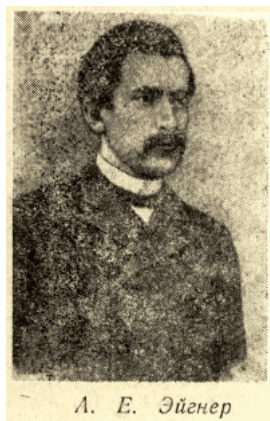
бы чувства сердечной, тёплой дружбы, выходящей за рамки обычных товарищеских отношений, какие у него были в научных кругах, он очень тосковал среди чужих людей, горевал, стал равнодушным к жизни; однажды наступила минута отчаяния, повлёкшая за собой преждевременную смерть. Смерть эта преисполнила невыразимой печалью и глубокой болью сердца его многочисленных друзей, которые его уважали, восхищались им и любили его». (Там же).

А.Л. Чекановский умер в возрасте 44 лет, на пороге новых открытий, в полном расцвете научного таланта. Как учёный-исследователь Сибири А.Л. Чекановский трудился всего лишь 7 лет. Но за этот короткий срок успел оставить яркий след в науке. Его труды по геологии и географии Забайкалья, Якутии и других районов Сибири восхищали современников и в наши дни не потеряли своего значения. Выдающийся путешественник П.П. Семёнов-Тян-Шанский считал А.Л. Чекановского учёным с глубоким исследовательским талантом, верной научной интуицией, многогранностью интересов и неиссякаемым трудолюбием.

Многие географические объекты Восточной Сибири, многие ископаемые и современные животные и растения названы именем А.Л. Чекановского. В 1875 году отважный исследователь открыл и описал невысокий горный кряж между низовьями рек Лены и Оленька протяжённостью 320 км. По предложению Э.В. Толля, Русское географическое общество присвоило этому кряжу имя его первооткрывателя. Так на карте Северной Якутии появилось название «кряж Чекановского» — дань уважения подвигу выдающегося путешественника и исследователя.

В 1983 году исполняется 150 лет со дня рождения А.Л. Чекановского. В связи с этим было бы желательно установить мемориальную доску в память о Чекановском в посёлке Усть-Оленёк, где были завершены его Оленёкские экспедиции.

Николай Данилович ЮРГЕНС, Адольф Егорович ЭЙГНЕР

А. Е. Эйнер

Н. Д. Юргенс

В наше время не вызывает удивления, что на побережье и островах Северного Ледовитого океана живут и работают тысячи людей, несущих круглогодичную научную вахту на больших и малых полярных станциях, в радиометеорологических центрах, геофизических обсерваториях и даже на научных станциях, располагающихся на дрейфующих льдах Арктического бассейна. Полярники накопили огромный опыт жизни и работы в высоких широтах и, что не менее важно, приспособились к жизни в неблагоприятных условиях Арктики.

Создать условия для нормальной научной работы на полярных станциях дело непростое даже в наше время, ещё более сложным оно было сто лет назад, когда были организованы две первые отечественные полярные станции: одна на острове Новая Земля, другая — на острове Сагастырь в дельте реки Лены. Начальником Сагастырской полярной станции был назначен поручик корпуса флотских штурманов Николай Данилович Юргенс. Его помощником был кандидат математики астроном-магнитолог Адольф Егорович Эйгнер. Кроме того, для работы на станции Академией наук был командирован доктор медицины Александр Александрович Бунге.

В 1882-1883 годах был проведён Первый Международный полярный год (1 МПГ). Его задача заключалась «в исследовании полярных и смежных стран в физическом отношении и в особенности по метеорологии и земному магнетизму, по одному общему плану, выработанному на основании международного соглашения» (60, с. 100-101).

По программе I МПГ Русское географическое общество устроило две вышеуказанные станции. Морское министерство командировало в распоряжение общества двух «высокообразованных офицеров, проявивших себя как серьёзные научные работники в области геофизики и гид-

рографии» — Н.Д. Юргенса и А.Е. Эйгнера. Деятельное участие в организации станции приняли Петербургская академия наук, Главная физическая обсерватория, Пулковская астрономическая обсерватория и некоторые другие научные учреждения.

15 декабря 1881 года Н.Д. Юргенс в сопровождении А.Е. Эйгнера, А.А. Бунге и двух кронштадтских матросов, ранее зимовавших на Новой Земле, покинули Петербург и направились в далёкий и долгий путь к устью великой сибирской реки Лены. В наше время ленинградец, направляющийся на работу в бухте Тикси в устье Лены, затрачивает на весь путь около 10 часов лётного времени. Изнурительный переезд Юргенса и его спутников занял полные восемь месяцев.

В Якутске, куда Усть-Ленская экспедиция прибыла в начале июня 1882 года, под наблюдением Юргенса был построен разборный дом станции и павильон для астрономических наблюдений, здесь же был скомплектован полуторагодовой запас продовольствия — муки, солёного, копчёного и вяленого мяса, соли, масла и других продуктов. Общий вес грузов составил 8 тысяч пудов. Здесь же был окончательно скомплектован научный и вспомогательный состав экспедиции. В состав научного персонала вошли грамотные и знавшие ремёсла казаки Якутского казачьего полка Андрей Большев, Тимофей Шахурдин, Семён Корякин и Антон Попов. Они служили переводчиками и работали метеонаблюдателями. В качестве лоцманов и строительных рабочих были наняты 24 якута из Жиганского и Намского улусов.

20 июня Якутск провожал участников экспедиции. Плавание по Лене на четырёх баржах длилось 50 дней. 10 августа, преодолев бесчисленные тяготы и трудности, экспедиция прибыла к конечной цели — остров Сагастырь. Бунге выбрал сухое ровное песчаное место для строительства станции. Оно располагалось в южной части острова на берегу протоки, доступной для подхода баржи.

В строительстве станции участвовали все работники экспедиции. Всё это время они жили на баржах, в сырых неотопливаемых каютах. Погода стояла холодная и ветреная с частыми снегопадами и дождями, и люди не имели возможности ни согреться, ни отдохнуть. Особенно тяжело доставалось Юргенсу, которому, помимо руководства всеми работами по строительству станции, приходилось и класть печи, и приводить в порядок приборы, особенно пострадавшие во время шторма в районе острова Тас-Ары в низовьях Лены.

С конца августа начались обильные снегопады, и вскоре тундра покрылась сплошным снежным покровом. В ночь с 6 на 7 сентября плавающий лёд смёрзся, и во всех протоках установился неподвижный ледяной покров, настолько прочный, что уже через два дня на станцию по льду приехали несколько якутов на собачьих упряжках. «Зрелище, — отмечает Юргенс, — для нас до того невиданное» (131, с. 5).

В начале сентября дом был построен, и все участники экспедиции переселились в сухие и тёплые помещения. «Мы перебрались в дом, — пишет А. Бунге, — как раз вовремя, так как бури со снежными метелями делались всё чаще и сильнее, и дальнейшее пребывание на баржах при столь скверных условиях могло повлечь за собой серьёзные болезни; теперь мы отделались лишь насморком и лёгким ревматизмом» (15, с. 24).

С 1 сентября были начаты ежечасные метеорологические наблюдения по полной программе МПГ. В начале они велись Эйгнером и Бунге. Несколько позже, после соответствующей подготовки, эти наблюдения были возложены на матросов и казаков, и только наблюдения в основные сроки (7, 13, 21 час) по-прежнему выполнялись Эйгнером и Бунге.

Геофизические наблюдения по программе МПГ были начаты только 17 октября, так как магнитные приборы во время шторма на Лене были испорчены и отсырели. Только благодаря искусству Юргенса, они были исправлены и приведены в рабочее состояние. Дополнительные трудности принесли частые и сильные магнитные бури, затруднявшие регулирование приборов. Кроме основных видов наблюдений Юргенс, Эйгнер и Бунге занимались сбором орнитологических коллекций и сбором этнографических сведений.

В конце октября участники экспедиции надолго распрощались с солнцем — наступила полярная ночь. «Многие путешественники, — писал Юргенс, — говорят о тяжёлом впечатлении, которое полярная ночь производила на них. Без сомнения, обилие обязательных занятий было причиной, что для нас она прошла незаметно» (131, с. 14).

На станции имелась небольшая, но хорошо подобранная библиотека, и в свободные часы полярники много читали. В зимнее время из Якутска раз в месяц приходила почта, доставлявшая письма, газеты и журналы.

У работников полярной станции сложились хорошие отношения с жителями якутских селений в дельте Лены, в первую очередь с жителями села Кетях, расположенного на острове Сагастырь, в 23 км от станции. Жители этого села помогали работникам станции в заготовке дров, промысле диких оленей и уток. На длинную полярную зиму требовалось много дров. «Тогда мы пользовались плавником, лежавшим тут же под рукой, — пишет Юргенс. — С наступлением зимы его занесло мощным слоем снега и доставать оттуда сделалось невозможным. И тогда местные жители взялись помочь нашему горю и бесплатно доставили топлива в таком количестве, что его хватило до конца зимы. Вообще, с самого прибытия нашего они охотно оказывали нам различные услуги» (131, с. 251-252). Со своей стороны и работники станции не отказывали местному населению в разного рода услугах. Особенно много в этом отношении сделал врач Бунге, лечивший страдавших распространёнными в то время среди якутов глазными и кожными болезнями. «Ему было немало дела за приготовлением лекарств, — пишет Юргенс. — Больные приезжали иногда издалека, — с устьев Оленька, Анабары и Яны». (Там же).

С появлением солнца и увеличением продолжительности дня усилились холода. В феврале в течение двух недель температура воздуха устойчиво держалась около -50° . 7 февраля была зафиксирована наиболее низкая температура ($-52,3^{\circ}$). Но в марте заметно потеплело, хотя всё же и в это время термометр лишь изредка поднимался до -25° . 14 мая температура воздуха впервые поднялась выше нуля, прилетели первые гуси.

...Приближалось время отъезда. Но 2 апреля 1883 года Юргенс получил с последней в ту зиму почтой из Якутска телеграмму председателя Русской полярной комиссии Р.Э. Ленца, который предлагал продлить работу станции до лета 1884 года. Целесообразность продления работы диктовалась тем, что окончание полярного года совпадало с закрытием навигации на Лене, а переезд с большим грузом из Сагастыря в Якутск по зимнему пути был мало приемлем.

Предложение Ленца было принято участниками экспедиции с радостью, о чём Юргенс и сообщил в Русское географическое общество. В связи с этим обстоятельством, якутские власти позаботились о пополнении на станции продовольственных и других необходимых запасов.

Весной и летом 1883-1884 годов Юргенс, Эйгнер и Бунге совершили ряд дальних поездок, во время которых они определили несколько астрономических пунктов и выполнили магнитные наблюдения, составили карту дельты Лены. В марте-апреле 1884 года Бунге произвёл раскопку трупамамонта, найденного в 1883 году старостой Туматского наслега Алексеем Ачкасовым в 35 км от станции.

С 12 марта по 17 апреля 1884 года А.Е. Эйгнер совершил поездку для определения астрономических и магнитных пунктов от Сагастыря до Усть-Янска.

Вторая зимовка на острове прошла вполне благополучно. «Опять, — писал Бунге, — началась монотонная, правильная жизнь по часам, минутам и секундам... Всё шло своим чередом, как и в прошлом году; таким однообразием мы, однако, вовсе не тяготились» (15, с. 56).

После отъезда участников экспедиции в июне 1884 года А. Бунге некоторое время ещё продолжал обследование мест, где по сведениям местных жителей находились трупы мамонтов, и уже по зимнему пути через Булун, Усть-Янск и Верхоянск выехал в Якутск, куда прибыл только в начале декабря 1884 года, когда его товарищи уже были в Петербурге.

Результаты работ Сагастырской полярной станции были весьма значительны. Сотрудники станции впервые в этом районе выполнили длительный ряд стационарных магнитных, метеорологических и гидрологических наблюдений. Очень интересные результаты дала обработка магнитных наблюдений. Выяснилось, что в этом районе наблюдаются значительные изменения основных элементов магнитного поля.

Метеоролог и климатолог А.А. Каминский в своей статье «Этапы организации сети метеорологических станций в Якутии» (1928 г.) отметил, что «Наблюдения Сагастырской станции положили основу изучению климата северного побережья Азии и, несмотря на то, что они продолжались недолго, они дали весьма ценный материал для освещения важных климатологических проблем» (28).

На большом пространстве, от устья реки Оленёк на западе до устья реки Яны на востоке, участники экспедиции провели более 20 маршрутных магнитных наблюдений и определений астрономических пунктов; обследовали и положили на карту дельту реки Лены, наиболее полную и точную из всех карт этого района, имевшихся в дореволюционной России.

Усть-Ленская экспедиция Н.Д. Юргенса обогатила знание природы полярной области, уточнила и пополнила представления о её климате и геофизическом режиме, накопила большой опыт стационарных научных наблюдений в экстремально суровых условиях Арктики, «внесла первоначальный вклад в изучение циркуляции атмосферы, проблемы которой полностью не решены и до сих пор» (41, с. 72).

Русское географическое общество придало исследованиям Николая Даниловича Юргенса огромное значение и в 1885 году наградило его Константиновской медалью.

Эдуард Васильевич ТОЛЛЬ

К числу замечательных полярных исследователей конца прошлого столетия, положивших начало комплексному изучению природы Арктики, относится Э.В. Толль.

Эдуард Васильевич Толль родился 2 марта 1858 года в городе Ревеле (ныне Таллин). Ещё студентом естественно-исторического факультета Юрьевского университета, Толль проявил особый интерес к геологии, географии и биологии. По окончании университета Толль был приглашён в экспедицию профессора зоологии М. Брауна по Средиземному морю. По возвращении из этого путешествия он защитил диссертацию по зоологии и был оставлен в Юрьевском университете.

Академик Ф.Б. Шмидт, интересовавшийся исследованиями северных районов Сибири, внёс в 1883 году в Академию наук проект организации большой двухлетней полярной экспедиции для «исследования побережья Ледовитого моря в Восточной Сибири, преимущественно от Лены по Яне, Индигирке, Алазее, Колыме и пр., в особенности больших островов, лежащих в не слишком большом расстоянии от этого берега и получивших название Новой Сибири» (19, с. 9). Проект был одобрен и по ходатайству президента Академии наук 17 января 1884 года правительство разрешило снарядить экспедицию в Прианский край и на Новосибирские острова. Руководителем экспедиции был назначен геолог А.А. Бунге — один из активных сотрудников Сагастырской полярной станции.

О снаряжении экспедиции неперенный секретарь Академии наук К.С. Веселовский сообщил в годовом отчёте о деятельности Академии наук на заседании 29 декабря 1884 года: «Для полярных экспедиций, сопряжённых с поездками по неровным и ненадёжным морским льдам, требуется от путешественника не одна только научная подготовка, но и готовность переносить всякие невзгоды и лишения, даже подвергаться многочисленным опасностям для жизни. Ныне Академия наук может считать себя счастливой, что, наконец, выискались лица, соответствующие этим условиям и готовые в преданности своей интересам науки на всякие лишения и трудности полярного путешествия». Веселовский назвал этих лиц: «...доктор А.А. Бунге, зарекомендовавший себя двухгодичным пребыванием на устье реки Лены, человек весьма учёный, и кандидат зоологии Э.В. Толль, уже подготовленный к предстоящим ему трудам поездкою своею в Средиземное море» (19, с. 10-11).

В декабре 1884 года Толль выехал из Петербурга в Иркутск, чтобы встретиться там с начальником экспедиции А.А. Бунге, приехавшим к тому времени с дельты реки Лены. 6 марта 1885 года Бунге и Толль выехали из Иркутска и 30 апреля прибыли в Верхоянск — исходный пункт путешествия.

На Э.В. Толля было возложено геологическое исследование берегов всей реки Яны и склонов Верхоянского хребта. Верхом на лошади из Верхоянска Толль выехал 16 мая и двинулся по левому берегу Яны. 24 мая он достиг устья речки Улу-Тумул (левый приток Яны), в 390 км от Верхоянска. Поскольку Яна ещё была скована льдом, Толлю пришлось возвращаться опять же по пройденному маршруту и 7 июля прибыл в Верхоянск. После короткого отдыха Толль решил совершить геологическую экскурсию на реку Холбуй (правый приток Бытантая), на левом берегу которой в 1877 году якутом Н. Гороховым был найден труп носорога.

Толль поднялся на лошадях вверх по реке Дулгалах до её истоков, оттуда через хребет Эндыбал перешёл к реке Бытантай (левый приток Яны). 24 июня Толль исследовал обрыв, в котором находился труп мамонта и пришёл к выводу, что труп сначала находился в старом русле реки, а затем был перенесён водой в нижнюю террасу реки. За 40 дней трудного путешествия на Холбуй Толль прошёл более 1500 вёрст. 26 июня он отправился на Яну.

30 июня Толль присоединился к Бунге и спустился вместе с ним на лодке по Яне. По пути им удалось подробно обследовать берега реки. 20 августа путешественники достигли села Казачьего, где экспедиции надлежало провести первую зимовку. До наступления морозов Бунге посетил устье Яны, а Толль исследовал прибрежную тундру до губы Буор-Хая и оттуда, перевалив Хара-Улахский хребет, достиг села Булун на реке Лене. В конце октября Бунге и Толль вновь встретились в Казачьем.

Во время зимовки участники экспедиции тщательно подготовились к предстоящей трудной поездке на Новосибирские острова: были организованы продовольственные базы (депо) у мыса Святой Нос, заготовлены транспортные средства, проверены приборы.

С наступлением светлых дней Бунге и Толль совершили ряд экскурсий в окрестностях Казачьего. 12 марта 1886 года Толль предпринял поездку на речку Буор-Юрях для производства раскопок остатков мамонта, найденного эвенком Осипом Слепцовым ещё в 1863 году. Поездка длилась 40 дней. 20 апреля Толль вернулся в Казачье.

Первого мая Толль в сопровождении каюров-якутов Семёна Корякина и Ивана Боярского отправился на Новосибирские острова. Через девять часов путешественники ступили на Большой Ляховский остров, где в ожидании Бунге они совершили геологические экскурсии. На южном берегу острова Толль исследовал мощные обнажения ископаемого льда.

Воспользовавшись случаем, что его сопровождал Боярский, который в 1860 году видел труп целого мамонта на северо-западном берегу Большого Ляховского острова, Толль решил исследовать это место. Когда он прибыл туда, мамонта уже не было: он был вымыт морским прибоем. Изучив местонахождение мамонта, Толль сделал вывод об интенсивности разрушения морского берега. 13 мая Толль отправился на остров Котельный.

16 мая Толль и Бунге встретились на юго-западном берегу острова Котельный. После обсуждения плана работ по исследованию Новосибирского архипелага, они решили разбиться на две группы. Первая группа во главе с Бунге должна была исследовать острова Котельный и Большой Ляховский. Второй группе во главе с Толлем надлежало исследовать острова Фаддеевский и Новую Сибирь.

Летом и осенью 1886 года Бунге исследовал Большой Ляховский остров, где он обнаружил местонахождение послетретичных млекопитающих. С 18 мая по 13 июня Толль посетил все вышеперечисленные острова. По пути с Котельного на остров Фаддеевский, он подробно исследовал песчаную область (по-якутски «Улахан-Кумах», что значит «страна большого песка») и назвал её «Землёй Бунге» в честь А.А. Бунге. Толль также установил, что северо-западная оконечность острова Фаддеевского сильно вытянута на северо-запад и назвал её «Стрелкой Анжу» в честь П.Ф. Анжу. На острове Новая Сибирь Толль открыл небольшой хребет и назвал его «хребтом Геденштрома» в память первого исследователя этого острова М.М. Геденштрома. На этом же острове Толль обнаружил залежи бурого угля. С 1 июля по 18 августа неутомимый путешественник объехал на нартах по берегу почти весь остров Котельный. 13 августа, находясь на северо-западном берегу острова, Толль при совершенно ясной погоде увидел в направлении на северо-восток «контуры четырёх столовых гор, которые к востоку соединялись с низменной землёй». И он решил, что перед ним легендарная «Земля Санникова». Расстояние от острова Котельного до «Земли Санникова» Толль ориентировочно определил в 150-200 км.

С тех пор вся дальнейшая жизнь полярного исследователя была посвящена задаче достижения «Земли Санникова» или, как выразился профессор П.В. Виттенбург, «руководящей идеей его работ стало познание неведомой Земли Санникова» (19, с. 28). А сам Толль в своём дневнике называл эту землю «мечтой многих лет жизни». На основании геологических и палеонтологических предпосылок и личных визуальных наблюдений Э.В. Толль считал вполне вероятным существование ещё неоткрытых островов к северо-востоку и северо-западу от острова Котельного.

С 21 августа по 20 октября Э.В. Толль занимался исследованием юго-западной оконечности острова Котельного. Здесь он обнаружил небольшой хребет и назвал его «хребтом Шмидта» в честь своего учителя академика Ф.Б. Шмидта. 6 ноября на Большом Ляховском острове состоялась встреча Толля с группой Бунге. Отправившись вместе, путешественники 10 ноября достигли материка, а через неделю вернулись в Казачье.

Проехав 12 тысяч километров, Э.В. Толль 28 января 1887 года прибыл со всем научным материалом в Петербург, причём 8 тысяч километров пути он проехал на санях. Спустя два месяца прибыл в Петербург и начальник экспедиции Бунге после пятилетнего пребывания на севере Якутии. Путешественников тепло встретила научная общественность — Академия наук и Географическое общество.

В мае 1887 года состоялось заседание Полярной комиссии Академии наук, на котором А.А. Бунге и Э.В. Толль доложили о результатах работ экспедиции. Свой доклад Толль закончил словами: «Мы, русские, пользуясь опытом наших предков, уже по географическому положению лучше всех других наций в состоянии организовать экспедиции для открытия архипелага, лежащего на север от наших Новосибирских островов, и исполнить их так, чтобы результаты были и счастливы и плодотворны (19, с. 30).

С 1895 года Э.В. Толль не раз выступал в печати и на собраниях различных научных обществ с проектом посылки экспедиции на «Землю Санникова».

В январе 1890 года Академия наук предложила Э.В. Толлю принять на себя руководство экспедицией для исследования бассейнов Яны, Индигирки и Колымы. Но по состоянию здоровья Толль отказался от предложения Академии наук. И тогда геолог И.Д. Черский согласился вместо Толля отправиться в четырёхгодичную экспедицию на северо-восток Якутии.

После смерти И.Д. Черского Академия наук вторично предложила Толлю возглавить экспедицию в Якутию. Учёный согласился.

В 1893-1894 годах состоялась вторая арктическая экспедиция Э.В. Толля. Её главной задачей было исследование местонахождения трупа мамонта, найденного Михаилом Санниковым на берегу речки Санга-Юрях (к востоку от устья Яны), и доставка его в Петербург. В случае успешного выполнения этой задачи Толлю разрешалось расширить программу экспедиции за счёт исследования бассейна реки Анабара и Новосибирских островов.

Перед самым отъездом из Петербурга Толль получил письмо от Нансена. Знаменитый норвежский полярный исследователь просил Толля организовать на Новосибирских островах продовольственные базы

(депо) для своей предстоящей экспедиции к Северному полюсу: на случай, если «Фрам» будет раздавлен льдами и экипажу придётся добираться до Новосибирских островов.

6 января 1893 года экспедиция Э.В. Толля выехала, из Петербурга. В состав экспедиции входили: лейтенант военно-морского флота Евгений Иванович Шилейко — геодезист-гидрограф и астроном, и четыре рабочих из села Казачьего, из которых два — Василий Дьяконов (по прозвищу Джергели) и Наум Егоров (по прозвищу Омунджа) — работали проводниками в экспедиции 1885-1886 годов.

7 марта Толль и Шилейко благополучно прибыли в Якутск, а оттуда через Верхоянск направились в село Казачье, куда прибыли 8 апреля. Попутно велись астрономические, магнитные, барометрические и метеорологические наблюдения.

12 апреля Толль вместе с Михаилом Санниковым отправился к местонахождению трупа мамонта. К сожалению, ожидания Толля не оправдались: были обнаружены только небольшие остатки кожи, покрытые шерстью, части конечностей и нижняя челюсть ископаемого животного. В связи с этим отпало основное назначение экспедиции, и Толль решил до окончания зимы совершить поездку на Новосибирские острова.

С 2 мая по 7 июня Толль и Шилейко обследовали три острова — Малый Ляховский, Большой Ляховский и Котельный. На них были устроены три депо для экспедиции Нансена.

Со второй декады июня Толль и его спутники приступили к исследованию побережья к западу от Святого Носа. 24 июня они прибыли в село Булун. Это было невероятно трудное путешествие: верхом на оленях Толль и Шилейко, преодолев около 1200 вёрст, проехали через хребет Хара-Улах на Лену.

Отдохнув несколько дней в Булуно, участники экспедиции спустились на лодках вниз по Лене, исследовали её дельту, и далее по Оленёкской протоке направились к устью Оленька. 20 августа путешественники добрались до села Усть-Оленёцкого. Здесь Толль исправил крест на могиле Марии и Василия Прончищевых и укрепил доску с надписью «Герою и героине Прончищевым».

24 августа на пятидесяти вьючных и верховых оленях экспедиция тронулась на запад — к устью реки Анабар. Через восемь дней она до-

стигла Анабарской губы. «Целый месяц стояла отличная погода. — писал в своём дневнике Толль. — До 2 октября почти все дни без исключения было ясное небо и тепло. Поэтому лейтенанту Шилейко удалось магистральной съёмкой снять Анабарскую губу и течение реки Анабар до границы лесов, до устья притока Уджа, на протяжении около 400 вёрст. Съёмка была выполнена пятью астрономически определёнными пунктами, на которых произведены также магистральные и магнитные наблюдения» (19, с. 44). Во время этого путешествия Толль впервые дал орографическое описание кряжа, протягивающегося вдоль побережья моря Лаптевых, между устьем Оленька и Анабарской губой, и назвал его «кряжем Прончищева» в честь В.В. Прончищева.

В начале сентября Толлю пришлось вернуться в Булун. Здесь он занимался отправлением геологических, палеонтологических и других коллекций в Петербург, получил почту из Якутска. 25 сентября Толль прибыл в урочище Дороха на Анабаре. 30 сентября он расстался с Шилейко, который отправился на оленях к низовью Хатанги. 16 октября Толль на оленях добрался до Булуна.

26 октября Толль снова отправился на запад и 5 ноября вернулся в урочище Дороха. Отсюда началось очень интересное, но трудное путешествие на Хатангу. 16 ноября Толль в селении Хатанга встретился с Шилейко. Отдохнув несколько дней, неутомимые путешественники отправились домой: 26 ноября они достигли села Дудинки на Енисее, 4 ноября — Туруханска, 16 декабря — Енисейска, 8 января 1894 года — Петербурга.

Вторая арктическая экспедиция Э.В. Толля закончилась успешно. Ровно за год участники его прошли огромный путь длиной 25 тысяч вёрст, засняли маршрутной съёмкой более 4 тысяч вёрст, инструментальной съёмкой — 400 вёрст и определили 38 астрономических пунктов. По пути следования велись разнообразные научные наблюдения. Участниками экспедиции были собраны значительные палеонтологические, зоологические, ботанические и этнографические коллекции. Это позволило, писал Толль, составить общий эскиз географии и геологии обследованного севера Якутской области, получить более точные представления о направлении горных хребтов и их геологической структуре, ископаемой фауне, строении «каменного льда», выяснить ряд особенностей современного растительного и животного мира севера Якутии.

За успешное выполнение заданий второй арктической экспедиции Э.В. Толль и Е.И. Шилейко получили награды: в 1894 году им были присуждены Русским географическим обществом большие серебряные медали им. Н.М. Пржевальского; Академия наук наградила Толля денежной «премией, а норвежское правительство — орденом за самоотверженное содействие экспедиции Нансена.

17 апреля 1898 года состоялось заседание специальной комиссии Русского географического общества, посвящённое исследованию Северного Ледовитого океана, на котором присутствовали адмирал С.О. Макаров, академик М.А. Рыкачев и другие видные деятели науки, а из почётных гостей — Ф. Нансен. На заседании с докладом об исследовании «Земли Санникова» выступил Э.В. Толль. Он ещё раз высказался в пользу мысли о существовании земли к северу от Новосибирских островов и предложил проект достижения этой земли на судне.

Выступившие на заседании учёные поддержали предложение Толля об организации Русской полярной экспедиции к «Земле Санникова». Вскоре на её осуществление правительством были отпущены средства в сумме около 150 тысяч рублей золотом. Академия наук назначила Э.В. Толля начальником этой экспедиции.

21 июня 1900 года Русская полярная экспедиция на судне «Заря» отправилась из Петербурга через Балтийское море и моря Северного Ледовитого океана к Новосибирским островам. В состав экспедиции, кроме её начальника, входили: лейтенант флота Н.Н. Коломейцев — геодезист и метеоролог, А.А. Бялыницкий-Бируля — зоолог, кандидат наук Ф.Г. Зееберг — астроном и магнитолог, врач Г.Э. Вальтер — бактериолог и зоолог, Ф.А. Матисен — судоводитель-капитан, метеоролог и геодезист. Начальником вспомогательной санной партии по устройству продовольственных складов на Новосибирских островах был назначен геолог К.А. Воллосович.

11 сентября 1901 года «Заря» находилась в 28 милях к западу от острова Беннетта. Толль решил достичь этого острова и там перезимовать. Однако остров был опоясан сплошным паковым льдом толщиной до 4,2 м. После нескольких попыток пробраться к этому острову Толль принял решение: от достижения острова Беннетта на «Заре» отказаться и идти на юг в Нерпичью бухту на острове Котельном. 16 сентября «Заря» направилась в пролив между островами Бельковский и Котельный, который в честь яхты был назван Толлем проливом Зари. Вечером того же

дня «Заря» бросила якорь в бухте (лагуне) Нерпалах. Здесь состоялась встреча Толля с Воллосовичем.

Учитывая позднее время года, признаки ранней зимы, утомление экипажа и болезненное состояние Вальтера и Зееберга, Толль решил остаться на вторую зимовку (первая зимовка состоялась у западных берегов Таймыра. — С.М.) в бухте Нерпалах. Большие скопления плавника позволили соорудить несколько жилых домиков, метеостанцию и павильон для магнитных наблюдений. Все научные сотрудники экспедиции приступили к выполнению своих программных работ.

Мысль об исследовании «Земли Санникова» не покидала Толля. 20 октября он занёс в свой дневник: «Считал бы непростительным, если бы, находясь здесь, я не попытался разрешить вопроса о Земле Санникова». (19, с. 139).

Во время зимовки научные работники экспедиции совершили ряд дальних экскурсионных поездок: Толль — на побережье материка, Матисен — к северным берегам островов Котельного и Фаддеевского, А.А. Бялыницкий-Бируля — на остров Новая Сибирь.

Весной 1902 года, тщательно готовясь к поездке на остров Беннетта, откуда предстояло отправиться на поиски «Земли Санникова», Толль проявил особенную заботу о подборе надёжных проводников, и причём счёл долгом предупредить их о том, что может ожидать их или случиться во время путешествия. В своём дневнике Э.В. Толль писал: «Попытка (достичь «Землю Санникова. — С.М.) должна быть сделана, теперь вопрос упирается в выбор двух каюров-проводников, моих будущих спутников. Я должен их полностью ознакомить с положением дела, подготовить ко всем случайностям, чтобы они не слепо шли навстречу опасностям и чтобы в случае неудачи и больших лишений не падали духом. Без помощи промышленников мы потеряем на острове много времени на физической работе и, что ещё важнее, не будем в состоянии справиться вдвоём с собаками и четырьмя санями при весьма неблагоприятных ледовых условиях...» «Надеюсь также, что с помощью двух искусных промышленников удастся построить хотя бы маленькую поварню» (115, с. 241-242). Посоветовавшись с товарищами, в частности, с Василием Протодьяконовым (Джергели), Толль пригласил участвовать в предстоящей поездке якута Ноготского наслега Усть-Янского улуса

Василия Алексеевича Горохова и эвенка того же наслема Николая Семёновича Протодьяконова (он же Дьяконов) — членов вспомогательной санной партии К.А. Воллосовича.

Когда Толль вызвал их к себе в каюту на «Заре» и рассказал, «отнюдь не в розовых красках», куда и с какой целью он намерен идти, какие трудности и лишения их ожидают и что в случае неудачной охоты, может, придётся питаться даже собаками, оба без колебаний согласились сопровождать Толля и Зееберга в предстоящем опасном путешествии.

3 июня Толль передал капитану «Зари» Ф.А. Матисену пакет с надписью: «Открыть в случае гибели экспедиционного судна и возвращения без меня экипажа на материк или в случае моей смерти». В тот же день Толль написал телеграмму семье: «Сегодня отправляюсь к острову Беннетта. Всё благополучно. Прошу тебя не беспокоиться, если «Заря» нас оттуда не снимет. Я надеюсь до зимы вернуться на Новую Сибирь и зимой на материк, а если нужно, перезимуем на Беннетте; нам одни птицы дадут годовой запас мясного провианта. В последнем случае вернусь с Беннетта в мае будущего года на Новую Сибирь и летним путём по тундре со Святого Носа до Булуна, так что в сентябре буду в Якутске. Подробности в письме. До свидания. Эдуард» (19, с. 163).

5 июня 1902 года Э.В. Толль с тремя спутниками — астрономом Ф.Г. Зеебергом, проводниками-каюрами Василием Гороховым и Николаем Протодьяконовым оставил «Зарю» и отправился по льду к острову Беннетта, надеясь затем достигнуть «Землю Санникова». Толль и Матисен условились, что через три месяца «Заря» заберёт Толля и его спутников у мыса Эмма (остров Беннетта).

Во второй половине августа Матисен прилагал все усилия к тому, чтобы снять партию Толля с острова Беннетта. Из-за тяжёлых ледовых условий и недостатка угля Матисен был вынужден прекратить дальнейшие попытки пробиться к острову и 5 сентября «Заря» направились в бухту Тикси. Отсутствие угольной базы на острове Котельном и в устье реки Лены лишало возможности провести третью зимовку, как это предусматривал Толль.

Долго не было никаких вестей от партии Толля. Всё оставалось неизвестно и загадочно, пока одна из спасательных партий, которой руководил енисейский промышленник Никифор Бегичев, 4 августа 1903 года не достигла острова Беннетта. Здесь в бухте Эмма она обнаружила кол-

лекции и документы Э.В. Толля. Тогда только выяснилось, что 21 октября 1902 года, не рискнув зимовать на острове, Толль со своими спутниками решил вернуться на остров Котельный. Это были последние сведения об отважных исследователях Арктики.

Две спасательные партии — морская и сухопутная, снаряжённые Академией наук в 1903 году, тщательно обследовали район Новосибирских островов и морское побережье от Хатанги до Колымы. В январе 1904 года Комиссия Академии наук на русском, французском, немецком, английском и шведском языках опубликовала объявление о назначении премии за отыскание всей партии Толля или её части. Такие объявления были посланы местным властям Таймыра, Якутии и Чукотки, а также обнародованы в Великобритании, Франции, Италии, Германии, Швеции, Норвегии, США и Канаде. Несмотря на все эти меры, нигде следов Толля и его спутников не обнаружили, и 22 ноября 1904 года Комиссия по снаряжению Русской полярной экспедиции пришла к выводу, что всех членов партии Э.В. Толля нужно считать погибшими. По-видимому, они погибли во время перехода на юг по неокрепшему льду или попали в полынью. Проявив незаурядную смелость в раскрытии тайн Арктики, Толль и его спутники пожертвовали своей жизнью, оставшись в памяти потомков примером исключительного мужества и преданного служения науке. В расцвете творческих сил, в возрасте 44 лет, трагически прервался жизненный путь самоотверженного исследователя Арктики Эдуарда Васильевича Толля.

«Русскую полярную экспедицию, — пишет П.В. Виттенбург, — давшую под руководством Э.В. Толля в самом начале XX века такие значительные научные результаты, следует признать героическим подвигом, особенно, если принять во внимание, что в те времена не было ни радиосвязи, ни радиолокации, ни полярных станций, ни ледовой разведки, ни вездеходов и аэросаней, ни самолётов, что судно не имело даже необходимого запаса угля» (19, с. 231).

«Я должен, — писал Э.В. Толль, — внести свою лепту, вписать несколько букв и знаков, чтобы разгадать огромную, труднодоступную и с трудом читаемую книгу о законах природы. По меньшей мере я должен собрать материал для изучения его лучшими знатоками этих законов» (19, с. 192).

Э.В. Толль внёс выдающийся вклад в науку, вписал множество «букв и знаков», чтобы разгадать тайны «огромной и труднодоступной» Арктики.

Исключительно богаты по содержанию геологические, картографические, географические и многие другие материалы трёх арктических экспедиций Э.В. Толля. Эти материалы, изданные Академией наук, составили семь томов. Исследования, проведённые Толлем и его спутниками, посвящены вопросам географии, геологии, геокриологии, гляциологии, ботаники и зоологии таких удалённых и труднодоступных районов Арктики, как Таймырский полуостров, Якутский Север от Хатанги до Яны и Новосибирских островов.

Э.В. Толль внёс существенный вклад в изучение орографии и геологической структуры Верхоянского, Хара-Улахского, Куларского и других крупных и малых горных сооружений Якутии. Он был первым исследователем, установившим древнее оледенение на севере Азиатского материка (Таймыр, Якутия). Э.В. Толль — основоположник учения о формировании подземных (ископаемых) льдов — учения, ставшего классическим.

«Имя Э.В. Толля, — пишет его биограф П.В. Виттенбург, — должно стоять в одном ряду с такими именами русских путешественников, как Ф.Ф. Беллинсгаузен, М.П. Лазарев, и особенно с именем великого гуманиста Н.Н. Миклухо-Маклая, взаимоотношения которого с папуасами Новой Гвинеи основывались на глубоком уважении их человеческого достоинства, что было очень характерно и для Толля в его взаимоотношениях с народами Севера» (19, с. 231).

Благодаря своему гуманному и искренне дружескому отношению к коренным жителям Севера Э.В. Толль заслуженно пользовался всеобщим уважением и любовью. Якуты, эвенки, юкагиры и эвены, с которыми Толль постоянно делил и радость, и горе, были ему глубоко преданы и признательны.

В отчёте о второй экспедиции, представленном Академии наук, Э.В. Толль писал: «Нельзя не любить коренных жителей побережья Ледовитого океана, нельзя нам особенно не вспоминать их с чувством благодарности за гостеприимство и безукоризненно хорошие отношения к нам» (60, с. 114).

Имя Э.В. Толля носят многие географические объекты в Арктике. Только на карте Якутии их семь: гора Толля на острове Бенетта, река

Толлиевая на острове Котельном, ледник Толля на Буордахском массиве и другие. Имя Толля также присвоено одному из гидрографических судов Северного морского пути. А, главное, имя Э.В. Толля — истинного патриота своей Родины, одного из выдающихся деятелей науки, отдавших всю свою жизнь исследованиям полярных областей, глубоко запечатлено в памяти народной.

Иван Дементьевич ЧЕРСКИЙ, Мавра Павловна ЧЕРСКАЯ

И. Д. Черский

М. П. Черская

И.Д. Черский — выдающийся русский геолог и географ, крупнейший исследователь Сибири последней трети XIX века. Ему принадлежат важнейшие работы по геологии и географии Прибайкалья, Саяна и Якутии. Многие его труды не утратили своей ценности и до настоящего времени. Жизнь И.Д. Черского полна трагического величия. Единственной целью его жизни было служение Родине, науке.

Иван Дементьевич Черский родился 3 мая 1845 года в Литве. За участие в польском восстании 1863 года он был сослан в Омск. Здесь под влиянием политссыльного А.Л. Чекановского, с которым он познакомился на этапе, а позже — известного географа Г.Н. Потанина Черский самоучкой занялся геологией и географией. В 1869 году он освобождён по болезни и в 1871 году переехал в Иркутск, где прожил 14 лет. По заданию Сибирского отдела Русского географического общества Черский проводит обширные исследования в Прибайкалье и в горах Восточного Саяна.

Попав в Сибирь невольно, И.Д. Черский полюбил эту страну всей душой. В Иркутске он женился на простой русской девушке Мавре. Впоследствии Мавра Павловна (родилась в 1860 году) оказалась не только верной женой, но и незаменимой помощницей во всех начинаниях и свершениях мужа. Она отбирала образцы минералов и горных пород,

вела метеорологические наблюдения, увлечённо собирала зоологические и ботанические коллекции.

Жизнь И.Д. Черского в Сибири была полна напряжённейшей работы над собою, упорного накопления знаний и большого опыта. Энергия его неистощима, интересы его не знают границ. Черского привлекало всё — и геология, и география, и палеонтология, и зоология, и ботаника, и этнография. За высокую ценность научных работ он награждается серебряной, а затем золотой медалями Русского географического общества. В 1885 году И.Д. Черского, как «лучшего знатока геологии и палеонтологии Сибири», Академия наук пригласила на работу в Петербург.

И.Д. Черскому принадлежит идея учреждения научных станций (баз) и организации долгосрочных экспедиций на севере Якутии для изучения природы и охраны палеонтологических находок (трупов мамонтов, носорогов и других вымерших животных). Он предложил свои услуги для выполнения этой смелой идеи и добился поездки, несмотря на своё слабое здоровье.

В 1882-1892 годах Академия наук организовала геологическую экспедицию на северо-восток Якутии под начальством И.Д. Черского. Официально она именовалась: «Экспедиция Академии наук для исследования рек Яны, Индигирки и Колымы». Основной задачей экспедиции было освещение этого мало исследованного района в геологическом и общегеографическом отношении.

И.Д. Черский выехал из Петербурга 1 февраля 1891 года вместе с женой Маврой Павловной и двенадцатилетним сыном Александром, выполнявшим обязанности коллектора. Добравшись по железной дороге до Иркутска, где было окончательно завершено снаряжение экспедиции, Черские направились в Якутск.

11 января 1891 года, т.е. ещё задолго до выезда экспедиции из Петербурга, президент Академии наук обратился к якутскому губернатору с просьбой «оказать полное содействие экспедиции И.Д. Черского». Местные власти своевременно известили о предстоящей экспедиции население северо-восточной Якутии.

28 мая экспедиция прибыла в Якутск. Здесь к ней прикомандировали проводником и переводчиком казака Степана Иннокентьевича Расторгуева — участника многих научных экспедиций. 14 июня экспедиция вышла из Якутска на вьючных лошадях. Переправившись через Лену, Татту (у селения Уолбы) и Алдан (около устья Амги), путешественники

поднялись вверх по долине реки Хандыги. Перевалив Верхоянский хребет и, перейдя у села Оймякон реку Индигирку, экспедиция направилась дальше на северо-восток через хребет Тас-Кыстабыт. Преодолев хребты Улахан-Чистай и Тумус-Хая, она вышла к реке Зырянке и далее — к Колыме. 28 августа экспедиция прибыла в Верхнеколымск. Здесь предстояла зимовка почти на 9 месяцев — до вскрытия Колымы. Путь от Оймякона до Колымы путешественники преодолели всего лишь за 25 дней. «Этим мы обязаны деятельности и распорядительности нашего подрядчика, — пишет в своём отчёте Черский, — снабдившего нас новыми лошадьми и лично сопровождавшего наш караван, состоявший из 43 лошадей и 6 проводников» (124, с. 12).

В Верхнеколымске семья Черских вплотную занялась разбором многочисленных коллекций (минералогических, палеонтологических, ботанических, орнитологических и др.). Сам Черский приступил к составлению предварительного отчёта об исследованиях 1891 года. С 1 сентября Черские начали вести метеорологические наблюдения. В свободное от научных занятий время они живо интересуются жизнью и бытом местного населения. Колымчане полюбили доброжелательного русского учёного, хотя его работа не всегда была им понятна, но они чувствовали, что учёный, его жена и сын заняты полезным делом.

В письме академику Ф.Д. Плеске, направленном 6 февраля 1892 года из Верхнеколымска, Черский пишет, что «мне так и снятся берега Колымы, от которых я выжидаю много интересного в геологическом отношении, в особенности, что это уже область распространения ледяных пластов в наносных отложениях» (125, с. 234).

Во время зимовки И.Д. Черский успел произвести комплексное геолого-географическое описание пути от Якутска до Верхнеколымска, составил карту верхнего течения рек Индигирки и Колымы, а также Индигирско-Алданского водораздела. Эти и другие материалы были отправлены в Петербург 10 февраля 1892 года.

Суровая зима, отсутствие медицинской помощи подорвали и без того шаткое здоровье Ивана Дементьевича. Но он не отказался продолжить экспедицию. 31 мая 1892 года тяжело больного Черского на руках перенесли в карбас и положили под тентом. Началось плавание по суровой Колыме на двух карбасах.

Выезжая из Верхнеколымска, И.Д. Черский говорил местному священнику Василию Сучковскому: «При самых лучших условиях я надеюсь протянуть ещё недели три, но больше — вряд ли». Нужно было обладать исключительной настойчивостью в достижении намеченной цели, чтобы, зная безнадёжность своего положения, решиться продолжать путь! «Я сделал распоряжение, — продолжал он своему собеседнику, — чтобы экспедиция не прерывалась до Нижнеколымска даже в том случае, когда настанут мои последние минуты, и чтобы меня тащили вперёд и даже в тот момент, когда я буду отходить» (125, с. 346).

И.Д. Черский считал необходимым довести свой маршрут до Нижнеколымска, чтобы завершить исследование нижнего течения Колымы. В открытом листе, выданном 25 мая Черским на имя жены есть следующие строки: «В случае моей смерти, где бы она меня ни застигла, экспедиция под управлением моей жены, Мавры Павловны Черской, должна всё-таки ныне летом непременно доплыть до Нижнеколымска, преследуя главным образом зоологические и ботанические цели, а также те из геологических вопросов, которые доступны моей жене (простираение и падение пластов, правильная коллекция, изучение ледяных слоёв и т.п.)» (125, с. 299).

До 20 июня Черский ещё мог плыть в лодке, сидя на носу, и делал указания жене и сыну, осматривавшим береговые обнажения и утёсы, мимо которых они плыли. С 20 июня он обессилел настолько, что рука уже не держала карандаш. Все наблюдения вела Мавра Павловна, а записи в дневнике под диктовку отца или матери делал Александр. Но всё же Черский приказывал подплывать к берегу около каждого интересного обнажения.

Приводим ниже дневниковые записи М.П. Черской, сделанные за последние шесть дней жизни мужа.

«Июня 20. С сегодняшнего дня муж передал дневник мне, так как сам не в состоянии был вписывать наблюдения.

Июня 21. Сегодня мужу хуже.

Июня 22. Простояли из-за лоцмана и непогоды. Мужу хуже.

Июня 23. Мужу хуже, силы его совсем слабеют.

Июня 24. Боюсь, доживёт ли муж до завтра.

Июня 25. Всю ночь муж не мог уснуть, его мучили сильные спазмы... Пристать к берегу нельзя, потому что крутые яры... пошла кровь из носу.

Пристали в 3 ч. 30 мин. к речке Прорве. Муж умирает. Он скончался в 10 ч. 10 мин. вечера» (125, с. 286-289).

Мужество не оставляло И.Д. Черского до последней минуты. Умер он 25 июня 1892 года у устья реки Прорвы. Здесь из-за сильного ветра М.П. Черская и её спутники простояли три дня. 28 июня спустились до заимки Колымской (ныне село Колымское. — С.М.), расположенной на левом берегу Колымы против устья Омолона. 1 июля здесь похоронили И.Д. Черского. Первую ограду на могиле отца сделал его сын Александр. Местные жители приняли горячее участие в похоронах учёного.

Мавра Павловна, выполняя завещание мужа, мужественно довела экспедицию до Нижнеколымска, продолжала вести разнообразные наблюдения и дневник. В Нижнеколымске она тяжело заболела. Только глубокой осенью, по первому снегу на нартах с собачьей упряжкой, Мавра Черская с сыном, будучи больной, отправилась в Среднеколымск, а затем зимой 1893 года она вернулась в Якутск, а далее отправилась через Иркутск в Петербург. В Иркутске мужественная женщина сдала коллекции и дела экспедиции направленному ей навстречу Э.В. Толлю. В Петербург она доставила дневник мужа и картографические материалы.

По инициативе Сибирского отдела Русского географического общества в Якутске начался сбор пожертвований в помощь М.П. Черской. Но отважная путешественница категорически отказалась от помощи на том основании, что сможет на средства Академии наук и Географического общества добраться до Петербурга.

К сожалению, о дальнейшей судьбе Мавры Павловны Черской и её сына Александра Ивановича очень мало мы знаем. Некоторое время они жили в Петербурге. Мавра Павловна работала в Академии наук, Александр учился в Петербургском университете. А затем М.П. Черская переехала в Ростов-на-Дону, где в возрасте 80 лет умерла 18 декабря 1940 года. После успешного окончания университета А.И. Черский достойно продолжил дело отца: уехал на Дальний Восток и занимался зоологическими исследованиями. Так же, как и отец, Александр Иванович умер в экспедиции на Командорских островах в 1921 году.

Экспедиция И.Д. Черского как бы заново открыла огромную территорию северо-востока Сибири — Верхоянско-Колымскую горную страну. «Предварительный отчёт об исследованиях в области рек Колымы, Ин-

дигирки и Яны» И.Д. Черского, опубликованный в 1893 году, дал уникальные сведения о геологическом строении и географии Верхоянско-Колымского края. По существу до И.Д. Черского этот край не посещал учёный-геолог. Известный советский геолог С.С. Кузнецов отмечает, что «первые шаги, которые сделал исследователь, ознаменовались целым рядом геологических открытий. И.Д. Черский выяснил, что Верхоянский хребет сложен на западе нижним палеозоем, а на востоке — мощными толщами чёрных триасовых сланцев. Всё это были совершенно новые факты, и Черский приподнял завесу над таинственной страной, о геологии которой никто до тех пор ничего не знал» (49, с. 72).

Самым важным из географических открытий И.Д. Черского было следующее. Он обнаружил за Верхоянским хребтом три высоких горных цепи: хребет, названный им Тас-Кыстабытом, расположенный на правом берегу Индигирки выше Оймякона, хребты Улахан-Чистай и Тумус-Хая (ныне Момский хребет. — С.М.) на водоразделе Индигирки и Колымы. Указания Черского на северо-западное, а не северо-восточное (как рисовалось прежде на картах) простираение хребтов не были учтены картографами, и до экспедиции С.В. Обручева 1926 года на картах изображались те же радиальные хребты, только прибавляли к ним цепи, открытые Черским. «Если бы так трагически не оборвалась экспедиция И.Д. Черского, — пишет доктор географических наук, профессор Н.А. Гвоздецкий, — завеса над таинственной областью могла бы быть приподнята ещё в конце прошлого столетия» (24, с. 80).

В течение 35 лет после смерти И.Д. Черского экспедиции почти не заглядывали на юго-восток Верхоянско-Колымского края. Только в советское время удалось продолжить исследования Черского. Это и было сделано в 1926 году геологической экспедицией С.В. Обручева, открывшей на том месте, где на картах изображалась низменность, высокую горную цепь, точнее, целую горную страну.

На основе маршрута 1891 года и обобщения расспросных данных во время зимовки в Верхнеколымске И.Д. Черский составил «Карту верхнего течения рек Индигирки и Колымы, а также Индигирско-Алданского водораздела». На ней нанесены ранее неизвестные горные хребты и притоки Индигирки и Колымы. «На эту карту, — пишет Черский, — пользуясь расспросными сведениями, я нанёс многочисленные притоки Индигирки и верхнего течения Колымы, о существовании и последовательности которых до сих пор мы вовсе ещё не знали» (124, с.

35). Например, Черский уточнил положение реки Хандыги, которая изображалась на картах как приток Индигирки, а не Алдана.

В «Предварительном отчёте...» И.Д. Черского есть и другие новые географические сведения, например, о наледях. Путешественник встретил 19 наледей, из них 10 — в Верхоянском хребте и 9 — между Индигиркой и Колымой. «В распределении наледей, — примечает Черский, — оригинальным кажется то, что они всего более развиты на юго-западных склонах хребтов, в особенности в Верхоянском хребте» (124, с. 14).

В сборнике «Основные итоги биологических исследований в Якутской АССР», изданном Институтом биологии Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР (Якутск, 1969 г.) сказано: «В 1891 -1892 гг. экспедиция геолога И.Д. Черского собрала небольшие фаунистические материалы в северо-восточной Якутии. В частности, впервые (подчёркнуто нами. — С.М.) были добыты на р. Колыме розовые чайки, а в южной части Верхоянского хребта — нелётные птенцы монгольского зуйка, ником впоследствии на территории Якутии не найденного» (подчёркнуто нами. — С.М.). Значит, И.Д. Черский внёс большой вклад в орнитологию Якутии.

И.Д. Черский внимательно изучал жизнь и быт народов Якутии и оставил в своих трудах интересные этнографические заметки. С большой теплотой Черский писал об аборигенах, страдавших, как он в этом лично убедился» более от социальных зол, нежели от суровых условий Севера. Исходя из личных наблюдений, учёный пришёл к выводу, что жестокие морозы в верховьях Колымы, Индигирки и Яны не исключают возможности развития в этом крае земледелия. Вместе со своими спутниками он детально осмотрел огородное хозяйство в Верхнеколымске и Родчево, где получали сравнительно хороший урожай овощей, ячменя, конопли и гороха (124, с. 17-19). Отмечая вполне успешный опыт земледелия на Колыме, Черский утверждал, что «в южных частях интересующего нас края, до 67°10' с.ш., т.е. севернее полярного круга, огородничество, как равно и некоторое земледелие, — должны иметь великую будущность» (подчёркнуто нами. — С.М.). Необходимо только, чтобы занятия эти привились к здешним оседлым инородцам (якутам), для которых овощи, не говоря уже о cerealiaх [злаковые — OCR], были бы значительным подспорьем, даже спасением во время неудовлетворительного улова рыб» (124, с. 19).

Своим самоотверженным трудом и подвигом во имя науки И.Д. Черский заслужил глубокое уважение советских людей.

Незадолго до смерти, во время беседы с С.М. Шаргородским — жителем села Родчево, И.Д. Черский говорил: «Впрочем, смерть меня не страшит; рано или поздно ли, но всем одна дорога. Я могу только радоваться, что умираю в наших палестинах; через много-много лет какой-нибудь геолог найдёт, может быть, мой труп и отправит его с какой-нибудь целью в музей и таким образом увековечит мою память» (125, с. 345).

Желание И.Д. Черского увековечить свою память исполнилось, но иначе: «...его памятник — в 1000 километров длины, 300 километров ширины и до 3000 метров высоты; по площади больше Кавказа и выше всех гор Северной Сибири. Это, быть может, последний большой хребет, который можно открыть на земном шаре». Так закончил С.В. Обручев свою книгу о путешествии на Индигирку и открытии хребта Черского. В 1927 году Географическое общество Союза ССР присвоило имя И.Д. Черского этому крупнейшему горному хребту (точнее, целой горной системе) Сибири. Гора на северном склоне Догдо-Чемалгинского хребта горной системы Черского носит имя Мавры Павловны Черской.

В 1962 году по ходатайству трудящихся Нижнеколымского района Якутской АССР Президиум Верховного Совета РСФСР переименовал посёлок Нижние Кресты в посёлок Черский.

В Верхнеколымске, в доме, где в 1891-1892 годах жила семья Черских, 28 ноября 1968 года по инициативе Верхнеколымской районной комсомольской организации и районного клуба революционной, боевой и трудовой славы открылся дом-музей И.Д. Черского.

По инициативе Колымо-Индигирского пароходства на могиле И.Д. Черского в селе Колымском был воздвигнут гранитный обелиск. На нём прикреплена доска с барельефом учёного. Скромная надпись *на обелиске: «Выдающемуся исследователю Сибири, Колымы, Индигирки и Яны, геологу и географу Ивану Дементьевичу Черскому (1845-1892 гг.). От благодарных потомков» — напоминает нам об этом учёном-путешественнике, который до последнего вздоха, до последнего биения сердца пронёс мечту об открытиях и ей отдал свою прекрасную жизнь.

Константин Адамович ВОЛЛОСОВИЧ

К. А. Воллосович

К числу тех, кто своими многолетними экспедиционными исследованиями внёс большой вклад в познание природы Якутского Севера и Новосибирских островов относится Константин Адамович Воллосович.

К.А. Воллосович родился в 1869 году в Петербурге. Ещё студентом Петербургского университета Воллосович проявил особый интерес к геологии. По окончании университета он был приглашён в Геологический музей Академии наук. Здесь молодой учёный-геолог ряд лет изучал ледниковые отложения Европейского Севера.

В марте 1900 года К.А. Воллосович получил предложение Академии наук принять участие в Русской полярной экспедиции под руководством Э.В. Толля. Ему было поручено руководство вспомогательной партией экспедиции, которая имела задачу организовать на Новосибирских островах продовольственные базы (депо).

В конце октября 1900 года Воллосович выехал из Петербурга. В Верхоянске он привлёк к участию в работах вспомогательного отряда и для производства метеорологических наблюдений политических ссыльных — бывшего студента Варшавского университета Осипа Францевича Ционглинского и инженера-технолога Михаила Ивановича Бруснева.

В Усть-Янск К.А. Воллосович приехал 15 февраля 1901 года и сразу же приступил к комплектованию партии рабочими. 10 апреля партия во главе с Воллосовичем выехала из Усть-Янска в составе одиннадцати человек: Ционглинского, Бруснева и 8 каюров-промышленников.

Весной и летом партия Воллосовича успешно организовала на пяти островах Новосибирского архипелага семь продовольственных баз и два амбара для экспедиции Э.В. Толля, проверила и нашла в полном порядке склады (депо), устроенные Толлем в 1886 и 1893 годах. Кроме основной работы, Воллосович занимался геологическими исследованиями, собрал большую коллекцию морских четвертичных моллюсков (20-21).

14 сентября в лагуне Нерпалах (западный берег острова Котельный), где остановилась на зимовку «Заря», состоялась встреча Воллосовича с Толлем. Начальник экспедиции не ожидал встретиться с Воллосовичем, хотя, покидая Петербург, просил его направить на остров Котельный, в

Нерпичий залив, опытного якутского промышленника, с помощью которого можно будет получить и отправить почту, при этом упомянув, что был бы рад встретиться с Воллосовичем на Новосибирских островах.

К.А. Воллосович подробно ознакомил Толля с проделанной работой вспомогательной партии экспедиции. Но Толля особенно заинтересовало интересное сообщение Воллосовича о своих наблюдениях по геологии островов.

После встречи с Воллосовичем Толль разрабатывает новый план деятельности экспедиции на «Заре»: амбар, сложенный Воллосовичем, в два дня погружают на судно; тридцать прекрасных ездовых собак вспомогательной партии переходят в главный отряд; два каюра-промышленника, прибывшие с Воллосовичем, — Егор Чикачёв и Василий Горохов принимают участие в походе Э.В. Толля на остров Беннетта.

С приездом К.А. Воллосовича оживились беседы на научные темы в кают-компании «Зари». Он был темпераментным человеком и увлекательным рассказчиком, умел интересно ставить и разрешать научные проблемы. Много времени уделялось дебатам на темы о геологии Новосибирских островов, о жизни мамонтов и других животных, остатки которых находятся в четвертичных отложениях Севера Сибири. Предметом обсуждения не раз являлись проблемы «Земли Санникова» и Сибирской полынью.

С 20 сентября по 14 октября Толль и Воллосович совершили экскурсионные поездки по острову Котельному. Они обследовали обнажения с третичными растениями в западной части губы Нерпалах, ознакомились с обнажениями в верховьях реки Чукочьей и в нижнем течении реки Балыктаха, а также посетили обнажения вдоль западного берега острова Котельного.

В начале февраля 1902 года Толль и Воллосович отправились на материк. В Аджергайдахе им пришлось расстаться: Воллосович по состоянию здоровья был вынужден оставить экспедицию и направиться через Верхоянск, Якутск и Иркутск в Петербург. Э.В. Толль отмечал, что «Воллосович очень успешно выполнил свою сложную задачу», а результаты его геологических исследований «замечательны».

23 октября 1907 года житель Ламунхинского рода Устьянского улуса 85-летний эвен Василий Протодяконов (Джергели), бывший проводником и другом Э.В. Толля, в 300 верстах от села Казачьего на правом

берегу реки Санга-Юрях, впадающей в Омулляхскую губу моря Лаптевых, обнаружил сравнительно хорошо сохранившийся труп мамонта. Когда якутский губернатор сообщил об этой находке Академии наук, её неперенный секретарь академик С. Ольденбург в начале 1908 года послал в Якутск две телеграммы. В них он благодарил Протодияконова за его «внимание (к) интересам науки», сообщил, что Академия наук решила направить к месту находки экспедицию, возглавляемую геологом К.А. Воллосовичем, и убедительно просил якутские власти до её прибытия принять все меры к охране трупа мамонта.

К местонахождению трупа мамонта губернатор отправил верхоянского казака Турантаева, снабдив его особой инструкцией. В ней, в частности, предлагалось:

«1. По прибытии в Усть-Янск пригласить Джергели и вместе с ним выехать к месту нахождения мамонта, запастись всем необходимым для проживания на два месяца.

2. Разыскав труп мамонта, оставить его в том положении, в котором он находился; для сбережения от гниения и от расхищения песцами немедленно труп обледенить настолько, чтоб образовалась на обнажённых частях трупа толстая корка льда.

3. Труп мамонта охранять всё время до приезда на место экспедиции Воллосовича. К трупу не допускать никого из промышленников, под страхом строгой ответственности. В охране должен принять участие и Джергели, которому необходимо объявить, что за находку и за свой труд он получит хорошее вознаграждение. По прибытии на место экспедиции поступить в её распоряжение и действовать согласно указаниям членов экспедиции...» (60, с. 173).

9 февраля 1908 года экспедиция Академии наук в составе геолога К.А. Воллосовича и препаратора Е.В. Пфиценмайера выехала из Петербурга. К исходному пункту — село Казачье на Яне, она прибыла 22 марта. После недолгих сборов экспедиция направилась к месту нахождения трупа мамонта. Когда она прибыла на Санга-Юрях, учёные увидели труп небольшого мамонта, у которого не хватало многих костей. В последующих раскопках принимало участие несколько жителей Усть-янского улуса, в том числе участники Русской Полярной экспедиции Э.В. Толля Николай Гулимов, Гаврил Хабаров и др. Из Якутска экспедицию сопровождал Степан Расторгуев.

Николай Гулимов рассказал К.А. Воллосовичу о другом хорошо сохранившемся мамонте, найденном в 1906 году эвеном Алексеем Гороховым (бывшим проводником Толля и Воллосовича в 1901-1902 гг.) на острове Большом Ляховском, в истоках реки Этэрикэна.

Воллосович решил отправиться на этот остров на свой страх и риск, пригласив 12 лучших охотников-якутов, эвенов и юкагиров. Из-за отсутствия средств ему пришлось занять деньги у местного населения в твёрдой надежде, что позднее все издержки будут покрыты Академией наук. Благополучно добравшись до места нахождения мамонта, отряд Воллосовича начал раскопки, которые продолжались два месяца. Через несколько месяцев ляховский мамонт, расчленённый на части, был доставлен в Петербург в бочках, в засолённом виде. Воллосович долго не мог добиться от Академии наук возмещения средств, затраченных им на дополнительную экспедицию на Большой Ляховский остров. По случайности тогда в Петербурге находился богатый французский граф Стенбок-Фермер, и Воллосович обратился к нему за содействием. Стенбок-Фермер немедленно уплатил все его долги, зато мамонт перешёл в собственность графа, который в 1914 году подарил его Естественному-Историческому музею Французской Академии наук в Париже. Благодаря этому в настоящее время во всём мире имеются два уникальных чучела мамонта: березовский — в Ленинграде и ляховский — в Париже.

В 1909 году состоялось третье путешествие К.А. Воллосовича в Якутию. Для топографического и гидрографического обследования восточно-сибирского побережья Северного Ледовитого океана и выяснения условий плавания судов от устья Лены до Берингова пролива Министерство промышленности и торговли снарядило две самостоятельные экспедиции и одну из них, Лено-Колымскую, возглавил К.А. Воллосович.

В состав Лено-Колымской экспедиции входили топограф Николай Андреевич Июдин и астроном Евгений Фёдорович Скворцов. Исходным пунктом работ экспедиции служило село Казачье, куда она прибыла 25 апреля 1909 года.

В начале экспедиция работала в низовьях Яны, затем перешла на Индигирку и Алазею, и уже позднее — на Лену. Это диктовалось условиями передвижения. «Причина такого распределения работ, — писал Е.Ф. Скворцов, — заключалась в том обстоятельстве, что передвижение

и съёмка дельт этих рек летом настолько трудна вследствие бесчисленного количества больших и малых протоков, что по нашему расчёту на съёмку потребовалось бы не менее полутора месяцев работы, ибо переправы через реки занимают весьма много времени» (48, с. 402). 14 декабря экспедиция возвратилась в Петербург.

Лено-Колымская экспедиция К.А. Воллосовича существенно уточнила очертания береговой линии океана между устьями Лены и Колымы, выполнила топографическую съёмку дельты Яны и береговой линии на протяжении 1500 вёрст, от устья Лены до реки Малой Куропаточьей. Всего за полгода работы Воллосовичу и его спутникам удалось пройти более двух тысяч вёрст, главным образом, между Алазеей и Индигиркой. Было определено 25 астрономических пунктов, в том числе 18 на побережье и 2 — на Верхоянском тракте. В течение шести месяцев систематически велись метеорологические наблюдения.

Значительным оказались также материалы гидрологических и геологических наблюдений Воллосовича, существенно дополнившие исследования Лаптева, Анжу, Врангеля и Толля. Воллосович и Июдин совершили весьма интересный маршрут, более 400 вёрст длиною, по северному склону горного кряжа Улахан-Сис. Здесь они встретили «целый каменный лес — так называемый Кисиляхи¹ — грандиозные продукты выветривания гранитных масс» (48, с. 408).

Геологическая карта Новосибирских островов, составленная в 1906 году К.А. Воллосовичем, как и описание к ней остались неизданными.

Сводный труд о Лено-Колымской экспедиции К.А. Воллосовича был издан в 1930 году Комиссией Академии наук по изучению Якутской АССР (22).

К.А. Воллосович погиб 25 сентября 1919 года при крушении поезда под Петербургом. Его имя заслуженно стоит в одном ряду с именами таких замечательных географов и геологов — исследователей Якутии, как А.Л. Чекановский, И.Д. Черский и Э.В. Толль. Труды К.А. Воллосовича не потеряли до настоящего времени большого научного значения. Имя К.А. Воллосовича запечатлено на карте Арктики: его именем названы мыс и остров в море Лаптевых.

¹ Отдельные группы скалистых поднятий с причудливыми формами выветривания гранитов: каменные фигуры людей, животных, столбы, башни и т.д. Их по-якутски называют кисиляхи.

Георгий Яковлевич СЕДОВ

Имя мужественного моряка-исследователя Г.Я. Седова хорошо знакомо советским людям. Его жизнь, путешествия и деятельность — яркий пример героического служения Родине, науке. Седов отдал свою жизнь во имя достижения Северного полюса.

Г.Я. Седов был горячим поборником и энтузиастом освоения Севера и Северного морского пути. В 1905 году успешно прошла экспедиция по проводке судов из Архангельска к устью Енисея. В связи с этим событием Седов писал, что «теперь на очереди освоение второй половины Северного морского пути — от устья Енисея до Берингова пролива». Он призывал русских учёных и моряков исследовать этот участок пути «ради отечественной пользы, долга перед Родиной и национальной гордости». В 1907 году Седов выступил с предложением снарядить экспедиции для подробной описи арктического побережья от устья Енисея до Берингова пролива.

В начале 1909 года Главное гидрографическое управление морского министерства организовало экспедицию для описи устья реки Колымы с целью выяснения возможности захода в реку морских судов. Экспедицию возглавил 32-летний штабс-капитан Г.Я. Седов.

Георгий Яковлевич Седов родился 5 мая 1877 года в хуторе Кривая Коса (ныне посёлок Седово Донецкой области), в семье бедного неграмотного рыбака. С раннего детства он полюбил морской простор. После окончания мореходных классов в Ростове-на-Дону Седов плавал на торговых судах в Чёрном и Средиземном морях. В 1901 году он успешно сдал экзамены за курс морского корпуса и уже как поручик был прикомандирован к Главному гидрографическому управлению. В 1902-1903 годах Седов — помощник начальника экспедиции по исследованию Карского моря. В 1904-1907 годах он служил на Дальнем Востоке, а в 1908 году — гидрограф на Каспии. Через год Седов был назначен начальником Колымской гидрографической экспедиции.

Экспедиция выехала из Петербурга 3 марта 1909 года. Она состояла всего из двух человек: начальника Г.Я. Седова и его помощника боцманмата Василия Жукова — участника двух арктических экспедиций.

Чтобы добраться из Петербурга до устья Колымы, путешественникам потребовалось почти три с половиной месяца. Сначала они ехали по железной дороге до Иркутска. 15 марта экспедиция вышла из Иркутска на лошадях в Якутск, куда прибыла 2 апреля. После пятидневного отдыха Седов, Жуков и казак-переводчик Николай Дьячков, присоединившийся в Якутске, направились в Верхоянск (на лошадях — до станции Сеген-Кельской, а дальше до Верхоянска — на оленях).

Самый трудный участок путешествия — от Якутска до Среднеколымска — пришёлся на весеннюю распутицу. В Верхоянск экспедиция прибыла 20 апреля. Упорно преодолевая всевозможные трудности и опасности в пути, пройдя на оленях и лошадях за три недели около 1400 вёрст, экспедиция 14 мая добралась до Среднеколымска. Об этом путешествии Седов пишет предельно лаконично: «Дорога была ужасная, шёл по горам, по тайге, по тундре, через реки, болота и озёра» (50, с. 140).

В Среднеколымске Седов нанял шесть рабочих — якутов, построил два карбаса, и 25 мая начал плавание по Колыме. 31 мая Седов посетил могилу известного геолога и географа И.Д. Черского. 2 июня экспедиция благополучно прибыла в Нижнеколымск. 7 июня Седов и его спутники направились к месту предстоящих работ — к устью Колымы.

С 8 июня по 15 августа Седов и его помощники провели мензульную съёмку берегов, занимались промерными работами, установили береговые опознавательные знаки, определили 9 астрономических и 6 магнитных пунктов. Одновременно велись регулярные метеорологические и гидрологические наблюдения, в особенности за ветрами и течениями, влияющими на движение льдов. Также Седов собрал образцы минералов и чучела птиц.

Успешно выполнив основную задачу, экспедиция вышла вверх по Колыме, производя в пути маршрутную съёмку реки и её берегов. Карбасы против течения бечевой тащили собаки. Продовольствия не хватало, питались рыбой и дичью. 18 августа исследователи добрались до Нижнеколымска. Здесь работы были закончены.

Обратный путь, занявший более четырёх месяцев, проходил через Среднеколымск, Верхоянск и Якутск. Лишь 15 декабря 1909 года Седов и Жуков возвратились в Петербург.

За два месяца напряжённой работы Седову и его спутникам удалось полностью подготовить устье реки Колымы для открытия по ней навигации. С помощью тщательных промеров они установили, что морской бар находится к северу от мыса Медвежьего, а речной бар — против заимки Сухарной. Были обследованы фарватер между этими двумя барами и участок от речного бара до рейда Шалаурова.

Экспедицией была доказана возможность прохода морских судов через бар в Колыму и по ней — до Нижнеколымска. Составленные ею карты устья Колымы, по свидетельству пользовавшихся ими капитанов, были «очень точны». Седов, подводя итоги своей экспедиции, писал: «Надо думать, что русское торговое мореплавание к берегам Колымы не замедлит развиться на общую пользу дела, тем более, что наблюдения за погодой и льдами показали, что плавание в этой части Ледовитого океана для морских судов возможно в течение по крайней мере около двух месяцев» (110, с. 37). Г.Я. Седов оказался прав. Ещё до революции в устье Колымы пришли грузовые пароходы.

Находясь на Колыме, Г.Я. Седов внимательно наблюдал жизнь местного населения. Он здесь заметил крайне низкое техническое оснащение пушных и рыбных промыслов, нерегулярную доставку и дороговизну привозимых продуктов, частые голодовки и болезни населения. По мнению Седова, это тяжелейшее положение в крае мог изменить лишь регулярный приход в устье Колымы морских пароходов.

С подробным докладом результатах Колымской экспедиции Седов выступил в Главном гидрографическом управлении, а затем в Географическом и Астрономическом обществах. В знак признания заслуг перед наукой Седов был избран действительным членом этих обществ. Его отчёт об экспедиции впоследствии был опубликован (110).

В рапорте начальнику Главного гидрографического управления, поданном в январе 1910 года, Г.Я. Седов поставил вопрос о быстрейшем открытии на Колыме речного пароходства для доставки прибывших морем грузов до Средне- и Верхнеколымска, что облегчило бы «бедственное положение колымчан» (82, с. 562).

«Колымская экспедиция Г.Я. Седова, — пишет Д.М. Пинхенсон, — может служить ярким примером того, как при крайне ограниченных средствах, но при преданности делу маленькая горстка людей способна успешно выполнить большую и трудную задачу». (Там же).

Г.Я. Седов подчёркивал, что «колымчане — добрые, хорошие люди, отличаются безукоризненной честностью и преданностью. Все они отнеслись к нам с большим вниманием и любовью. С ними нам скоро удалось установить самые сердечные отношения, которые впоследствии не могли не принести нам большой пользы» (110, с. 22).

В 1911 году правительство наградило серебряной медалью «За усердие» шесть участников экспедиции. Один из них, Николай Николаевич Берёзкин (умер в пос. Черский в 1966 году, в возрасте 85 лет), с теплотой вспоминал о Седове: «Каждый из нас, рабочих, выполнял определённые работы, — рассказывал он. — Я, например, «головой отвечал» за сохранность и исправность приборов и багажа. А ещё производил промерные работы и устанавливал створы. Сопровождал Седова до Якутска. Всем нам, рабочим экспедиции, он объявил благодарность. Нам как-то грустно было расставаться с таким человеком, как Георгий Яковлевич Седов.

Седов был знающим, скромным и гуманным человеком. Он не допускал ни малейшей грубости по отношению к нам. Учёный гидрограф не раз говорил нам, что плавания морских судов по Колыме сделают переворот в жизни колымского края. Седов твёрдо верил в это и уверял нас, что недалеко то время, когда на Колыме будет счастливая, культурная жизнь. Слова Георгия Яковлевича сбылись! Седов пользовался особым уважением у колымчан и оставил светлую память в моём сердце» (65).

Будучи трижды в Арктике — на Новой Земле (1902-1903, 1910 гг.) и на Колыме (1909 г.) — Г.Я. Седов был «околдован» Севером. Именно в те годы у него родилась мечта во что бы то ни стало достичь Северного полюса. Он считал это своим долгом перед Родиной. В течение ряда лет Седов вынашивал идею организации первой русской экспедиции к полюсу.

9 марта 1912 года Г.Я. Седов подал начальнику Главного гидрографического управления докладную записку с проектом экспедиции. Он писал: «Горячие порывы у русских людей к открытию Северного полюса проявлялись ещё во времена Ломоносова и не угасли до сих пор... русские способны совершить подвиг научного открытия Северного полюса во имя интересов и чести своей страны» (82, с. 509).

К сожалению, идею Г.Я. Седова не поддержали в правительственных кругах. Тогда Седов решает провести экспедицию на средства частных

пожертвований. В 1912 году он с четырьмя спутниками попытался проникнуть к Северному полюсу. Но уже на западном побережье Новой Земли экспедиционное судно «Св. Фока» прочно вмёрзло в льды и должно было там перезимовать. В 1913 году судно достигло Земли Франца-Иосифа, где у острова Гукера снова вынуждено было стать на зимовку. В середине февраля 1914 года Седов с двумя матросами (А. Пуштошного и Г. Линника), несмотря на полное изнеможение, отправился на собачьих упряжках к Северному полюсу. Почти три недели длился этот беспримерный поход. Ни нагромождения льдов, ни мороз, ни пурга не останавливали смельчаков. О возвращении уже не могло быть и речи. Когда Г.Я. Седов свалился, его повезли вперёд на нартах. 5 марта железный организм Георгия Яковлевича не выдержал. Он скончался на руках своих верных спутников. Товарищи похоронили его тело на острове Рудольфа — самом северном из островов Земли Франца-Иосифа.

Заветную мечту Г.Я. Седова не раз осуществили советские люди, которые водрузили флаг СССР на Северном полюсе.

1 июня 1979 года впервые в истории освоения Арктики семеро участников высокоширотной экспедиции «Комсомольской правды» на лыжах достигло Северного полюса. Вписана ещё одна славная страница в летописи мужества, отваги и научного поиска.

2 июня жители посёлка Черский, что в устье Колымы, были первыми людьми Большой земли, встретившими участников экспедиции. Именно 2 июня 1909 года, ровно 70 лет назад, Седов рассказывал жителям Нижнеколымска (в 35 км от Черского) о своей мечте достичь Северного полюса. Именно оттуда, от устья Колымы, взял Г.Я. Седов старт к Северному полюсу. Поистине удивительная связь времён, жизней и подвигов!

Сбылись пророческие слова Г.Я. Седова: ныне Колыма — крупная водно-транспортная магистраль на северо-востоке нашей страны, органически связанная с Северным морским путём. За советское время облик Колымы неузнаваемо преобразился. На её некогда диких, необжитых берегах произошли крупные социально-экономические преобразования.

Терминологический словарь

АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИЯ — центральный государственный орган управления военно-морским флотом в России. Она ведала верфями, строительством гаваней и портов, подготовкой, вооружением и снабжением флота.

АДЪЮНКТ — в дореволюционной России и в ряде стран Западной Европы: лицо, занимающее младшую учёную должность, помощник профессора или академика.

АМАНАТ — заложник; человек, взятый в залог.

БОТ — небольшое гребное, парусное или моторное мореходное судно для перевозок, рыболовного промысла и других целей.

ВЕЛЬБОТ — лёгкая быстроходная 4-8-весельная шлюпка с острым носом и кормой. Различают разъездные и спасательные.

ВОЖ — проводник экспедиции или отряда.

ВОЛОК — водораздельный участок между верховьями двух рек, близко сходящихся в своих истоках, по которому в XV-XVII веках волочили суда при переходе из бассейна одной реки в другой.

ГОСУДАРЕВА КАЗНА — собранный ясак-пушнина.

ДУБЕЛЬ-ШЛЮПКА — небольшое морское судно, оборудованное парусом и вёслами. Отсюда и название дубель (двойная).

ЗИМОВЬЕ — одно или несколько изб, в большинстве случаев обведённых укреплением — забором из брёвен.

КАМЕНЬ — старое название любого горного хребта, каменистой гряды или возвышенности, сложенной коренными породами.

КАРБАС — большая лодка для рыбного промысла.

КОНСИЛИУМ — совет морских офицеров; совещание для решения важного вопроса.

КОЧ — в XVI-XVII вв. морское деревянное однопалубное одномачтовое парусно-гребное судно (парус ставили при попутном ветре).

НАКАЗНАЯ ПАМЯТЬ — письменная инструкция, наставление.

ОСТРОГ — древнее деревянное укрепление, которое обычно возводилось на крутом берегу реки. Вокруг жилых построек строились рубленые деревянные стены с башнями, на которые ставились пушки. Многие остроги ещё обносились земляными валами и рвами. Некоторые остроги впоследствии стали крупными городами.

ПИСЬМЕННЫЙ ГОЛОВА — лицо, ведающее воеводской перепиской. В современном значении — заведующий канцелярией, делопроизводитель.

ПИЩАЛЬ — артиллерийское орудие, тяжёлое ружьё.

ПОДЬЯЧИЙ — канцелярский служащий в местных государственных учреждениях России XVI-XVII веков.

ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ — в Русском государстве торговое промышленное городское население. Они несли государственное тягло (налоги, торговые пошлины, натуральные повинности и пр.). В 1775 году разделены на купечество и мещан.

ПРИКАЗЧИК — должностное лицо, ведавшее сбором ясака или руководившее служилыми людьми, которые находились в остроге.

ПЯТИДЕСЯТНИК — лицо, которому отданы под начало пятьдесят человек.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОМПАНИЯ — предприятие, образованное в 1799 году из ранее существовавших частных купеческих компаний для промыслов в северной части Тихого океана, на северо-западных берегах Северной Америки, на Алеутских и Курильских островах. Компания имела все права и обязанности государственного аппарата. При поддержке русского правительства она основала многие поселения, организовала 25 экспедиций, из них 15 кругосветных. Она существовала до 18 марта 1867 года — момента продажи Аляски и прилегающих островов Россией Соединённым Штатам Америки.

РЫБЬИЙ, РЫБИЙ ЗУБ — моржовый клык, который в XVII веке ценился дороже слоновой кости и был валютным экспортным товаром Московского государства.

СИБИРСКИЙ ПРИКАЗ — центральное правительственное учреждение в Москве, ведавшее делами Сибири. Образован в 1637 году. До него Сибирскими делами управлял Казанский приказ. Существовал до 1763 года.

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ — в Русском государстве XIV-нач. XVIII веков лица, находившиеся на государственной службе. Они получали денежное и хлебное жалованье и освобождались от государственных налогов и повинностей.

СОРОК — старинная русская единица счёта, равная 40. Обычно употреблялось для учёта, мелких предметов и мехов (10 сороков соболей — значит 400 шкурок соболя).

СОТНИК — сотенный голова, начальник или командир сотни (подразделение из ста человек).

СТРУГ — парусно-гребное плоскодонное деревянное судно с отвесными бортами и заострёнными оконечностями (длиною до 45 м). Применялись в России для плавания по рекам в XI-XVIII веках.

СЫН БОЯРСКИЙ — в Русском государстве XV-XVII веков мелкий феодал на военной службе у князей, бояр, церкви.

ТОЛМАЧ — устный переводчик; знаток местных языков.

ЦЕЛОВАЛЬНИК — должностное лицо в Русском государстве XV-XVIII веков. Избирался из посадских людей для выполнения различных финансовых, судебных и других обязанностей. При вступлении в должность он клялся честно выполнять свои обязанности — целовал крест.

ЧЕЛОБИТНАЯ — в Русском государстве XV-XVIII веков прошение, письменная просьба; в современном значении заявление.

ШИВЕР — каменистый пережат на реке, мелководный участок реки; мелкое место во всю ширину реки.

ЯСАК — натуральный налог, которым облагались в Московской Руси и царской России народы Сибири и Севера. Ясак обычно собирался пушминой, главным образом, соболями.

Литература

1. Адамов А. Подвиг землепроходца. «Вокруг света» №10, 1950.
2. Акты о плавании письменного головы Василия Пояркова из Якутска в Охотское море. Дополнения к Актам историческим, изданные Археографической комиссией, т. III, СПб., 1848.
3. Алексеев А.И. Гавриил Андреевич Сарычев. «Наука», М., 1966.
4. Алексеев А.И. Сыны отважные России. Магадан, 1970.
5. Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск, 1966.
6. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времён до середины XIX века. «История открытия и освоения Северного морского пути», т. I, «Морской транспорт», М., 1956.
7. Белов М.И. Советское арктическое мореплавание 1917-1932 гг. «История открытия и освоения Северного морского пути», т. III, «Морской транспорт», Л., 1959.

8. Белов М.И. Новые материалы о походах устюжского купца Никиты Шалаурова. «Географический сборник», т. III, М.-Л., 1954.
9. Белов М.И. Подвиг Семёна Дежнёва. «Наука», М., 1973.
10. Белов М.И. Ерофей Хабаров в Мангазее и на Таймыре. «Летопись Севера», т. VII, М., 1975.
11. Белов М.И. Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку. «Летопись Севера», т. II, М., 1957.
12. Берг Л.С. История географического ознакомления с Якутским краем. Избранные труды, т. I, М., 1956.
13. Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 3-е изд., М.-Л., 1946.
14. Бунге А.А. Предварительный отчёт об экспедиции на Новосибирские острова. Изв. Имп. Русск. географ. о-ва, т. 23, №5, 1887.
15. Бунге А.А. Описание путешествия к устью реки Лены (1881-1884 гг.). «Тр. Русской полярной станции на устье Лены», ч. I, СПб., 1895.
16. Бунге А.А. Предварительный отчёт об экспедиции на Новосибирские острова. Изв. Имп. Русск. географ. о-ва. т. 23. вып 6, 1887.
17. Визе В.Ю. Семён Дежнёв. Изв. Всес. географ. о-ва, т. 80, вып. 6, 1948.
18. Визе В.Ю. Моря Советской Арктики. 3-е изд., М.-Л., 1948.
19. Виттенбург П.В. Жизнь и деятельность Э.В. Толля. изд. АН СССР, М.-Л., 1960.
20. Воллосович К.А. О геологических работах на Новосибирских островах. Изв. Имп. АН, сер. 5, т. 16, №5, 1902.
21. Воллосович К.А. О геологическом строении Новосибирских островов. Зап. Минёр, о-ва, сер. 2, №43, 1905.
22. Воллосович К.А., Скворцов Е.Ф. Лено-Колымская экспедиция 1909 года под начальством К.А. Воллосовича. «Труды Комиссии по изучению Якутской АССР», т. 15, 1930.
23. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершённое в 1820-1824 гг. 2-ое изд., М.-Л., 1948.
24. Гвоздецкий Н.А. Советские географические исследования и открытия. «Мысль», М., 1967.
25. Геденштром М.М. Опись берегов Ледовитого моря от устья Яны до Баранова Камня. «Сибирский вестник», ч. 2, 1823.
26. Геденштром М.М. Отрывки о Сибири. СПб., 1830.

27. Геденштром М.М. Путешествие по Ледовитому морю к островам одного, лежащим от устья Лены к востоку. «Сибирский вестник», чч. 17-19, 1822.
28. Геофизические проблемы Якутии. Сб. статей, Л., 1928.
29. Глушанков И.В. Первооткрыватели Таймыра. В сб.: «Полярный круг», М., 1974.
30. Греков В.И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725-1765 гг. Изд. АН СССР, М., 1960.
31. Дивин В.А. Великий русский мореплаватель А.И. Чириков. Географгиз, М., 1953.
32. Евгенов Н.И. Экспедиция к устьям рек Лены и Оленёк. Л. 1929.
33. Зарины В. и Е. Путешествие М.П. Черской. Географгиз, М., 1952.
34. Иванов В.Н. Вклад А.Ф. Миндендорфа в изучении истории и этнографии народов северо-востока Сибири. В сб.: «Развитие гуманитарных исследований в Якутии», Новосибирск, 1981.
35. Иванов В.Н. Русские учёные о народах северо-востока Азии (XVII-начало XX в.), Якутск, 1978.
36. Иванов В.Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии (XVII-XVIII вв.), «Наука», М, 1974.
37. Иванов Ю.А., Чикачёв А.Г. Загадка древних поселений на Медвежьих островах. В ст.: «Полярный круг», вып. 2, М., 1978.
38. Изгачев В.Г. Русский землепроходец Пётр Иванович Бекетов. Учён. зап. Читинск. пед. ин-та, вып. 4, 1959.
39. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. Географгиз, М., 1949.
40. Крашенинников С.П. в Сибири. Неопубликованные материалы. «Наука», М.-Л., 1966.
41. Кремер Б.А. Первые полярные станции. «Природа», № 6, 1980.
42. Куваев О. Странная судьба Никиты Шалаурова. «Вокруг света», №12, 1969.
43. Кузнецов С.С. Отечественные геологи. Изд. АН СССР, М., 1972.
44. Курилов В., Резун Д. Солнцу навстречу. Газ. «За науку в Сибири», 8 октября 1981 г.
45. Кучеров И.П. Гидрографические исследования Г.Я. Седова в Арктике. В сб.: «Русские арктические экспедиции XVII-XX вв.», Л., 1964.
46. Кушнарёв Е.Г. В поисках пролива (Первая Камчатская экспедиция 1725-1730 гг.), Гидрометеиздат, Л., 1976.

47. Лаптев Х.П. Описание, содержащее от флота лейтенанта Харитона Лаптева в Камчатской экспедиции, меж реками Лены и Енисея, в каком состоянии лежат реки и на них всех живущих промышленников состояние. «Зап. гидрограф, департ.», IX, 1851.

48. Лено-Колымская экспедиция 1909 года. Изв. Имп. Русск. географ. о-ва, т. 50, вып. 7, 1914.

49. Леонов Н.И. Александр Фёдорович Миддендорф. «Наука», М., 1967.

50. Лосев А. Забытая публикация (об экспедиции Г.Я. Седова на Колыму). «Дальний Восток», № 7, 1974.

51. Маак Р.К. Вилуйский округ Якутской области, ч. I, СПб., 1883; ч. II, СПб., 1886; ч. III, СПб., 1887.

52. Майдель Г.Л. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868-1870 годах. СПб., тт. 1-2, 1894-1896.

53. Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. Учпедгиз, М., 1967.

54. Марков С.Н. Вечные следы. «Молодая гвардия», М., 1973.

55. Марков С.Н. Летопись. «Молодая гвардия», М., 1978.

56. Матисен Ф.А. Экспедиция к устью реки Лены 1919 года. Иркутск, 1921.

57. Мельников А.В., Масленников Б.Г. Фёдор Андреевич Матисен. Изв. Всесоюзн. географ. о-ва, т. 104, вып. 5, 1972.

58. Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1860-1878.

59. Мостахов С.Е., Некрасов И.А., Дмитриева З.М., Калмыкова А.И. Якутская АССР (Краткий географический словарь-справочник), Якутск, 1980.

60. Мостахов С.Е. Сподвижники путешественников и исследователей. Якутск, 1966.

61. Мостахов С.Е., Сивцева А.И. География Якутии. Якутск, 1968.

62. Мостахов С.Е. Эдуард Толль и его верные спутники. «Полярная звезда», №5, 1960.

63. Мостахов С.Е. Путешественник и исследователь Яков Санников. «Полярная звезда», №2, 1965 г.

64. Мостахов С.Е. Отважный исследователь (о И.Д. Черском). Газ. «Социалистическая Якутия», 15 мая 1965.

65. Мостахов С.Е. Он был спутником Г. Седова. Газ. «Кыым», 28 ноября 1964 г.

66. Мостахов С.Е. А.Л. Чекановский. «Новости геологии Якутии», вып. 3, 1973.
67. Мостахов С.Е. Зимовка в устье Лены. Газ. «Социалистическая Якутия», 3 октября 1965 г.
68. Мостахов С.Е. Кочи плывут на восток. Газ. «Кыым», 30 июня 1963 г.
69. Мостахов С.Е. Участие коренного (аборигенного) населения в географических открытиях и исследованиях Сибири в XVII-XIX вв. «Сибирь в прошлом, настоящем и будущем», вып. III, Новосибирск, 1981.
70. Мурзаев Э.М. Рассказы об учёных и путешественниках. «Мысль», М., 1979.
71. Наумов Г.В. Русские географические исследования Сибири в XIX-начале XX в. «Наука», М., 1965.
72. Обручев В.А. История геологического исследования Сибири, Период третий (1851-1888 гг.), Л., 1934.
73. Окладников А.П. Пенда — забытый русский землепроходец. XVII века. «Летопись Севера», т. I, Л., 1949.
74. Окладников А.П. Раскопки на севере. «По следам древних культур». Изд. АН СССР, М., 1951.
75. Осипов К.С. И. Челюскин. Географгиз, М., 1951.
76. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. Сб. документов. Составлен Н.С. Орловой. М., 1951.
77. Пасецкий В.М. Арктические путешествия россиян. «Мысль», М., 1974.
78. Пасецкий В.М. Находки, которые открывают тайны. «Транспорт», М., 1964.
79. Пасецкий В.М. Пётр Анжу. Географгиз, М., 1958.
80. Пасецкий В.М. Фердинанд Петрович Врангель. «Наука» М., 1975.
81. Пинегин Н.В. Георгий Седов. М.- Л., 1953.
82. Пинхенсон Д.М. Проблема северного морского пути в эпоху капитализма. «История открытия и освоения Северного морского-пути», т. 2, «Морской транспорт», Л., 1962.
83. Полевой Б.П. Трёхсотлетие со дня рождения Витуса Беринга. Изв. Всесоюзн. географ. о-ва, т. 113, вып. 6, 1981.
84. Полевой Б.П. Новое о Пянде. В сб.: «Экономика, управление и культура Сибири XVI-XVII вв». «Наука», Новосибирск, 1966.

85. Полевой Б.П. О местоположении первого русского поселения на Колыме. Доклады Ин-та географии Сибири и Дальнего Востока» №2, 1962.

86. Полевой Б.П. О точном тексте двух отписок Семёна Дежнёва. 1655 года. Изв. АН СССР, сер. географ., №2, 1965.

87. Полевой Б.П. Об уточнении даты первого выхода русских на Тихий океан. «Страны и народы Востока», вып. XX, М., 1979.

88. Полевой Б.П. Эвены и эвенки — «вожи» русских первооткрывателей Тихого океана. «Полярная звезда», №1, 1980.

89. Полевой Б.П. Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья. Изв. Всесоюзн. географ. о-ва, т. 92, вып. I, 1960.

90. Полевой Б.П. Забытые сведения спутников В.Д. Пояркова о Сахалине (1644-1645 гг.), Изв. Всесоюзн. географ. о-ва, т. 90, вып. 6, 1958.

91. Полевой Б.П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959.

92. Полевой Б.П. Владимир Атласов — уроженец Якутска. «Полярная звезда», №3, 1974.

93. Попов С. Жизнь, ставшая легендой. Газ. «Социалистическая Якутия», 22 марта 1979 г.

94. Попов С. Первая полярная. Газ. «Социалистическая Якутия», 12 августа 1981 г.

95. Попов С. Последние спутники Толля. Газ. «Социалистическая Якутия», 22 февраля 1980 г.

96. Попов С. Сердце, отданное Сибири. Газ. «Социалистическая Якутия», 20 ноября 1979 г.

97. Попов С. Мореход Иван Ребров. Газ. «Социалистическая Якутия», 28 октября 1980 г.

98. Попов С. Путём, доселе неизвестным. Газ. «Социалистическая Якутия», 6 января 1982 г.

99. Попов С. Елисей Буза. Газ. «Социалистическая Якутия», 15 октября 1981 г.

100. Попов С. Земля Бунге. Газ. «Социалистическая Якутия», 11 мая 1977 г.

101. Пшеницын П. Путешествие геодезиста Пшеницына и промышленника Санникова по островам Ледовитого моря в 1811 -1812 гг. «Сибирский вестник» ч. 20, СПб., 1822.

102. Ревзин А.Г. Подвиг жизни Ивана Черского. М.- Л., 1952.

103. Романов Д.М. Новое о В.В. Прончищеве. Изв. АН СССР, сер. географ., №4, 1974.
104. Романов Д.М. Хараулахская трагедия. В сб.: «Полярный круг», М., 1978.
105. Русские арктические экспедиции XVII-XX вв. Сб. статей. «Наука», Л., 1964.
106. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. документов. Составил М.И. Белов. М.-Л., 1952.
107. Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. Географгиз, М., 1952.
108. Сафронов Ф.Г. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, 1956.
109. Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII-середине XIX в. «Наука», М., 1978.
110. Седов Г.Я. Путешествие на Колыму и на Новую Сибирь в 1909-1910 гг. «Зап. по гидрографии», т. 41, вып. 2, 1917.
111. Соколов А.П. Опись берегов Ледовитого моря между рр. Оленком и Индигиркой и северных островов лейтенантом Анжу. «Зап. Гидрограф, департ.», часть VII, 1849.
112. Сухова Н.Г. Физико-географические исследования Восточной Сибири в XIX веке. Изд. АН СССР, М.-Л., 1964.
113. Степанов Н.Н. Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVII веке. Изв. Всесоюзн. географ. о-ва, т. 90, №5, 1958.
114. Степанов Н.Н. Межплеменной обмен в Восточной Сибири, на Амуре и на Охотском побережье в XVII веке. Учён. зап. ЛГУ, №48, сер. ист. наук, вып. 5, 1939.
115. Толль Э.В. Плавание на яхте «Заря». Географгиз, М., 1959.
116. Труды Русской полярной станции на устье Лены. СПб., 1895.
117. Фишер И.Е. Сибирская история. СПб., 1774.
118. Фрадкин Н.Г. С.П. Крашенинников. «Мысль», М., 1974.
119. Фролов В. Гряда Чекановского. Газ. «Социалистическая Якутия», 16 апреля 1973 г.
120. Чекановский А.Л. Сборник неопубликованных материалов. Статьи о его научной работе. Иркутск, 1962.
121. Чекановский А.Л. Оленёкская экспедиция. Изв. Имп. Русск. географ. о-ва, т. XI, №2, 1875.

122. Чекановский А.Л., Венгловский С.И. Предварительный отчёт о Лено-Оленёкском путешествии. Изв. Имп. Русск. географ. о-ва, т. XII, №2 1876.
123. Чекановский А.Л. Дневник экспедиции по Нижней Тунгуске, Оленьку и Лене в 1873-1875 годах. Зап. Русск. географ. о-ва по общей географии, т. XX, №1, 1896.
124. Черский И.Д. Предварительный отчёт об исследованиях в области рек Колымы, Индигирки и Яны. Приложение к «Зап. имп. Акад. наук», т. 73, №5, 1893.
125. Черский И.Д. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Иркутск, 1966.
126. Швецов П.Ф. Живая вода в недрах Севера. «Наука» М., 1981.
127. Шинкарев Л.И. Сибирь: откуда она пошла и куда она идёт. 2-е изд., доп., «Сов. Россия», М., 1978.
128. Шуббо В. По следам легенды. Газ. «Известия», 7 января 1982 г.
129. Экспедиция Беринга. Сб. документов. Подг. А. Покровский, М., 1941.
130. Этнографические материалы Северо-восточной географической экспедиции 1785-1790 гг. Магадан, 1978.
131. Юргенс Н.Д. Экспедиция к устью р. Лены, Изв. Имп. Русск. географ. о-ва, т. XXI; выл. 4; 1885.
132. Якутия. Сб. статей под ред. П.В. Виттенбурга. Л., 1927.

На 1 форзаце фрагмент из «Атласа Российского»
Изд. Академии Наук. 1745 г.

На 2 форзаце фрагмент из «Чертежа Сибири Петра Годунова» 1667 г.
Первая русская печатная карта. Север — внизу, юг — вверху.

Семён Егорович Мостахов

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ-ИССЛЕДОВАТЕЛИ ЯКУТИИ

Ответственный редактор — доктор географических наук В.А. Есаков

Рецензенты: доктор географических наук И.А. Некрасов и

кандидат географических наук Я.Ф. Антошко

Зав. редакцией К.А. Эверстов Редакторы А.А. Егоров и В.Н. Федорова

Художник Ф.Ф. Павлов Худ. редактор С.С. Скрябин Техн. редактор М.Т. Егорова

Корректор З.М. Роббек

ИБ № 1071

Сдано в набор 13.07.82. Подписано к печати 15.12.82. МЛ 05269. Формат 84x1081/32. Бумага тип. №2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,03. Усл. кр.отт. 10,5. Уч.-изд. л. 10,5.

Тираж 10000 экз

Заказ № 149. Цена 45 коп. Якутское книжное издательство,
г. Якутск, ул. Чайковского, 26/2.

Якутская республиканская типография им. Ю.А. Гагарина, г. Якутск, ул. Кирова, 9.

OCR Андрей Дуглас 2023